

ИСИБАСИ ТАНДЗАН

ПУБЛИЦИСТИКА

СБОРНИК СТАТЕЙ

1912-1968

Перевод с японского и комментарии
Е.Н. Кручины

Издательство
SEIKATSU JOURNAL

Макс Пресс
Москва
2004

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Личность Исибаси Тандзан (1884-1973) трудно охарактеризовать в нескольких словах. Сын буддийского священника, один из первых выпускников престижного токийского университета Васэда, активный политик и талантливый публицист, крупный ученый-экономист и общественный деятель – все это Исибаси (см. материал *«Даты жизни и творчества Исибаси Тандзан»* в конце этой книги).

Энциклопедии чаще всего пишут о нем как о политическом и государственном деятеле, который занимал министерские посты в двух послевоенных правительствах Японии, а в конце 1956 – начале 1957 годов непродолжительное время был премьер-министром.

Однако большую часть своей жизни Исибаси отдал не политике, а публицистике, и, прежде всего, своему любимому детищу - журналу «Тоё кэйдзай симпо» («Восточное экономическое обозрение»), в который он пришел работать в 1912 году начинающим репортером и который потом возглавил. Во многом благодаря усилиям Исибаси «Тоё кэйдзай симпо» превратился из суховатого экономического бюллетеня в популярнейший японский общественно-политический журнал либеральной направленности, смело обращавшийся к анализу самых острых проблем внутренней и международной жизни. Исключительным упорством, бесстрашием и профессионализмом Исибаси и его коллег объясняется тот факт, что журнал, не меняя своего свободолюбивого характера, продолжал выходить и в годы финансовых кризисов, и трудные подцензурные 1930-е, и под бомбами Второй мировой войны.

Книге, которую читатель держит в руках, вполне можно было дать гораздо более броский заголовок, например: «Япония и мир в XX веке: дневник интеллектуала». В самом деле, данный сборник состоит из самых разноплановых статей, которые выходили за подписью Исибаси в течение почти 60 лет, и каких лет: с 1912 по 1968 годы! Не каждый публицист даже в славящейся своими долгожителями Японии может похвастаться столь завидным творческим долголетием.

Глубокая эрудиция, неподдельный интерес к жизни, знание людей, тонкая ирония оставались отличительными чертами очерков Исибаси на протяжении всех лет его творчества - писал ли он о проблемах женской эмансипации или о революции в России, об отправке японских войск в Сибирь или о вмешательстве военных в политику, о японо-китайских отношениях или об идее «Великой Японии», о ситуации в стране в конце августа 1945 года или о своей работе в качестве президента Общества «Япония-СССР».

Журнальная публикация, написанная когда-то «на злобу дня», со временем может стать историческим документом. Но документом эпохи она станет только в том случае, если автор в свое время писал честно, не кривя душой, не подстраиваясь под конъюнктуру. Очерки, созданные Исибаси – как раз из этой категории, и в этом их особая ценность. Это не только «живые картины» из недавней истории Японии, но и уникальный материал для всех, кто хочет понять, чем жили, о чем размышляли японские люди того времени.

На русском языке не так часто выходят переводные книги о современной истории Японии, а, тем более, книги-первоисточники, написанные не холодновато-отстраненными учеными мужами, а пристрастными очевидцами и, более того, активными участниками бурных событий ушедшего века. Можно только приветствовать инициативу Японского Фонда (The Japan Foundation), который включил книгу публицистики Исибаси Тандзан в список

произведений, рекомендованных к переводу на иностранные языки. Исибаси действительно есть что рассказать о Японии, и читатель это поймет и оценит.

Тем, кто захочет больше узнать о жизни и творчестве Исибаси Тандзан, можно порекомендовать обратиться к его книге «Воспоминания премьер-министра Японии», которая вышла в 2003 году в издательстве «МАКС Пресс». Яркие воспоминания Исибаси о своем детстве, об учебе в университете, о службе в армии, о политической и повседневной жизни довоенной и послевоенной Японии могут служить хорошим дополнением к данному изданию.

Евгений Кручина
июль 2004 г.

ИСИБАСИ ТАНДЗАН: ПУБЛИЦИСТИКА

I. СТАНОВЛЕНИЕ РАДИКАЛЬНОГО ЛИБЕРАЛА (1912-1913)

Проблемы становятся социальными
 Государство, религия и культура
 Японию нужно строить на философской основе
 Проект создания бесполезного святилища
 Изменение взглядов на роль женщины после Реставрации Мэйдзи
 О господах Инукаи и Одзаки
 Нет - эмиграции!

II. В АВАНГАРДЕ ДЕМОКРАТИИ ТАЙСЁ (1914-1923)

Циндао не должен принадлежать Японии
 Корни зла - в нашей внешней политике
 Логика представительной власти
 Имперский парламент должен работать непрерывно
 Признать радикальное правительство!
 Политическое значение рисовых бунтов
 Почему восстали корейцы?
 О забастовках и не только
 Готовность пожертвовать всем
 Грезы о Великой Японии
 Госпожа Бякурон уходит из дома
 И смерть его - во благо общества
 Возрождение духа

III. ПРИЗЫВЫ К ПРАВИТЕЛЬСТВАМ И ПОЛИТИЧЕСКИМ ПАРТИЯМ (1924-1931)

Вовлечь женщин в общественную жизнь!
 Основные принципы административной реформы
 Сбор местных налогов нужно возложить на местные власти
 Рассмотрение дела военнослужащего в военно-полевом суде и проблема «особых поселений»
 Истинное лицо коммунизма
 Помнить о павших
 Бездействие - примета нашего времени

IV. ПРОТИВ ВОЙНЫ (1931-1945)

Основные пути решения проблем Маньчжурии и Монголии
 Что стоит за призывами к укреплению служебной дисциплины
 За политику открытости миру
 Уроки германской измены
 О так называемом вмешательстве военных в политику
 В ожидании Столетней войны
 Мои пожелания новому кабинету министров
 Берлин: финал

V. НА ПУТЯХ ПОСЛЕВОЕННОЙ ЯПОНИИ (1945-1968)

Курс - на возрождение Японии
Стенограмма выступления в пресс-клубе
Чего мы ждем от дипломатии Икэда?
К вопросу об обороноспособности Японии

I. СТАНОВЛЕНИЕ РАДИКАЛЬНОГО ЛИБЕРАЛА (1912-1913)

= Проблемы становятся социальными =

Опубликовано в апрельском номере журнала «Тоё дзирон» за 1912 год под рубрикой «Культура и образование»

Вильгельм Либкнехт, руководитель Социал-демократической партии Германии и учитель Бебеля,¹ в своей речи в американском городе Балтиморе сказал: «Вы, американцы, нередко превозносите имеющиеся у Вас свободы. Но разве свобода – это то, что имеет какую-то цену? Разве ее можно примерить, словно одежду? Разве в ней можно поселиться, как в доме? Разве свободой можно питаться, укрепляя ей свои кости и наращивая на них мышцы?»

Думается, в этих словах есть своя правда. Конечно, Либкнехт – идейный наследник Маркса, а мы критикуем марксизм за однобокий экономический материализм. Есть у этого учения и множество иных недостатков, которые позволяют считать его несостоятельным. Однако при всем при том нельзя не признать, что в словах марксиста Либкнехта есть немалая доля истины.

Вот что еще тогда сказал В. Либкнехт: «Пока что свобода – это не более, чем слово, не более, чем школярская мечта о вседозволенности». По мысли Либкнехта, пока все мы лишь бездумно повторяем слово «свобода», не придавая ему никакого конкретного смысла. Нам нужно наполнить это понятие конкретным содержанием, решить, что такое свобода, как и каким образом ею пользоваться. В этом, можно сказать, и состоит задача сегодняшнего дня.

Конечно, было бы проявлением крайнего материализма подходить к делу поверхностно и всерьез обсуждать, способна ли свобода насытить человека пищей, дать ему кров, чтобы он укрылся от ненастья, или одежду, спасающую от зимней стужи. Однако для тех, кто хочет рассмотреть эту проблему с иной точки зрения, кто не собирается тратить время на общие места и абстрактные рассуждения о том, что есть свобода, а вместо этого хочет понять, что конкретно представляет собой свобода и как ее достичь – для таких людей в словах Либкнехта содержится вполне определенный смысл.

Впрочем, стоит еще раз подчеркнуть, что сама партия Либкнехта в этом конкретном вопросе остается на ошибочной – материалистической – точке зрения и видит своей единственной целью установление всеобщего экономического равенства.

Если говорить об эволюции понятия «свобода» в Новое время, то нужно отметить, что последние 50-60 лет в этом смысле заметно отличаются от всего предшествующего исторического периода. Конец XVIII и начало XIX веков стали временем расцвета движений за предоставление избирательного права мужчинам. Примерно в это же время начинают раздаваться первые призывы расширить права женщин. Однако женское движение той поры не пошло дальше абстрактных утверждений вроде того, что «мы, женщины – в точности такие же люди, как и мужчины».

А как обстоит дело сейчас?

Помнится, когда у нас в Японии впервые показывали спектакль по пьесе «Кукольный дом», написанной Ибсеном² в 1879 году, то мы немало удивлялись тому, как много внимания в драме было уделено женскому вопросу.

С тех пор общество сильно изменилось. Изменилось и существо женского вопроса. Долгое время мыслители всего мира до хрипоты твердили о том, что женщины составляют половину человечества и уже только поэтому являются людьми, что общество просто обязано считать их людьми. Однако современное общество, сколь странным не покажется это заявление, уже давным-давно считает эту половину человечества людьми. Так, например, в 1900 году в Североамериканских Соединенных штатах каждой пятой женщине

поутру приходилось выходить из дома и идти на завод или на рынок, где она не только трудилась плечом к плечу с мужчинами, но и вступала с ними в конкуренцию. Женщины вынуждены работать. В 1897 году работали уже 27% британских женщин, а если вести речь о сегодняшнем дне, то, наверное, там работают уже две из каждых пяти женщин.

Более того. Сейчас женщины оказались поставленными в такие условия, что даже если они хотят выйти замуж и сидеть дома, то им это сделать непросто. Независимо от того, хотят ли они работать или нет, они просто вынуждены это делать. Так что независимо от того, продолжают ли они выступать под лозунгом «Мы тоже люди» или нет, современное общество уже рассматривает их не как женщин, а, прежде всего, как людей, которые сами должны зарабатывать себе на жизнь.

Таким образом, женский вопрос сегодня состоит не в том, чтобы отстаивать какие-то особые права женщин, а в том, чтобы помочь им, женщинам, выжить в борьбе за существование.

Настроения в сегодняшнем женском движении хорошо передают слова Макса Истмана: «Думаю, вряд ли даже одна из пятидесяти женщин, участвующих сегодня в женском движении, мотивирует свое участие тем, что это может дать ей какие-то элементарные права. Более того: наверное, ни один из мужчин, поддерживающих женщин в данном движении, не делает это только потому, что считает нужным и справедливым предоставить им такие элементарные права. Корни у этого движения – гораздо более глубокие. Его основополагающие принципы ни в коем случае не сводятся к таким понятиям, как абстрактные права или абстрактная справедливость».

Понятия «права» и «свободы» по самому смыслу этих слов резко противоречат понятию «ограничения». При этом, как заметил Либкнехт, свобода – это не пища, не одежда и не жилище. Ее функции – как раз в том, чтобы быть орудием разрушения неких «ограничений». Но после того, как ограничения разрушены, наступает время созидательной работы, время строительства нового. И здесь уже орудие под названием «свобода» не играет такой роли, как прежде, здесь мы должны пользоваться какими-то иными инструментами и орудиями.

И одним из примеров такого перехода служит изменение существа женского вопроса. Женский вопрос возник как вопрос о личной эмансипации женщин и в такой форме просуществовал все Новое время. Однако в последний период существо женского вопроса начало меняться, и эти изменения продолжают вплоть до настоящего времени. Осталась позади эпоха, когда речь шла о личности и эмансипации отдельной женщины. Сейчас наиболее острые проблемы лежат в другой плоскости: как можно реализовать личности в обществе, как конкретно можно добиться эмансипации?

Партия Либкнехта, кстати говоря, и была создана, прежде всего, для решения этих задач. Именно в этом лежит причина такого быстрого расцвета социалистического движения и социалистической политики. В этом же видятся и корни идеологического брожения, которое давно наблюдается в обществе и стало особенно бросаться в глаза в последнее время.

Сегодня, когда прекратились призывы к свободе и эмансипации, стало казаться, что в обществе восторжествовали идеалы Руссо.³ Однако в действительности неудовлетворенность в обществе по-прежнему существует, а причины ее лежат в том, что теперь нужно решать конкретные острые социальные проблемы, а они сейчас не только не решаются, но даже способы их решения остаются неясными.

Как уже говорилось, в эпоху Нового времени и особенно в последний период в мире произошли значительные изменения. А каково сейчас положение дел в нашей стране?

Смутно помню, что еще в 1893-1894 годах, в годы моего детства, до нашей деревни продолжали докатываться отзвуки тех жарких политических дискуссий, которые пылали в столице в то время, когда я был совсем еще ребенком – в 1879-1880 годах. Сейчас, конечно, уже мало кто помнит о «движении за свободу и народные права».⁴ (Хотя кое-кто, наверное,

и жалеет, что пыл политических дискуссий того времени уже угас, но факт остается фактом: теперь на подобные темы уже никто не говорит). Вместо этого в течение нескольких последних лет мы слышали призывы некоторых литераторов «вернуться назад, к природе» - и призывы эти, надо сказать, находили неожиданно сильный отклик в обществе. Впрочем, сейчас стихли и они.

Какие же проблемы волнуют нашу страну сегодня? Прежде всего, это – социальные проблемы. Говоря о разнообразных реалиях, возникших в нашем обществе за последние несколько лет, нельзя не вспомнить о колоссальных переменах, которые произошли и происходят на наших глазах именно в этой области. Создаются филантропические организации. В министерстве внутренних дел началась работа по изучению жизни беднейших слоев населения. В министерстве просвещения созданы комитет по делам литературы и искусства и комитет по вопросам общедоступного образования. На многочисленные пожертвования строятся бесплатные лечебницы для бедных. Попечением правительства возводятся синтоистские храмы и часовни для почитания предков. Как-то сразу и вдруг центрами всеобщего внимания стали приемные мэров городов и муниципальные биржи труда. В последние годы возникло огромное число различных народных движений (оставляем пока в стороне вопрос о том, хорошо это или плохо).

Так что если поставить вопрос о том, какие именно темы оказались в последние годы в центре внимания интеллигенции, то ответ будет очевиден. Это вопросы, которые так или иначе затрагивают общественные интересы, а именно социальные проблемы, проблемы семьи, вопросы организации повседневной жизни, проблему существования так называемых образованных бездельников и другие. Коротко говоря, Япония в последние годы стала страной социальных проблем. Мы постепенно миновали периоды, если можно так сказать, «личной эмансипации» и «разрушения традиций» и сейчас вступили в эпоху позитивного созидания. Этот период тоже можно характеризовать словами «тревоги и надежды», но акцент в этом случае нужно делать на слове «надежды». Теперь настало время конкретных дел. Именно поэтому мы больше не слышим слов «назад, к природе» или призывов защищать «народные права». Можно сказать, что проблемы принимают по-настоящему общественный характер, поэтому я называю этот процесс «социализацией» проблем. Процесс этот идет и в Японии, и в зарубежных странах.

Сказанное, однако, не означает, что я с одобрением отношусь к каждому из тех идейных течений, что возникают сегодня в обществе. Как я уже говорил, среди них есть и ошибочные – например, такие, которые весьма примитивно считают, что все проблемы можно решить исключительно экономическими методами. Обычно такие подходы крайне неглубоки, а их применение позволяет лишь на время залатать прорехи в государственной политике. Встречаются среди современных теорий и удивительно бессодержательные, которые сводятся только к желанию их авторов раскритиковать все и вся. Но, повторяю, даже не проводя исчерпывающего анализа существующих ныне идеологических теорий, можно прийти к выводу, что наши проблемы все более принимают социальную направленность.

В публикациях, посвященных борьбе за мир, сейчас активно обсуждаются такие понятия, как гуманность и справедливость. Мне подобные рассуждения часто кажутся пустопорожними или критиканскими. Вообще когда речь идет о моральном облике конкретного человека, то абстрактные рассуждения о «гуманности», «полноте жизни» или «самовыражении» перестают играть хоть какую-то роль и полностью обесмысливаются. Думаю, каждому человеку необходимо самому решать, что конкретно ему нужно для того, чтобы его жизнь стала содержательной, а он получил возможность самовыразиться.

Тенденцию к социализации, как мне кажется, подтверждает и то обстоятельство, что в последнее время исключительно широко обсуждаются такие темы, как вопросы общественной морали или отношений в семье. Если же говорить о возрастании роли общественного компонента при обсуждении международных проблем, то следует отметить,

что в таком контексте слово «общество» употребляется достаточно редко - и в этом состоит отличие дискуссий по международным проблемам от обсуждения проблем внутренних. Но если понимать слово «общество» в более широком смысле, то эта разница, по моему мнению, не будет столь уж заметной. Так что можно сказать, что сегодня действительно наступила эпоха социализации всех проблем.

На эту тему еще многое можно было бы сказать, но, думаю, здесь следует отложить в сторону кисть для письма. Хотелось бы только сделать еще одно, заключительное замечание. Меня совершенно не удовлетворяет та негативная позиция, которую занимает в этом вопросе наше общественное мнение. В последнее время в литературных произведениях появилось много новых слов, таких, как «сэй» (жизнь), «адзиваи» (вкус, прелесть), «содзо» (творчество, созидание), «хокори» (гордость). И все они в той или иной степени имеют позитивный смысл. И, когда мы говорим, например, «иметь вкус к жизни», то разве мы не указываем на то, какой именно должна быть жизнь? А говоря «иметь вкус» - разве мы не указываем на свое отношение к жизни? И прав ли Либкнехт, который говорит, что все это – не более, чем слова, за которыми мы традиционно скрываем свои желания?

= Государство, религия и культура =

Опубликовано в майском номере журнала «Тоё дзирон» за 1912 год под рубрикой «Культура и образование»

В последнее время наши литераторы и философы нередко высказываются в том смысле, что «частная жизнь должна иметь приоритет перед жизнью общественной» или что «наше существование как индивидуумов следует ставить выше, чем наше существование как народа (или, по крайней мере, наравне с ним)».⁵

Так, например, в номере журнала «Тайё»⁶ за этот месяц помещена статья доктора Танимото Томи⁷ под заголовком «Соглашение между религией и образованием». В разделе, посвященном религии, в частности, говорится: «Главная особенность религиозного воспитания состоит в том, что оно обращено к человеку. Оно апеллирует к идеалам гуманности и равенства, и потому не делает различий между людьми».

А господин Сакаино Коё сразу в двух работах – в обзоре под названием «Христианство: низкопоклонство перед государством», опубликованном в том же «Тайё», и в статье «Авторитет религии», напечатанной в журнале «Синбуккё» («Новый буддизм») – высказывается следующим образом: «Основы религии по самому ее существу лежат не в государстве, а в конкретной человеческой личности. Безусловно, каждый человек сочетает в себе общественное и личное, но религия обращена именно к личностной, а не к общественной ипостаси человека».

Это только две цитаты из статей господина Сакаино и доктора Танимото, которые попались мне на глаза, однако при желании схожие по смыслу высказывания можно сейчас во множестве найти и в литературно-критических статьях, и в произведениях, анализирующих более общие тенденции. Особенно бурно обсуждаются в последнее время проблемы, связанные с прошедшей встречей религиозных деятелей и с деятельностью Комитета по делам литературы и искусства.⁸ И сегодня я хочу поделиться своими мыслями и сомнениями по этому поводу.

Прежде всего, нужно сказать, что я не считаю эти попавшиеся мне на глаза высказывания совершенно бессмысленными. Вообще будет ли то или иное высказывание осмысленным или бессмысленным – зависит от говорящего и слушающего. Иначе говоря, в зависимости от того содержания, которое вкладывают в то или иное высказывание говорящий и слушающий, одни и те же слова могут оказаться и осмысленными, и бессмысленными. Безусловно, я понимаю, что слова «я хочу вначале стать индивидуумом, а

потом уж (или: и вместе с тем) гражданином» можно квалифицировать как высказывания, имеющие определенный смысл. Но вместе с тем, я не уверен, что этот смысл будет тем же самым, что и тот смысл, который вкладывают в эти слова неустанно произносящие и пишущие их литераторы и философы.

Почему? Да потому, что люди, постоянно произносящие слова «общество» и «индивидуум», ни разу отчетливо не разъяснили мне эти понятия. Господин Сакаино в своей статье «Авторитет религии» выделяет в людях три ипостаси: «люди как граждане» (*кокумин то ситэ но нингэн*), «люди как люди» (*нингэн то ситэ но нингэн*) и «люди как сверхлюди» (*нингэн идзэ то ситэ нингэн*). Но ни словом не объясняет, каким образом связаны между собой эти три ипостаси. Характерные черты, присущие каждой из них, также остаются туманными. Думаю, это не случайно, ибо все эти понятия, по-видимому, в принципе объяснить невозможно. Ведь такие «присущие людям» качества как «гражданственность» или «человечность» в действительности являются несуществующими абстракциями. Человек, с какой бы точки зрения его не рассматривать и как бы к нему ни подходить, всегда останется только человеком. А такие понятия, как «человек как гражданин» или «человек как сверхчеловек», по-моему, просто не существуют – хоть весь мир обыщи.

Люди объединяются в народ и создают государство именно потому, что они существуют как человечество, как личности и просто как люди. С другой стороны, народ может существовать только как общность людей; трудно себе представить единственного на Земле человека, который занимается искусством или религиозной практикой. Да и на стадии, когда формируется человек, когда он приобретает человеческие навыки, его единственной целью является перенять опыт других людей.

Если уж серьезно рассматривать вопрос о том, что такое человек, то следовало бы задуматься о том, почему происходят столкновения между государством и религией, государством и культурой? Эти вопросы возникают у каждого, кто хоть немного размышляет над особенностями человеческого существования, но на сегодняшний день они остаются совершенно не разъясненными.

Попытаюсь наметить пути, по которым мы сможем хотя бы немного приблизиться к ответам на эти вопросы. В двух словах, мои выводы таковы. Из общих соображений ясно, что рассматривая взаимодействие государства с религией или с культурой, можно утверждать, что оно не всегда носит антагонистический характер (естественно, в действительности дело не ограничивается взаимодействием только между этими компонентами; есть и другие). Однако в определенные периоды времени система идей, знаний и ценностей, отвечающих данной форме человеческого бытия, уже перестает соответствовать реалиям эпохи, но, тем не менее, продолжает свое существование. И что происходит дальше? А происходит следующее: либо изменяется сама старая система ценностей, либо возникает новая система ценностей, которая по форме уже отвечает новой эпохе, и тогда старая система приходит в столкновение с новой. В подобную общую схему, в частности, укладываются противоречия между государством и религией, государством и культурой.

Столкновение между собой двух систем, различных и по форме, и по стоящим перед ними целям, приводит к тому, что на их месте формируется новая система, декларирующая новые цели. И уже только поэтому упомянутый выше антагонизм двух систем является исключительно временным. Иными словами, этот антагонизм можно назвать лишь средством трансформации системы идей и ценностей, не соответствующей данной эпохе, в другую систему, которая этой эпохе уже соответствует.

Если все вышесказанное справедливо, то выражению «человек прежде всего человек, а уж потом член общества», по-моему, уже можно будет приписать определенный смысл. Равным образом, будут являться осмысленными высказывания о том, что человек существует как человек, а уж потом он может «существовать среди религиозных воззрений», «среди произведений искусства», «среди философских воззрений» и т.п. Но смысл всех этих высказываний будет крайне прост – все эти мудреные понятия существуют только тогда,

когда существует человек. Они просто не могут существовать без него – вот и все. И общество, и религия, и искусство, да, собственно говоря, любая форма человеческой деятельности и может осуществляться только потому, что человек уже существует. И если какая-то из этих форм противоречит нашим целям, то именно мы, люди, и должны ее менять.

Есть ли в этих моих рассуждениях хоть какой-то резон или, напротив, жизнь устроена совершенно по-иному? Мне кажется, что определенный резон есть и что прав я.

Чем больше я размышляю над этими проблемами, тем ближе подхожу к выводу, что многие рассуждения сегодняшних философов и литераторов, похоже, вообще не имеют никакого отношения к тому роду человеческой деятельности, который принято называть изучением общественной жизни. Эти люди не интересуются политическими и общественными проблемами, не изучают их и вообще не высказывают своего к ним отношения. Причины? Как мне кажется, причины состоят в том, что эти люди имеют в своих философских воззрениях один существенный порок: они рассуждают о других людях совершенно абстрактно. В головах наших авторов все явления отражаются не в их единстве и взаимосвязанности, а по отдельности: «Вот общество, это – общество; вот искусство – это искусство, вот религия – это, знаете ли, религия». Люди полагают, что художник – это отдельно взятый человек, который воспринимает исключительно художественные образы, а религиозный деятель – это совершенно иной человек, думающий исключительно о религии и о спасении своей души от оков брэнного мира. Но разве не ясно, что сегодня жизнь каждого человека зависит от всего общества, определяется всей общественной системой? И если размышлять о человеческой природе глубоко и конкретно, то эту ее сторону никак нельзя оставлять без внимания.

Удивляет не только то, что сегодняшние мыслители рассуждают о художнике как об одиночке, лишенном всех этих связей. Не может не поражать, что даже размышляя о причинах возникновения конкретных взаимоотношений человека с обществом, они неумело выстраивают все те же философские абстракции.

= Японию нужно строить на философской основе =

Опубликовано в июньском номере журнала «Тоё дзирон» за 1912 год под рубрикой «Мнение редакции»

= 1 =

Недавно в одной стране произошел такой случай. Некий человек из неких идейных соображений довел дело до суда, но, к сожалению, суд первой инстанции проиграл. Однако человек этот, считая решение суда несправедливым, проявил завидную твердость, выполнил все формальности, необходимые для подачи апелляции, и уже собирался было ее подать, как все адвокаты и свидетели дружно стали его отговаривать, настаивая на том, что он все равно это дело проиграет. Ему предлагали признать свою (незначительную) вину и понести наказание. И человек, в конце концов, внял этим уговорам и отказался от подачи апелляции...

Дочитавший статью до этого места уже понял, что речь идет о Японии, а я решил рассказать о тревожной тенденции в умонастроениях современных японцев.

А вот совсем другая история. Англичанин Джон Хэмпден⁹ в течение нескольких лет вел напряженную судебную тяжбу с правительством, отстаивая свое право обладать суммой в несколько шиллингов. Процесс он в конце концов проиграл, но речь не об этом, а о проявленной им твердости. Не случайно эту историю помнят уже много лет - это лишний раз свидетельствует о том, что сколь сильный отклик нашла твердость Хэмпдена в сердцах британцев. А, может быть, об этом казусе помнят еще и потому, что именно твердость и

неуступчивость Хэмпдена стала первым камнем в фундаменте могущества нынешней Великобритании - и неважно, что речь тогда шла всего лишь о нескольких шиллингах!

Этот анекдот вряд ли бы запомнили, если бы понимали его только как рассказ о том, как Джон Хэмпден боролся за свои кровные, или как рассказ о его недалёковидности, или как историю о финансовых потерях, или как историю о том, как Хэмпден покорился своей судьбе. Тогда бы этот рассказ, по большому счету, ничем бы не отличался от рассказа о злоключениях нашего японца.

Мне соль рассказа видится в другом. Хэмпден был настоящим английским джентльменом, истинным патриотом своей страны и человеком большой сознательности. Он хорошо знал, что деньги – деньгами, но нельзя пренебрегать своими правами гражданина. Он, видимо, понимал, что поступить иначе – значит уронить свою честь, а это - несмыслимый позор для джентльмена.

О многом заставляет задуматься сопоставление историй англичанина Джона Хэмпдена и нашего японца...

= 2 =

Какова идейная подоплека того юридического процесса с участием некоего японца, о котором я вел речь? Его корни – в мелком, поверхностном и слабом эгоизме. Я смею употреблять здесь именно такие слова – мелкий, поверхностный и слабый. Почему? Потому, что если бы это был другой эгоизм, эгоизм глубокий, сильный и крупный, то та японская история вряд ли бы закончилась смирением, покаянием и рыданием в подушку.

Болезнь, которая в последнее время глубоко поразила души людей в нашей стране, состоит не в том, что, как нередко говорят в обществе, они стали эгоистичными и расчетливыми и не в том, что они погрязли в грехах и пороках. Напротив, думаю, что нам когда-то еще придется опечалиться по поводу того, что сейчас у нас в стране слишком много альтруистов, бессеребренников и вообще людей правильных и хороших. Так в чем же тогда корень зла, поразившего сегодняшнюю Японию? Если говорить коротко – в том, что и эгоизм, и альтруизм, и прочие «измы» являются у нас мелкими, поверхностными и слабыми. Иными словами, в них утеряно «эго», «я», и потому отсутствуют сила, уверенность и определенность.

Рассмотрим, например, нашу дипломатию. Стоит нашему дипломату открыть рот, как он тут же начинает говорить о необходимости проявлять добрую волю. Но что собой представляет эта «добрая воля»? Не могу усмотреть в этих словах ничего иного, кроме признания того, что нам трудно иметь дело с зарубежными государствами. Или возьмем наших политических и государственных деятелей. О чем они заговаривают прежде всего? О том, как искренне пекутся о государственных делах. Но в чем именно заключаются эти искренность и забота? Я не усматриваю в их словах ничего иного, кроме приспособленчества, интриганства и беспринципности. Или, наконец, обратим свой взор на наших деятелей культуры. Едва открыв рот, они сразу же заявляют, что несут людям правду. Но в чем именно состоит их так называемая «правда»? Я не вижу в такой «правде» ничего иного, кроме недовольного брюзжания да закулисных сплетен.

Подобных примеров можно привести бесчисленное множество. При этом нужно отметить, что все наши герои – хорошие и порядочные люди. Нет, они на самом деле очень хорошие и порядочные, но, к несчастью, имеют мелкие, поверхностные и слабые личные качества. И именно в силу этих особенностей своего характера они не умеют ничего иного, кроме как жаловаться на свои трудности, рассказывать о том, как плетутся интриги да повторять беспочвенные слухи. Такие люди никогда не будут решительно отстаивать свою точку зрения и защищать собственное мнение.

= 3 =

Почему возникли подобные проблемы, почему в душах наших современников поселились мелочность, поверхностность, неуверенность и слабость? У меня есть вполне определенный ответ на этот вопрос. Коротко говоря, это произошло из-за отсутствия в нашей жизни крупного философского начала. Иными же словами, причина состоит в том, что у этих людей нет ясного осознания собственного «я». Рассмотрим, например, уже упоминавшихся дипломатов. Они ведь на самом деле не знают, в чем должна состоять позиция Японии; не понимают, что именно определяет судьбу страны сейчас и будет определять ее в будущем. Они не могут сказать ничего определенного о своих планах просто потому, что всякие твердые планы у них отсутствуют. И не в этом ли состоит причина того, что они беспрестанно выясняют, откуда сегодня ветер дует, следят за выражением глаз собеседника и вообще, как говорится, «не знают иных дорог, кроме той, по которой идут»?

В заключение я хочу вернуться к тому судебному процессу, о котором шла речь в начале статьи, и сказать следующее. Если бы у того человека, а также у адвокатов и свидетелей, составлявших его окружение, было ясное осознание того, в чем именно состоит его «я», его интересы, для чего, собственно говоря, он существует, какие основные принципы он должен отстаивать прежде всего – то тогда, несомненно, результат процесса был бы иным. Ведь твердая позиция уже являет собой силу. Именно из-за отсутствия твердых позиций, из-за отсутствия понимания того, что именно нужно отстаивать, мы и оказались в нынешнем состоянии слабости, мелкотемья, бессилия и неуверенности.

= 4 =

Возвращаясь к началу статьи, хочу еще раз подчеркнуть, что сегодня перед нашей страной стоят нелегкие проблемы в самых разных областях как внутренней, так и международной жизни. Маньчжурская проблема, отношения с Китаем, взаимоотношения между трудом и капиталом, так называемая проблема праздности высших слоев японского общества, проблемы общественной морали и нравственности... - перечислять их можно долго. И все их нужно спешно решать, всё это крупные и серьезные проблемы, которые не терпят и минутного отлагательства, которые будут громоздиться тем выше, чем дольше люди в Японии и вне нее будут оставаться в неподвижности.

Что я предлагаю? Только то, о чем уже говорилось выше: использовать такое мощное и острое оружие, как знание и собственное мнение людей, и сильными ударами этих клинков разрубить запутанный узел. Наши ученые, педагоги, политики и, конечно, простые люди должны в самое ближайшее время проанализировать эти проблемы и установить, что для решения проблемы А нужно сделать то-то и то-то, а для того, чтобы покончить с проблемой Б, нужно поступить так-то и так-то. До тех пор, пока не будет выработана определенная точка зрения на все эти вопросы и они не найдут самого широкого освещения – до тех пор наши проблемы решены не будут.

Плохой игрок в японские шашки *го* не может охватить вниманием всё поле для игры, и потому держит в поле зрения только малую часть доски. Не в силах увидеть ситуацию в целом, он только понапрасну суетится, тратит силы и теряет драгоценное время. Примерно в таком же положении находятся наши политики и ученые. Хочу настоятельно посоветовать им вооружиться философскими знаниями, самым основательным образом сформулировать свои точки зрения на стоящие перед страной проблемы и, исходя из них, приступить к решению этих проблем. Иными словами, я призываю строить Японию на философской основе. Именно философия поможет нам наиболее основательно прояснить вопрос о том, кто мы такие, каково наше «я». В любом деле нужно прежде всего начинать с себя. Только оттолкнувшись от ясно сформулированных особенностей нашего собственного «эго», можно будет построить новую Японию. А это, как мне представляется, на сегодняшний день для нашей страны действительно самая насущная и неотложная задача.

= Проект создания бесполезного святилища =

Опубликовано в сентябрьском номере журнала «Тоё дзирон» за 1912 год под рубрикой «Полемика»

= Значение эпохи Мэйдзи =

Судя по всему, многие у нас полагают, что главнейшая черта эпохи Мэйдзи¹⁰ состоит в том, что она принесла Японии империализм. Действительно, в этот период исключительно укрепились армия и флот, мы победили в нескольких войнах, овладели Тайванем, Сахалином и Кореей, а наш народ из последних сил вынес на себе бремя сопутствующих войнам расходов. Так что, если судить по внешним признакам, то годы Мэйдзи на самом деле были для Японии эпохой расцвета милитаризма и укрепления империализма.

Но мне эти годы видятся по-иному. Хочется думать, что главные достижения этого периода состоят, прежде всего, в создании новых, самых разнообразных политических, юридических и общественных структур, а если говорить об области идеологии - то в осуществлении демократических преобразований. Рост в последние 50 лет числа боевых кораблей, увеличение числа дивизий, наконец, несколько крупных войн и расширение территории - все это случайные эпизоды в развитии страны и преходящие политические мероприятия.

Мероприятия эти преходящи, а эпизоды случайны потому, что с течением времени они будут терять свое значение. А вот принципы, которые заведомо не потеряют своей значимости, принципы, чья сфера применения будет со временем только расширяться, чей блеск будет продолжать сиять - это принципы общественного управления, народовластия и демократии. Они были заложены в обнародованной в 1868 году Императорской клятве из пяти статей,¹¹ развиты в Императорском указе 1875 года об учреждении палаты старейшин и верховной судебной палаты и, наконец, дополнены указом Императора 1881 года об образовании парламента.

Именно в этом должна видеться суть эпохи Мэйдзи с точки зрения истории человечества. Осознают ли верхи и низы нашего общества, сколь большое значение имеет эпоха Мэйдзи, есть ли в нашем обществе решимость завершить начатые преобразования?..

= Проект создания бесполезного святилища =

Господин Сакатани Ёсио, занимающий кресло мэра Токио, отбросил все неотложные дела и выполнил самое главное деяние за все время своего пребывания на этой должности: он посетил синтоистский храм Хиэ дзиндзя. Вторым по важности делом мэра стало решение незамедлительно начать строительство синтоистского святилища Мэйдзи дзингу. Уже первое из этих деяний стяжало мэру немеркнущую славу. Нет сомнения в том, что и второе задуманное им дело получит полную поддержку и одобрение всего сонмища токийских политиков, предпринимателей, профессоров, историков и т.д., и т.п.

Но почему Сакатани и его подчиненные мыслят столь мелкотравчато? Почему они полагают, что если на каком-то участке земли в городе Токио поставить синтоистский храм, то этого будет достаточно для того, чтобы увековечить память покойного Императора Мэйдзи и эпохи, которая носит его имя? Они что, полагают, что именно сооружение Мэйдзи дзингу сможет символизировать собой подъем всей страны? Почему они считают, что самое сокровенное желание всего народа - это именно строительство синтоистского святилища? Если мы действительно хотим увековечить память Императора Мэйдзи и его эпоху, то нам нужно в первую очередь подумать о том, как завершить начатые покойным Императором

великие дела. Что будет с конституционным правлением? С благосостоянием народа? Разве решать подобные задачи - это не значит следовать воле покойного Императора? Или мы оставим все эти вопросы без ответа и погрузимся в размышления о том, каким должен быть новый храм - деревянным или каменным? Поступать так - значит уподобляться неразумным братьям, которые после кончины родного отца перестали заниматься делами дома и только и делают, что спорят, какой памятник поставить на его могиле, а между тем хозяйство, которое любовно пестовал покойный отец, приходит в упадок. Разве не такого рода суета началась среди придворных и правительственных чиновников, стремящихся воспользоваться нынешней неразберихой, чтобы половить рыбку в мутной воде?¹²

= Учреждение Премии Мэйдзи =

Как же увековечить память о покойном Императоре? Я предлагаю не строить на отведенном участке никаких храмов - ни деревянных, ни каменных, вообще не делать никаких подобных нелепостей, а учредить Премию Мэйдзи. Ведь стала же подобная премия лучшим памятником Альфреду Нобелю, изобретателю динамита! Если бы Нобель не догадался таким образом использовать свой капитал на благо мировой цивилизации, то человечество бы его давным-давно забыло. А так этот человек, который и был-то, по правде говоря, всего лишь мелким изобретателем, сумел на долгие годы остаться в памяти людей всего мира...

Покойный Император находился во главе нашей страны в то время, когда она невиданными темпами приобщалась к достижениям мировой цивилизации. Именно он руководил этим процессом. Поэтому если в память об Императоре Мэйдзи будет учреждена премия его имени, то это, несомненно, придаст новый импульс активности народа, делу мира и цивилизации в целом. Значение такой премии в буквальном смысле слова трудно переоценить. Мне представляется, что учреждение подобной премии отвечало бы заветам покойного монарха гораздо больше, чем строительство любых мемориальных сооружений.

Суммирую: отведение в Токио земельного участка и сооружение на нем синтоистского святилища Мэйдзи дзингу представляется мне до крайности нелепым начинанием. Оно не только не отвечает воле покойного Императора, но и ничего не дает для сохранения памяти о нем. Если кто-то действительно хочет увековечить память о монархе, то он должен прежде всего прочего решить, что он сам может сделать для того, чтобы завершить начатые покойным государем дела. А уж если кому-то очень хочется оставить в виде памятника нечто материальное, то, думаю, самым подходящим решением в этом случае было бы учредить Премию Мэйдзи.

= Изменение взглядов на роль женщины после Реставрации Мэйдзи =

Опубликовано в октябрьском номере журнала «Тоё дзирон» за 1912 год под рубрикой «Мнение редакции»

= 1 =

Мне представляется, что за время, прошедшее от Реставрации Мэйдзи до настоящего момента, представления нашего общества о роли женщины претерпели по крайней мере три метаморфозы, а в данный момент вот-вот должна произойти четвертая.

Первые десять лет эпохи Мэйдзи были в идейном смысле периодом знакомства нашей страны с западной культурой. Именно тогда появилось множество произведений Фукудзава Юкити,¹³ познакомивших японцев с положением дел в странах Запада. В эти же годы началось и обсуждение проблем женщин; в частности, господин Танака Фудзимаро,¹⁴ занимавший тогда должность заместителя министра просвещения, представил докладную

записку с предложениями по развитию системы образования для женщин, а господин Дои Кока опубликовал просветительскую брошюру «Женские университеты»,¹⁵ в которой излагались взгляды Милля.¹⁶ Вскоре министерство просвещения открыло в Токио первую женскую школу. Мори Аринори,¹⁷ Кодама Дзюньитиро и другие так называемые «прогрессивные» молодые люди с одобрения Фукудзава Юкити, Ито Хиробуми,¹⁸ Ямада Акиёси, Сисидо Исо и других наставников стали отказываться от традиционных японских свадебных обрядов и заключали браки на европейский манер. Таким образом, общество имело немало возможностей познакомиться с европейскими взглядами на роль женщины и с формальной точки зрения, и с точки зрения существовавшей на Западе идеологии. Впрочем, знакомство это обычно ограничивалось любованием, восхищением либо изумлением – о том, чтобы западные взгляды на роль женщины широко распространились в нашем обществе, тогда и речи быть не могло.

Таков был первый этап изменения взглядов на роль женщины после Реставрации Мэйдзи.

В 1878-1879 годах в ответ на активизацию движения за свободу и народные права в правительственных кругах были, в частности, сформулированы предложения о создании выборного парламента.¹⁹ В 1882-1883 годах Ито Хиробуми, Иноуэ Каору²⁰ и другие влиятельные члены правительства своей политикой пересмотра договоров с западными странами способствовали дальнейшей «европеизации» японского общества. В этот период снова резко возрастает внимание общества к положению женщин; в печати и в обществе активно обсуждаются такие темы, как расширение прав женщин, равноправие мужчин и женщин, свобода браков и т.п. Вместе с тем в этот период страну буквально захлестнула мода на все европейское: не только школьницы, но и некоторые молодые женщины отказывались от японских причесок и собирали волосы по-европейски – в пучок, сбрасывали кимоно и облачались в европейское платье.

Этот второй период эволюции женского вопроса продолжался примерно с 1878-1879 по 1890-1891 годы.

В 1887 году были прерваны переговоры о пересмотре договоров с западными странами, которые от имени правительства вел министр иностранных дел Иноуэ. Вскоре после этого Ито и Иноуэ ушли из правительства.²¹ Утром того дня, когда должна была состояться официальная церемония провозглашения Конституции, от руки фундаменталиста погиб министр просвещения Мори Аринори.²² Возможно, именно под влиянием этих событий начиная с 1891-1892 годов в японском обществе возобладали консервативные тенденции и стало быстро нарастать противодействие европеизации. На волне консерватизма и национализма общество начало отказываться от тех самых западных манер, которые еще недавно с триумфом приветствовало. Возродились традиционные японские новогодние украшения из сосновых веток, все стали с гордостью демонстрировать полки с куклами в праздник девочек и вывешивать самурайские знамена в праздник мальчиков, равно как и украшать деревья цветными полосками на *танабата*.²³ Как следствие, европейские наряды снова сменились на кимоно и прически «*бункин такасимада*»,²⁴ а педагогика от дискуссий о равенстве мужчин и женщин вновь вернулась к привычным женским «университетам», построенным на принципах «семи причин и трех подчинений».²⁵

Так начался третий период в истории женского вопроса в Японии, который продолжается вплоть до сегодняшнего дня. Впрочем, несмотря на сохранение реакционных и охранительных тенденций, все же вряд ли дело дойдет до того, что в этом вопросе снова, как говорится, будут расчехлены пушки и начнется бряцание оружием. Тем более, что в практических сферах народной жизни, в частности, в вопросах организации производства, нам не дано ничего иного, кроме как учиться западному образу действия. Но пока в соответствии с лозунгом «японский дух – западная техника» мы несколько смягчили и «японизировали» принципы, заложенные в основу женского образования на Западе, и образовали из них новый, весьма эклектический «изм», который можно было бы

охарактеризовать словами «хорошая жена, мудрая мать».²⁶ Сегодня и ученые мужи из министерства просвещения Японии, и просто отцы и старшие братья считают, что именно принцип «хорошая жена, мудрая мать» лучше других подходит в качестве основы для воспитания японских девушек, и активно используют его на практике.

= 2 =

Итак, рассматривая изменения взглядов на положение женщин после Реставрации Мэйдзи, мы пришли к выводу, что в настоящее время в вопросах воспитания девушек у нас доминирует принцип «хорошая жена, мудрая мать». Безусловно, возникновение этого принципа есть результат действия сил консерватизма и реакции, которые противостоят европеизации общества. Но, с другой стороны, этот принцип имел прикладной характер, и в этой своей ипостаси он был напрямую связан также с некоторыми особенностями развития ситуации в обществе после Реставрации Мэйдзи. Как мы видели, первый этап этого развития был периодом беспорядочного и фрагментарного заимствования западных идей, второй – временем подлинной европеизации. Но при этом в течение второго периода не успела сформироваться своя, специфически японская точка зрения на проблемы женщин и женского образования.

Эта специфика выявилась только с началом третьего этапа. Этап этот был полон противоречий. С одной стороны, организация промышленного производства и формирование политической системы шли по западному пути; были восприняты такие ценности, как индивидуализм и свободная конкуренция. С другой стороны, прежняя патерналистская система не была полностью разрушена, и потому ее остатки существуют и поныне, определяя многое в нашей повседневной жизни. И не в этом ли противоречии кроется причина того, что девушки, прошедшие обучение в университетах, не приживаются в новых промышленных и политических структурах? Эти девушки не могут совместить западное, индивидуалистическое образование с теми патернализмом и семейственностью, которые продолжают существовать в нашем обществе. Можно сказать и по-другому: общественная система пытается создавать новых женщин, отвечающих веяниям нового времени, но сама еще во многом базируется на патерналистских основах. Результат – формируется тот самый эклектический принцип, который я обозначил словами «хорошая жена, мудрая мать».

Как я уже говорил, в нынешних условиях принцип, названный здесь «хорошая жена, мудрая мать» имеет под собой некую прагматическую основу, но, хочу добавить, прагматизм этот крайне несовершенный и временный. Почему? Дело в том, что принцип «быть хорошей женой и мудрой матерью» вышел из утверждения о том, что женщина в своей жизни должна выполнять одну-единственную работу – быть женой и матерью. Но теперь времена изменились, и общество предъявляет к женщине уже не одно, а два, причем противоречивых, требования: с одной стороны, она должна оставаться женой и матерью, с другой - приобретать новые навыки и умения.

Но возможен ли в этом вопросе компромисс? В прошлом, когда в обществе господствовало феодальное расслоение, каждый дом вел свое дело и получал за это свой наследственный рисовый паек. Поскольку главой семьи в ту эпоху был мужчина, то он чаще всего и выступал хранителем всего жизненного уклада. А раз роль гаранта развития производства была занята, то на долю женщины оставалась лишь роль гаранта устойчивости такого существования, то есть функции жены и матери. Сейчас старая феодальная система разрушена, и семья уже не связана ни с домашним производством, ни с получением наследственного жалованья. Каждый человек вынужден самостоятельно строить свою жизнь, чтобы выжить в условиях свободной конкуренции. Роль мужчины как гаранта существования семьи тоже осталась в прошлом. Мужчина теперь уже не гарант безбедной жизни, женщина также обрела независимость от мужчины. Будет ли она в этих условиях по-прежнему выполнять только свою прежнюю, единственную роль – роль жены и матери? Нет, не будет.

Это с достаточной степенью очевидности следует хотя бы из того факта, что в последние годы в Японии быстро растет число промышленных предприятий, использующих женский труд (я об этом уже неоднократно писал).

Если вернуться к вопросам воспитания, то нужно сказать, что в этой сфере после Реставрации Мэйдзи также наблюдался некий переходный период, во время которого в подходах к воспитанию женщин доминировал принцип «хорошая жена, мудрая мать». А поскольку этот принцип продолжает действовать и поныне, то можно констатировать, что этот переходный период еще не завершен, а стоящая перед женщинами задача полностью выйти из-под власти этого «изма» все еще не решена. Но рано или поздно женщины все равно должны будут полностью погрузиться в мир свободной конкуренции, причем они будут вынуждены действовать в нем не как женщины, а как отдельные индивидуумы. Иными словами, берусь предсказать, что наступит время, когда взгляды на роль женщины в нашем обществе будут пересмотрены в очередной, уже четвертый раз.

= 3 =

Однако – повторяюсь – пока наше общество еще не дошло до этого поворота, пока воспитание женщины у нас строится таким образом, что, в основном, готовит ее к одной-единственной роли – быть женой и матерью. В силу этого в обществе по-прежнему продолжают действовать разнообразные заблуждения. Так, распространено мнение, что женщины считают работу чем-то недостойным и потому всячески стремятся от нее уклониться в сторону, как говорится, пиров и увеселений.

В последнее время в обществе оживленно обсуждается и еще один вопрос – проблема распущенности части женщин из литературной богемы. С моей точки зрения, такие женщины не являются представителями какой-то новой формации. Просто они уже слегка приобщились к новым веяниям, новым знаниям и чувствам, их уже не удовлетворяют традиционные развлечения, которым предаются наши домохозяйки и молодые барышни, и потому эти женщины стали искать что-то новое, но в этих поисках не пошли дальше того, что начали вести распутную жизнь.

Иными словами, приходится признать, что среди женщин действительно есть такие, кто хочет вести праздный образ жизни. Но это не отменяет предыдущего тезиса: с экономической точки зрения все они по-прежнему находятся в системе, основанной на принципе «хорошая жена, мудрая мать». И потому наше общество, которое давно уже испытывает потребность в твердых характерами и практичных женщинах, по-прежнему продолжает формировать личности женщин, которые очень далеко отстоят от этого идеала. И это – вопрос, над которым все наше общество должно глубоко задуматься. Я же в качестве мер неотложной помощи предлагаю как можно быстрее прекратить практику воспитания «хороших жен и мудрых матерей» с тем, чтобы женщины как можно быстрее нашли свое место в экономической жизни общества. Какой дорогой идти к этой цели – это уже другой вопрос, который можно и нужно обсуждать. Я искренне надеюсь, что средства для достижения этой цели будут найдены.

= О господах Инукаи²⁷ и Одзаки²⁸ =

Передовая статья номера журнала «Тоё кэйдзай симпо» от 5 марта 1913 года

Сейчас единственное, что может изменить к лучшему нашу политическую жизнь, - это переход ко всеобщему избирательному праву. Мое глубокое убеждение состоит в том, что и «защита конституции», и «ропуск клановых группировок», и «формирование партийных правительств» будут иметь смысл только в том случае, если прежде произойдет переход к

всеобщим выбором.²⁹ Прежде всего нужно достичь именно этой цели! Не случится этого – значит, и никаких серьезных политических сдвигов в нашей стране не будет.

В последнее время мы уже трижды³⁰ писали о том, почему возникло столь мощное движение оппозиции кабинету Кацура³¹ и возглавляемой князем Кацура партии Синсэйто.³² Однако то ли у нас еще люди не дошли до того, чтобы верить написанному в статьях, то ли они хотят поверить, но отказываются признать очевидные истины...

Похоже, у нас по-прежнему никто не обращает внимания на мнения, выраженные в ходе разнообразных политических дискуссий, причем даже на мнения по такому коренному вопросу, как избирательное право – и это у меня не может не вызвать самого искреннего и глубокого сожаления...

Естественно, не заинтересована в изменении существующего положения такая партия, как Сэйюкай:³³ она обладает подавляющим преимуществом при существующей выборной системе, и с ее точки зрения было бы нелогичным эту систему менять. Вряд ли и в будущем у Сэйюкай возникнет такое желание. Но почему к таким изменениям не стремятся новые партии, которым пока удалось получить в парламенте лишь незначительное число мест? Большое сожаление вызывает у меня и то обстоятельство, что под знамена защитников конституционного строя и ниспровергателей клановых клик встали вместе со своими сторонниками и господа Одзаки и Инукаи – причем встали без тени сомнения.

Люди, призывающие «сохранить конституционный строй, но свергнуть клановые клики», говорят, что их поддерживает народ. Возможно. Готов даже поверить, что это действительно так. Но тогда возникают простые вопросы: «Какой именно народ? Кто именно?» Может быть, стоит сделать еще один логический шаг и выяснить, кто же эти люди и что они действительно думают по этому вопросу? Пока же все те люди, которые, по словам наших политиков, «в едином порыве одобряют» сохранение конституционного строя и роспуск клановых группировок, равно как и те, кто добился отстранения от власти кабинета Кацура – все они пока по существу лишены избирательных прав. С моей точки зрения, была бы немалая доля справедливости в том, чтобы дать избирательные права той многочисленной части народа, которая их до сих пор не имеет. Ведь, повторюсь, народ, о поддержке которого заявляют люди, призывающие к защите конституционного строя и борьбе с клановыми группировками – этот народ пока что, по большей части, не имеет избирательного права. А для думающих людей должно быть ясно, что народ, не имеющий избирательного права, может и будет участвовать в политической жизни лишь одним из двух способов: волнениями или угрозами. И происходит это именно потому, что в обычных условиях эти люди с политической точки зрения совершенно бессильны и бесправны – что, конечно, является верхом абсурда.

Заметьте, что такие волнения уже стали существенным элементом нашей политической жизни. Более того: они набрали силу, достаточную для того, чтобы свергнуть правительство Кацура. Сейчас брожение это слегка поутихло, но, вместе с тем, в народе продолжают раздаваться разнообразные призывы, в том числе, и призывы к защите конституции и свержению клановых группировок. И если люди, выступающие с подобными призывами, не увидят для себя реальной возможности влиять на политическую ситуацию, то они вряд ли остановятся на полпути. Поэтому если сейчас в нашей стране не ввести всеобщее избирательное право, то нынешние волнения в обществе в скором времени обрушатся на кабинет Ямамото, на партию Сэйюкай, и, в конце концов, на всех политиков – выходцев из Сацума.

Если участники движения в защиту конституционного строя, сплотившиеся вокруг Инукаи и Одзаки, действительно имеют поддержку народа, то они должны воспользоваться этой силой для того, что сбросить сацумскую группировку и обновить наш политический пейзаж. Но как использовать эту поддержку? Для создания механизма поддержки первым делом нужно обратить внимание на расширение круга людей, обладающих правом участвовать в выборах. Этот тезис должен стать краеугольным камнем их политической

платформы! А между тем ни один из этих господ пока ни словом не обмолвился о чем-то подобном. Почему?

Если говорить о позиции Одзаки, то он в опубликованной недавно брошюре под названием «Люди и звери» много рассуждает о том, что необходимо с уважением относиться к избирательному праву и «на этой основе» добиваться роспуска клановых группировок. Но, прочитав с большим вниманием и надеждой всю 40-страничную брошюру от корки до корки, я, к моему глубокому разочарованию, не нашел в ней ни слова о необходимости расширять круг лиц, обладающих избирательным правом. Конечно, именно потому, что эта работа представляет собой всего лишь 40-страничную брошюру, мне трудно сказать, в какой степени в ней отражены все нынешние политические взгляды господина Одзаки. Однако такие высказывания автора, как «разница между людьми и животными определяется тем, имеют ли они избирательные права или нет»; «в условиях конституционного правления люди получают избирательные права, благодаря которым могут избирать своих представителей в палату депутатов»; «человек имеет возможность своими силами надежно защитить свою жизнь и имущество»; «человек прежде всего проявляет себя с политической точки зрения» и т.п. наводят на мысль о том, что, в конце концов, автор постепенно подходит к выводу о необходимости всемерного расширения круга лиц, охваченных избирательным правом. Однако самого такого вывода в книге нет. Или, может быть, дело в том, что сегодня, когда движение в защиту конституции и против клановых клик сменило направление своего удара и пошло на разрыв со значительной частью партии Сэйюкай, господин Одзаки, который в прошлом выступал против всеобщих выборов, все-таки начинает менять свое мнение по этой проблеме или готовит почву для такой перемены? Если это так, то я не могу не высказать разочарования его действиями. И к какой же все-таки цели, по мнению Одзаки, должно идти движение за сохранение конституции и роспуск клановых группировок?

Не буду никого ни в чем укорять, но мне наиболее правдоподобным кажется следующее объяснение: в данном случае господин Одзаки, один из лидеров движения за сохранение конституционного строя и роспуск клановых клик, не представляет всего движения в целом. Я уже не говорю, например, о том, что партия Кокуминто,³⁴ выдвигающая господина Инукай на пост премьер-министра, также включила в свою программу требование о расширении круга лиц, обладающих избирательным правом. Как это может быть? Может! Для меня с самого начала было очевидно, что нельзя о всех, кто принадлежит к этому течению, судить по отдельным его представителям – скажем, по тому же господину Одзаки.

И еще один момент: да, Кокуминто включила в свою программу одним из пунктов требование о расширении круга лиц, обладающих избирательным правом. Но, может быть, сегодня, когда это требование становится все более важным и существенным, стоит поинтересоваться и тем, что думают по этому поводу и иные люди, не входящие в Кокуминто? Я уж не говорю о том, что хотя Кокуминто и добавила этот пункт в свою программу, остается еще масса вопросов, связанных с административной и финансовой сторонами этой проблемы, и эти вопросы обязательно нужно рассматривать.

И, наконец, следует отметить, что введение всеобщего избирательного права необходимо не только для того, чтобы изменить нынешний политический пейзаж. Как мне представляется, всеобщее избирательное право есть настоятельная потребность для большинства наших граждан, только сейчас они эту потребность не осознают или, если хотите, у многих эта потребность скрыта в глубине души. Нет сомнения, что с введением всеобщего избирательного права многие захотят им воспользоваться. Но верно и то, что кто-то – и это вполне естественно – не захочет участвовать в выборах своих представителей. Иными словами, реальный результат введения всеобщего избирательного права не под силу предугадать даже самым проницательным наблюдателям. Но, при всем при том, лишь введение всеобщего избирательного права позволит легко выяснить, действительно ли призывы сохранить конституционный строй и покончить с клановыми группировками столь

сильно воспаляют сердца простых людей. Лишь введение всеобщего избирательного права может показать, насколько активно наше общественное мнение, да и вообще понять, на каком уровне находится доверие народа к правительству.

Повторяю: у нас просто нет никаких иных способов удостовериться в том, что призывы к защите конституционного строя и ликвидации клановых группировок находят широкий отклик в народных массах, равно как и выяснить, насколько сильны требования, предъявляемые народом к правительству, и каковы они, эти требования. Безусловно, для того, чтобы выразить эти требования, необходима свобода слова. Необходима, но не достаточна. Чтобы реализовать эти требования на практике, необходимо еще одно: всеобщее избирательное право. И если бы сторонники господ Инукаи и Одзаки выступили за его введение, то они сразу и без лишних хлопот узнали бы, сколько людей их поддерживает и действительно ли эти господа являются выдающимися личностями, которые пользуются поддержкой «всего народа». Если Инукаи и Одзаки действительно так уверены во всенародной поддержке, то почему они до сих пор не высказались в пользу введения всеобщего избирательного права? У меня их позиция не может вызвать ничего, кроме глубокого разочарования.

= Нет - эмиграции! =

Передовая статья номера журнала «Тоё кэйдзай симпо» от 15 мая 1913 года

В законодательном собрании штата Калифорния, входящего в Североамериканские Соединенные штаты, поставлен на голосование законопроект, запрещающий иностранцам владеть участками земли на территории штата. Подобные планы направлены на то, чтобы вытеснить – причем не только из Калифорнии, но и с территории всей страны – азиатов и, в особенности, наших соотечественников. Нет необходимости говорить, что возникшая проблема имеет не рациональный, а эмоциональный характер, а ее корни лежат в расовой дискриминации.

Нам говорят, что все это – временные меры, что это щит, оберегающий достигнутые жителями штата договоренности, что это оружие местных законодателей. Пусть даже так. Но все равно эти меры будут препятствовать свободному перемещению людей! И потом, разве законодатели не могут поставить подобные «временные» меры на постоянную основу? Ведь даже если этот антияпонский законопроект не пройдет с первого раза, ничто не мешает законодательному собранию штата Калифорния ставить его на голосование снова и снова, пока запрет на владение земли иностранцами не вступит в законную силу.

В нашем мире немало трудных проблем, но ничто не сравнится по сложности с проблемами расовых взаимоотношений. Именно они являются главным препятствием на пути прогресса мировой цивилизации.

Попытки строить отношения между американцами и японцами как отношения между врагами заслуживают всяческого порицания. Но, думаю, подобные проблемы типичны не только для американо-японских отношений. Отсутствие антияпонских настроений в европейских странах обусловлено исключительно тем, что японцы туда пока что не эмигрировали. Равным образом, отсутствие в нашей стране антиамериканских настроений также объясняется только тем, что у нас пока еще очень мало эмигрантов из Америки и Европы. Но представим себе, что к нам в массовом порядке начали переселяться американцы, что они покупают и возделывают землю (скажем, на Тайване), что они возводят американские школы и строят американские церкви, что они поют американский гимн и восхваляют американское правительство... Кто может гарантировать, что в этом случае в стране не возникнут антиамериканские настроения?..

В штате Калифорния сейчас уже проживает немалое число иммигрантов из Японии.

Будут ли они терпеть тот ущерб, который наносят им решения законодателей? Скорее всего, не будут, и потому предпримут соответствующие ответные меры.

Ясно, что проблемы эти гораздо шире, чем проблемы американо-японских отношений.

Каким же образом нужно решать эти фундаментальные проблемы? Коротко говоря, здесь нет иного пути, кроме укрепления взаимопонимания. Да, в обществе нередко встречаются люди, которые верят в эффективность силовых аргументов. Но проблемы отношений между людьми такими методами не решаются. Полагать иное – значит считать, что подобные проблемы вообще нельзя решить мирно, что единственный способ их решения – это вступить в череду непрерывных войн, которые должны продолжаться до тех пор, пока весь мир не окажется в подчинении одной страны и единственного народа. Жажде власти пределов нет. Военный путь, то есть путь подавления сильными слабыми, может быть только таким: за первой войной последует вторая, за второй – третья и т.п. И если в мире не найдется силы, способной остановить людей, алчущих власти, то они действительно остановятся только тогда, когда мир окажется под гнетом одной «сильной руки».

Кому-то подобные рассуждения могут показаться весьма умозрительными или фантастическими. Но зато они ясно показывают, что война не может быть средством решения основных проблем, стоящих перед человечеством. Уверен: если в какой-то стране задумают решать общечеловеческие проблемы именно таким, военным способом, то мир действительно в конце концов попадет под власть одной страны и одного народа, а остальные должны будут заплатить за это потерей всей мировой цивилизации! Неужели человечество настолько безумно, что выберет именно этот путь? Нет, нам не остается иного выхода, кроме как решать все проблемы мирным путем на основе взаимопонимания...

А вот другой вопрос: найдут ли теперь наши соотечественники в себе силы по-прежнему доверять народам всех стран мира? Боюсь, что их доверие по крайней мере к американскому народу будет серьезно подорвано. И виноваты в этом будут не столько американцы, сколько те изначальные предубеждения, которые существуют у людей белой расы. Конечно, нам тоже есть за что себя винить по отношению к ним, у нас тоже есть предубеждения, но мы пока ни разу не пытались приводить логических или юридических доводов, оправдывающих эти предубеждения...

Кстати сказать, если мы сейчас отбросим свои предубеждения и будем действовать исключительно на основе разума, то - может быть, впервые в истории - окажемся на подлинно японской точке зрения, не отягощенной никакими стереотипами. Но есть ли у наших соотечественников решимость отбросить свои предубеждения, готовы ли они действовать без оглядки на них? Это еще вопрос...

И еще об одной проблеме. Мне представляется, что сегодня над нашими людьми довлеет одна ошибочная идея - идея о перенаселенности Японии. Озабоченные этой проблемой политики и публицисты либо призывают к экспансии на материк, либо предлагают следовать лозунгу «защищаться на Севере, продвигаться к Югу». «Перенаселенностью» сейчас щеголяют в самых разных случаях, а ссылка на «проблемы роста населения» является последним доводом во всякой дискуссии. С помощью этого аргумента сейчас также принято раз и навсегда затыкать рот человеку, исповедующему антиимпериалистические взгляды. Метод прост: в ответ на любые аргументы достаточно только сказать ему: «А как же перенаселенность?» - и победа будет за вами. Берусь предположить, что уже только по этой причине законопроект о запрете продажи иностранцам земельных участков в штате Калифорния найдет в сердцах некоторых наших людей неожиданно горячий отклик...

Но я вот все думаю: неужели в Японии такой уж избыток населения? Нам говорят, что если сопоставить собираемые у нас в последние годы урожаи риса с населением страны, то выяснится, что мы испытываем недостаток продовольствия, а это, мол, и есть самое верное указание на избыточность населения. Но недостаточное производство продовольствия внутри страны не есть особенность, присущая одной лишь Японии. Большинство развитых

стран сейчас вынуждены импортировать большую (или, по крайней мере, вполне заметную) часть продовольствия из-за рубежа. Однако следует ли из этого, что сегодня, в условиях немыслимого прежде тесного взаимодействия между разными странами, недостаток продовольствия внутри одной из них непременно свидетельствует о ее перенаселенности? И значит ли это, что сегодня нет никакой возможности справиться с препятствиями, ограничивающими рост производства продовольствия? Есть ли смысл сегодня, когда возрастают производство и экспорт, отслеживать объемы продовольствия внутри страны точно до зернышка и листика? Будучи свободной и независимой страной и имея перед собой такие рынки, как дальневосточный, южный или, наконец, американский, Япония вполне может обратиться за зерном и к Америке, и к Индии, и к Китаю. В этих условиях Японии не страшен избыток населения ни в 60, ни в 70 млн. человек...

Размышляя над этой проблемой, я не могу не прийти к выводу, что для нашей страны было бы в высшей степени опрометчиво предаваться иллюзиям о некоей перенаселенности. В результате мы идем по ошибочному, империалистическому пути, тем самым еще больше разжигаем предубеждения у людей белой расы, усиливаем эмиграцию из страны, порождаем бессмысленную злобу у американцев, и вообще только усугубляем существующие в мире раздоры и разногласия.

Это только в идеале люди из разных стран мира могут жить во взаимном уважении, переезжать куда угодно и приживаться на новом месте, не вызывая взрывов неприязни, зависти и прочих негативных эмоций, жить так, как будто весь мир – это одна большая семья. Увы! Сейчас о такой идиллии можно только мечтать. В действительности мир устроен по-иному. И жить вместе в этом мире люди из разных стран смогут только в том случае, если будут уважать чувства друг друга, будут взаимно предупредительными, будут держать примирительный тон в общении с соседями. Только проявление таких качеств принесет пользу простым людям во всем мире.

Жители же американского штата Калифорния, стремясь вытеснить японских иммигрантов, с самого начала стали на очень опасный путь. И если двигаться по нему дальше, то скоро у людей не останется иного выхода, кроме как отвечать на взрыв - взрывом.

Но что же делать сейчас? Если есть возможность в рамках существующих договоренностей отстаивать наши права – это нужно делать. Если эти действия уже нанесли конкретный ущерб нашим гражданам – нужно добиваться возмещения этого ущерба. Но при всем при том нужно не забывать о том, что источником процветания Америки является именно труд эмигрантов. Нам нет никакой необходимости усиливать мощь Америки, посылая туда новых жителей. Равным образом, мы не должны способствовать тому, чтобы во взаимоотношениях между японцами и американцами возникали новые барьеры и проблемы. И потому мне хотелось бы предостеречь наших людей от новых ошибок и заблуждений в этих вопросах.

II. В АВАНГАРДЕ ДЕМОКРАТИИ ТАЙСЁ³⁵ (1914-1923)

= Циндао не должен принадлежать Японии =

Передовая статья номера журнала «Тоё кэйдзай симпо» от 15 ноября 1914 года

Циндао пал гораздо быстрее, чем я думал, а, значит, бедствия войны будут для нас не столь значительными. Я разделяю с нашим народом глубокую радость по этому поводу, однако хочу подчеркнуть, что теперь, когда Циндао оказался в руках наших военных, на первый план выходит вопрос о том, как лучше всего этим приобретением распорядиться. Мне кажется, что над этим вопросом действительно стоит самым серьезным образом поразмыслить.

Моя точка зрения на эту проблему ясна и определена: нам незачем расширять территорию своих материковых владений. Напротив, я твердо убежден в том, что Япония должна как можно быстрее уйти из Маньчжурии. Попытка прибрать к рукам один из уголков китайской провинции Шаньдун лишь создаст новые риски и новые опасности. Необходимо решительно выступить против подобных планов!

Есть мнение, что объявить Циндао нашим владением – значит упрочить мир на Дальнем Востоке. С моей точки зрения, дело обстоит в точности наоборот. Боюсь, что, оставив за собой Циндао, мы не только ни на йоту не продвинемся к миру, но, напротив, нанесем делу мира громадный ущерб.

Должен сказать, что я с самого начала не усматривал никакой исключительной опасности делу мира на Дальнем Востоке в том, что Германия арендовала Циндао и осуществляет контроль над провинцией Шаньдун. Напротив, мне казалось, что это лишь повышает эффективность освоения природных богатств Китая. Наши правительственные круги и большая часть общества также до поры до времени не видели в этом обстоятельстве опасности для мира на Дальнем Востоке.

Но что будет, если Япония вытеснит Германию из этого района материкового Китая и объявит его своим владением? Почему такое развитие событий будет способствовать упрочению мира на Дальнем Востоке? Или, иными словами, почему если Циндао принадлежит Германии, то это плохо для мира на Дальнем Востоке, а если он принадлежит Японии, то это для мира на Дальнем Востоке хорошо? Мне представляется, что если Китай не является хозяином на собственной территории, если страна вот-вот распадется на части, если нарушается принцип равных возможностей для иностранных держав, присутствующих в Китае, если Китай становится ареной для дальнейшего ухудшения международных отношений, то это просто не может не нанести ущерб делу мира на Дальнем Востоке. Причем совершенно независимо от того, кто владеет Циндао - Германия или Япония. Циндао вообще не должен быть владением иностранного государства! Более того, присутствие Японии в Южной Маньчжурии, Англии в Вэйхайвэе,³⁶ Франции в заливе Гуанчжоу – все это тоже не может не наносить ущерба миру на Дальнем Востоке.

Но, может быть, в самом характере немецкого народа или в проводимой Германией политике есть какие-то признаки угрозы делу мира? У нас на самом деле часто говорят о некоем немецком империализме или о широкомасштабных военных приготовлениях, которые ведет Германия, но мне представляется, что если смотреть на ситуацию под этим углом зрения, то Россия, Англия или Америка если не превосходят Германию, то уж точно ни в чем ей не уступают. К тому же Германия в течение последних 40 с лишним лет не начинала ни одной войны (если не считать инцидента в Северном Китае, когда иностранные государства решили «наказать» Китай³⁷). Думаю, это ясно свидетельствует о том, что немецкий народ любит мир и ненавидит войну (что, надо сказать, встречается в современном мире исключительно редко). Словом, с какой стороны я не подхожу к этому вопросу, я не вижу

причин, по которым замена владельца Циндао с Германии на Японию могла бы хоть на йоту способствовать упрочению мира на Дальнем Востоке.

И вопрос не только в этом. Если сделать еще один шаг в анализе положения, то легко прийти к следующему выводу. Как известно, Англия, Франция и США не только претендуют на китайскую территорию, но и вообще хотят доминировать в мире. Завидев, что одна из стран, не входящих в эту тройку, тоже претендует на участие в разделе Китая (а сейчас это реально могут быть только Россия, Германия и Япония), они приложат все и всяческие усилия для того, чтобы этому воспрепятствовать. Иными словами, нынешняя позиция Японии не только рождает глубокие опасения со стороны китайцев, которые не хотят быть вытесненными со своей территории, но и вызывает недоверчивые взгляды со стороны США, равно как и сильные подозрения наших союзников-англичан. Поэтому если Япония сейчас продемонстрирует намерение изгнать Германию из китайской провинции Шаньдун, то уже одним этим она создаст впечатление, что намерена закрепиться в Маньчжурии и хозяйничать на этой территории. А к чему приведет демонстрация желания закрепиться в Циндао и осуществлять административное управление всей провинцией Шаньдун? Всем станет очевидно, что Япония просто-напросто вторглась в Китай.

В условиях, когда будут серьезно ущемлены интересы мировых держав, они не будут терять времени на слова. С нашей точки зрения присутствие Японии в Маньчжурии и Шаньдуне есть средство поддержания мира, ибо оно позволяет в случае возникновения международных осложнений или внутренних междоусобиц в Китае быстро и эффективно использовать силы японских армии и флота для того, чтобы пресечь эти беспорядки в зародыше. Но надо ли объяснять, что с точки зрения самого Китая, а также тех стран Европы и Америки, которые имеют в Китае свои серьезные интересы, такое присутствие будет рассматриваться как угроза?

Говорят, что сейчас, когда идет война, французы готовы согласиться с тем, что Япония получит Циндао. Однако и эта большая война когда-нибудь закончится, мир будет восстановлен, общественное мнение успокоится – словом, дым рассеется, все вещи снова обретут свои привычные очертания. И что тогда?

Тогда даже ныне к нам благожелательные англичане и французы обязательно забеспокоятся (я уже не говорю об американцах), начнут рассматривать нашу страну как главную угрозу миру на Дальнем Востоке, а затем, скорее всего объединятся в стремлении лишить Японию тех позиций, которые она заняла в Китае. А уж что произойдет дальше – этого и представить себе нельзя... Иными словами, для Японии сейчас завладеть Циндао – значит обречь себя на непримиримую вражду с китайцами и предстать в качестве источника угрозы в глазах ведущих держав Европы и Америки. Такая политика вообще не позволит продвинуться к миру на Дальнем Востоке, напротив, она будет смещать международное положение в сторону еще большей напряженности.

Вне зависимости от того, победит Германия в нынешней войне или нет, можно сказать одно: вступление Японии в войну с Германией и вытеснение последней из Шаньдуна являются первыми поражениями нашей дипломатии. А уж занять в Циндао место Германии - для Японии это будет равносильно сокрушительному поражению. Наш народ не должен нести на себе постоянно увеличивающееся бремя военных приготовлений! Япония не должна владеть Циндао!

= Корни зла - в нашей внешней политике =

Передовая статья номера журнала «Тоё кэйдзай симпо» от 5 мая 1915 года

Нынешние методы работы нашего внешнеполитического ведомства, равно как и состояние дел в «народной дипломатии», не могут не вызвать озабоченности и беспокойства. Почему?

Во-первых, потому, что мы проводим неприкрыто агрессивную и экспансионистскую политику; во-вторых – потому, что политика эта осуществляется на фоне показного и лицемерного единодушия. Нужно прямо сказать, что именно в силу этих двух причин мир сейчас настроен антияпонски, а в нашей стране по-прежнему остаются невякорчеванными вековые корни империалистического зла.

Неприкрытая агрессивность нашей политики и лицемерное единодушие общества стали особенно очевидны после того, как в Европе началась война. Англия объявила войну Германии. Чем ответил на это японский народ? Японский народ в едином порыве заявил следующее: Германия – наш давний враг, а захват Германией Циндао есть корень всех зол на Дальнем Востоке. А потому, выполняя свой союзнический долг перед Великобританией, Япония просто обязана изгнать Германию из Циндао, а уж заодно и взять в свои руки владения Германии в южной части Тихого океана. Настало, наконец, время существенно расширить территорию нашей Империи! Такой момент упустить нельзя, ибо он может больше не представиться!

Должен сказать, что я всегда выступал против подобных взглядов и предостерегал, что такая политика пагубна, причем заявлял об этом, как говорится, и в хижинах, и во дворцах.

К несчастью, к моим призывам так и не прислушались. Война с Германией все же началась. Она уже забрала у нас тысячи людей убитыми и ранеными и сотни миллионов государственных средств (и об этом я тоже предупреждал!).

Но это еще не все. Для того, чтобы сохранить за собой захваченные территории, нам придется увеличить армию и флот до гораздо больших размеров, нежели те, которые они имеют теперь. Подобные меры, естественно, вызовут огромное недовольство в Германии и США. А разве не существует опасности того, что такое развитие событий может нанести непоправимый урон японо-российскому союзу?

По слухам, даже в самой армии в последнее время появилось немалое число людей, которые с запоздалым раскаянием признают, что решение о начале войны с Германией было ошибочным. Они правы: вступление в войну с Германией является огромной ошибкой – можно сказать, дипломатической ошибкой N 1 во всей нашей новой истории. И сегодня нужно прямо сказать, что эта ошибка есть продукт бездумной экспансионистской политики и лицемерного единодушия общественного мнения внутри страны.

Впрочем, эта ошибка не была последней: они продолжают в буквальном смысле слова громоздиться друг на друга. Пример тому – ситуация на переговорах с Китаем, которая вызывает сейчас напряженный интерес и внутри страны, и за рубежом.³⁸

В Китае, который в последнее время стал ареной нашей невиданной дипломатической активности, имеют право голоса еще пять противостоящих Японии стран – это Великобритания, США, Германия, Россия и Франция. Но четыре из этих стран сейчас напрягают все силы, чтобы выстоять в большой войне, вспыхнувшей в Европе. Поэтому у них нет ни времени, ни сил для того, чтобы следить за развитием ситуации на Дальнем Востоке. Принять какие-то меры в отношении Японии могли бы США – единственная страна, у которой руки не связаны войной. Однако президент Вильсон,³⁹ известный пацифист, сейчас не видит таких обстоятельств, которые могли бы принудить США в одиночку предпринять значительные дипломатические усилия на Дальнем Востоке. По-видимому, Япония это поняла, поэтому что именно сейчас начала переговоры с Китаем, надеясь наконец-то заполучить ту добычу, на которую она положила глаз еще много лет назад. Как говорится, «нет кота – мышам раздолье!» Действительно, почему бы не воспользоваться моментом и не урвать столь лакомый кусок?

Так, по-видимому, рассуждают в определенных политических кругах, и не только рассуждают, но и строят на этих рассуждениях свою политику. Таких же воззрений придерживается, к сожалению, и значительная часть населения – она тоже не хочет упускать представившийся случай.

Для осуществления этих планов Япония и пошла на беспрецедентное силовое давление и запугивание Китая. В обществе стали раздаваться угрозы в адрес Китая, подкрепленные гневными писаниями лучших умов страны. В области же реальной политики дело дошло до того, что под видом замены одного гарнизона охраны в Китай было переброшено несколько полностью экипированных армейских дивизий!

Заметив, что китайское правительство было поставлено японскими требованиями в трудное положение, наши верхи и низы стали с новой силой запугивать Китай, утверждая, что ему нельзя доверять, что надо сделать ему последнее предупреждение и т.п. Кстати, по моему, результат этих усилий оказался прямо противоположным ожидаемому. Многие японцы и большое число сторонних наблюдателей во всем мире на самом деле очень серьезно засомневались в искренности, но в искренности не Китая, а самой Японии.

Плохо вооруженный, изолированный, не имеющий союзников Китай оказался в критическом положении; он один противостоял крупной военной державе, каковой является соседняя Япония. Думаю, я не очень сильно ошибусь, если предположу, что в этих условиях и правительство Юаня,⁴⁰ и китайское общество в целом были готовы пойти на определенные уступки, надеясь приобрести расположение сильного соседа и опереться на его мощь.

Как развивались события? Пойдя на переговоры, Китай действовал совершенно искренне, когда принимал требование за требованием и делал уступку за уступкой. Скоро остались неурегулированными лишь несколько наиболее важных для Китая пунктов будущего соглашения.⁴¹ Это хорошо видно из статей и телеграфных сообщений, публиковавшихся в газете «Бэйцин Чжоубао» (North China Herald), которая детально освещала ход переговоров.

Однако и наше общество, и правительственные круги постоянно упрекали Китай в несговорчивости и упрямстве, неоднократно высказывали недовольство затягиванием переговоров, а в конце концов фактически пошли на выдвигание партнеру ультиматума. Китайской стороне был вручен новый проект соглашения, в котором она уже не может изменить ни одного слова. Китаю угрожают, Китай запугивают, Китай с ножом у горла вынуждают подписать новый договор.

При этом в японском обществе все как один не перестают повторять, что выполнение выдвинутых нами требований пойдет на пользу не только Японии, но и самому Китаю, что это исключительно правильный и уместный в данных условиях документ и т.п. Но если это так, то почему и японское правительство, и японское общество так суетятся и торопятся, почему они пришли в такое возбуждение, почему они так нервничают и беспокоятся? Зачем было доводить себя до такого состояния? Почему никто не допускает даже мысли о том, что могут существовать иные оценки происходящих событий? Зачем было делать из партнера театрального злодея, который призван вызывать у всех зрителей исключительно неприятные чувства? Стали бы мы предъявлять Китаю свои требования, стали бы мы вообще так хозяйничать, если бы в это время в Европе не было войны, если бы не наступило «мышам раздолье»?

По моему мнению, кабинет Окума совершил на переговорах с Китаем очень значительные промахи, рожденные совершенно бездумным экспансионизмом и лицемерным единодушием общественного мнения. А началось все со вступления в войну с Германией и захвата Циндао – двух крупнейших ошибок нашей современной дипломатии, от которых уже и протянулись нити к нашим промахам на переговорах. Поэтому сейчас Империи как никогда важно добраться до корней этого зла и выкорчевать их...

Думаю, Китай все же склонится под угрозами Японии и примет большую часть требований, изложенных в новом плане. У нас обычно полагают, что чем больше наших требований к Китаю будет удовлетворено, тем лучше для нас, тем чаще в Японии будут поднимать бокалы, отмечая наши большие достижения. Хочу сказать, что я придерживаюсь совершенно иного мнения на этот счет и полагаю, что главные проблемы таким способом не решить.

В самом деле, чего мы на самом деле требуем от Китая? Наши инстанции ответа на этот вопрос не дают, но общее представление о состоянии дел все равно получить можно – достаточно опереться на ту информацию, которую предлагают свои читателям отечественные и зарубежные газеты.

Впрочем, для понимания самой сути ситуации вообще нет необходимости обращаться к каким-либо конкретным источникам информации. Достаточно просто вспомнить, какие события произошли в последнее время, чтобы прийти к выводу, что основой нашей дипломатии по-прежнему остается агрессивность и что именно в рамках такого курса мы продолжаем свое вмешательство в дела Китая. И некоторые наблюдатели уже давно сделали такой вывод...

Мне представляется, что наш новый план состоит из трех основных пунктов:

1. Оккупировать Южную Маньчжурию и, используя ее как базу, осуществлять территориальную экспансию на тех направлениях, где у нас будет меньше всего препятствий – в частности, в Монголию.

2. Усилить влияние Японии в провинции Фуцзянь, отделенной проливом от острова Тайвань, тем более, что в соответствии с соглашением, заключенным ранее между Японией и Китаем, эта провинция является территорией, неотчуждаемой в пользу других стран.⁴²

3. На всей остальной территории Китая должны быть прямо или косвенно расширены экономические и политические права японского населения.

Скорее всего, этими тремя пунктами наши требования и ограничиваются...

Первый и второй пункты этого плана являются основными и описывают суть нашей политики по отношению к Китаю, а третий имеет подчиненный характер, ибо вытекает из первых двух.

Взглянем на карту. На севере Корея, отделенная проливом от острова Цусима, уже нами аннексирована и стала японской территорией. Допустим, что Японии удастся завладеть южной провинцией Фуцзянь и включить ее в сферу своего влияния. Провинция Фуцзянь лежит на берегу неширокого пролива, отделяющего Китай от принадлежащего Японии Тайваня. Таким образом, Япония не только получит контроль над этой важной провинцией, но и будет держать в своих руках северный и южный проливы обширнейшей акватории. Иными словами, моря, отделяющие Японию от материка, по существу превратятся во внутренний японский водоем.

Для проводников экспансионистской политики эта идея имеет особый смысл. Наши военные группировки (а именно они определяют главные направления политического курса сменяющих друг друга правительств) постоянно грезят об этом с тех самых пор, как в войне 1904-1905 годов мы завладели Кореей и изгнали Россию из Льюшуня⁴³ и Южной Маньчжурии.

На пути к осуществлению этой цели оставались, правда, некоторые препятствия – например, Циндао, который принадлежал Германии. Настораживало и то, что вскоре истекал срок аренды полуострова Гуаньдун⁴⁴ и то, что наши позиции в провинции Фуцзянь были недостаточно сильны... Но тут вспыхнула война в Европе, что позволило нам изгнать Германию из Циндао. Европейские державы были заняты тушением пожара в Старом Свете, и у них не было времени для того, чтобы следить за развитием событий на других континентах. А теперь вслед за этими военными успехами мы требуем от Китая не противодействовать стремлению Японии укрепить свои позиции в Южной Маньчжурии и провинции Фуцзянь.

В чем конкретно состоят эти требования? Судя по слухам, которые циркулируют в обществе, состоят они в следующем. В Маньчжурии и Монголии мы решили потребовать продления срока аренды полуострова Гуаньдун и железных дорог до 99 лет. Китай должен также предоставить гражданам Японии право свободно переселяться на эти территории,

право покупать землю (и, как следствие, право иметь свою полицию), право создавать судебные органы при японских консульствах. В Фуцзяни же предлагается предоставить Японии преимущественное право приобретать промышленные предприятия, в том числе рудники и железные дороги, а также ввести в этой провинции ни что иное, как фактический запрет на пребывание иностранцев, т.е. предоставить преимущественное право на проживание в ней японцам. Последнее естественным образом вытекает из упомянутого выше основного требования – неотчуждаемости прибрежной территории в пользу других стран.

К настоящему моменту, насколько можно судить, из всех важнейших требований Китай согласился только на продление сроков аренды полуострова Гуаньдун и железных дорог; остальные требования пока не удовлетворены. Но даже если предположить, что Китай примет не все требования, вытекающие из п. 2, а только те из них, которые наиболее полно отвечают духу и букве этого пункта, то все равно получается, что наши военные клики достигли-таки своего экспансионистского идеала, о котором мечтали столько лет. Или, выражаясь их языком, «был успешно реализован план действий по выполнению большой работы по передаче в руки Японии контроля за целостностью китайской территории; теперь нам необходимо приступить непосредственно к осуществлению этого контроля».

Нет необходимости говорить, что на подобных же принципах, изложенных в п. 3, на переговорах планируется решать вопросы прямого или косвенного расширения экономических и политических преференций для японского населения в Китае – т.е. вопросы направления японских советников, вооружений, проблемы Ханьепина и пр. (Как мне представляется, среди проблем, связанных с Ханьепином, должны также обсуждаться вопросы укрепления позиций японских компаний и японских банкиров, вложивших в комбинат свои капиталы).⁴⁵

Да, Китай сейчас – слабая, истощенная страна, в которой глубоко укоренилось зло. Да, европейские державы, имеющие право голоса в решении китайских проблем, из-за войны не могут уделить Китаю достаточно внимания. Но разве смогут они оставить без последствий дерзкие планы Японии и наши требования к Китаю, тем более, что они затрагивают не только его интересы, но и коренные интересы мировых держав?

Да, сейчас сыграли свою роль обстоятельства, на нас сработал временной фактор. Но разве такое положение будет сохраняться вечно? Лично у меня существуют большие сомнения на этот счет. По-моему, наши заботы и хлопоты только начинаются.

Я не знаю, какой процент японцев искренне верит в то, что наши действия в отношении Китая являются эффективными. Я не представляю, сколько людей в нашей стране совершенно искренне удивлены позицией Китая и недовольны тем, что он до сих пор не принял таких правильных и разумных требований японской стороны. Но я могу со всей определенностью предсказать, что произойдет в тот момент, когда эти требования будут приняты. Как только в наши руки попадет провинция Фуцзянь, военно-морской флот получит возможность контролировать все проливы от Кореи на севере до Тайваня на юге, в результате чего обширное водное пространство между Японией и Китаем станет, по существу, внутренним японским озером. И хозяин этого озера сразу же испытает соблазн ввести запреты на прохождение кораблей иностранных государств через контролируемые им проливы, чтобы ни один военный корабль не смог появиться там без разрешения Японии. Иными словами, имея базу на севере, в Маньчжурии, и плацдарм на юге, в Фуцзяни, мы сможем контролировать всю обстановку в Китае – а, значит, в конце концов, он весь окажется в наших руках. Если в этом и заключается главная цель ведущихся сейчас переговоров, то кто, скажите, может назвать наши требования умеренными и уместными?

Китай нелегко идет на соглашение. Но разве это происходит оттого, что у него нет доброй воли? А чем определяется единодушие нашего общества в этих вопросах? При всех возможных нюансах оно определяется все-таки тем, что Япония извлекает из этого соглашения огромную выгоду. Мы совершенно не считаемся с независимостью Китая, не принимаем во внимание никакие интересы китайского народа. И что же мы получим в

результате?

С самого начала переговоров с Китаем меня постоянно бросало в холодный пот от того презрительного тона, который был нами взят, от наших угроз, лицемерия, бесцеремонности, от наших бездумных и опрометчивых высказываний. Эти тягостные раздумья преследуют меня и сейчас. Впрочем, это еще полбеды. Но вот что будет, если Китай все же примет большую часть наших требований? Боюсь, что тогда нас будут ожидать совсем уж непредсказуемые последствия...

Пока европейские державы хранят молчание по поводу действий Японии. Но будут ли они равнодушно взирать на захватническую политику Японии в отношении ослабленного и застигнутого врасплох Китая потом, когда война подойдет к своему концу?

Свои крупные интересы в Китае имеет Великобритания, и после войны она вполне может пойти на практическую реализацию этих интересов. Будет ли она и далее безучастно наблюдать за тем, как Япония хозяйничает в Китае, нанося тем самым ущерб, в том числе, и позиции Великобритании?

Скажу больше: при таком развитии событий Япония приобретает не только глубокую неприязнь Китая, Германии и Англии. Реальности сегодня таковы, что и наши отношения со США также будут долгое время оставаться безоблачными и, в конце концов, могут закончиться конфликтом. И разве мировые державы не смогут нанести удар по Японии, как они ударили по России, хозяйничавшей на Дальнем Востоке? Например, мировые державы вполне могут сначала разрушить японо-английский союз, потом нанести удар по Японии и отбросить ее с тех позиций, которые она успела занять, а затем, объединившись, лишить Японию ее трофеев. Ясно, что в этом случае она потеряет и то, что отвоевала у Германии, и то, что получила в результате переговоров с Китаем. Но ведь и этим дело не ограничится! Если этот процесс пойдет дальше, то рано или поздно Японии придется расстаться и со всем тем, что было завоевано в войне 1904-1905 годов...

По моему мнению, наша политика в отношении Китая не приносит Японии ничего, кроме ущерба. Это своего рода заноза, не приносящая ничего, кроме боли. Корни этого зла – в далекой уже от нас японо-китайской войне и, в особенности, в войне русско-японской. Именно в них берет свое начало наш экспансионизм. Еще одна опасность, как уже отмечалось, коренится в каком-то недомыслии и безрассудстве нашего общества. И ответственность за такое положение дел нужно прямо возложить на наших лидеров, в частности, на всех членов кабинета министров и в особенности на премьер-министра Окума и министра иностранных дел Като.⁴⁶

= Логика представительной власти =

Опубликовано в номере журнала «Тоё кэйдзай симпо» от 25 июля 1915 года под рубрикой «На злобу дня»

В последнее время часть нашего общества захлестнули разного рода дебаты и прения. Что меня среди них особенно удивляет – так это совершенно бессмысленная дискуссия о представительной власти. Цель настоящей статьи и состоит в том, чтобы хотя бы в общих чертах разобраться в тех принципах, на которых строится представительная власть, или, если хотите, понять, какими методами эта власть действует, какой смысл люди вкладывают в понятие представительной власти. Мне бы хотелось разрушить некоторые заблуждения и исправить ошибки, укоренившиеся в этой области.

Начнем с теории общественного договора, которую выдвинул Руссо, и развивали другие мыслители. Согласно их воззрениям, отдельные люди под влиянием требований, предъявляемых им жизнью, отказываются от существования поодиночке и договариваются объединиться в определенные организации.

Для многих ученых даже формально принять теорию Руссо оказывается трудно. Дело в том, что мы просто не знаем реальных примеров человеческих сообществ, которые бы складывались по таким законам. Поэтому теория Руссо встречает много возражений, а некоторые даже рассматривают ее как пустую абстракцию, не стоящую никакого внимания. С моей точки зрения это не совсем так (и здесь я не одинок, существует немало исследователей, придерживающихся такой же точки зрения). Безусловно, если подходить к вопросу формально, то противники теории Руссо оказываются правы: ни одно из известных обществ не сформировалось по его законам. Однако мне кажется, что теория Руссо все же имеет определенную ценность, но ценность эта - в другом: она позволяет узнать, что происходит в глубинах человеческого сознания, показывает, как устроен человеческий разум. Об позитивных моментах, существующих в теории общественного договора, я и хочу рассказать в этой статье.

То, в каком обществе и в каком государстве живет данный человек, является игрой случая. Безусловно, человек может попытаться изменить данное общество или даже уйти из него (примеры – натурализация в другой стране или просто смерть). Я являюсь членом семьи, в которой носят фамилию Исибаси, и проживаю в стране под названием Япония - легко сообразить, что оба эти обстоятельства являются случайными. Но то, что я сегодня, сейчас, являюсь членом семьи Исибаси и сегодня, сейчас, живу в Японии, это, безусловно, не случайность, это результат моего осознанного выбора, результат свободы воли.

Существуя подобным образом, люди могут и не вступать ни в какие договоры. Но формально всегда можно сказать, что если они согласны жить при тех ограничениях, которые накладывает на них общество, то они уже заключили между собой общественный договор. Существует ли этот договор в виде какого-то документа – значения не имеет. И в этом смысле, как мне представляется, общественная жизнь все равно идет в рамках той структуры, которую Руссо назвал общественным договором.

С очевидностью, все сказанное можно отнести и к природе власти. С давних времен известно, что власть может принимать самые разные формы. Однако если рассуждать логически, то окажется, что вне зависимости от того, какую форму имеет власть, она есть ни что иное, как продукт общественного договора. В самом деле, никто не станет спорить, что общество устроено таким образом: люди говорят, что да, хорошо, пусть власть имеет такую-то форму, мы не возражаем. Даже при абсолютной монархии, когда, на первый взгляд, народ не имеет вообще никаких прав, дело обстоит не так просто: в действительности именно при согласии народа монарх занимает свой трон. Иными словами, при любой форме правления верховная власть все равно принадлежит народу. Джон Стюарт Милль писал:

*«Смысл представительной власти состоит в том, что весь народ или какая-либо значительная часть его осуществляет через посредство представителей, периодически избираемых, высшую управляющую власть (the ultimate controlling power), которая при любом режиме должна где-нибудь заканчиваться».*⁴⁷

Как мне представляется, подобным образом устроена не только представительная власть. Конечно, формулировка «через посредство представителей» относятся только к представительной власти, но слова «весь народ... осуществляет... высшую управляющую власть» уже носят совершенно общий характер.

Столь же безусловно и то, что власть делегируется не неким абстрактным, а вполне определенным образом. Каким же? Как следует из изложенного выше, для осуществления власти народа нет иного пути, кроме как использовать самое надежное из средств, разработанных для снятия всякого рода противоречий – договариваться.

Существует мнение, что реализуя выборность власти, народные массы отбирают суверенитет у монарха или у дворянства. Однако, на мой взгляд, дело обстоит совершенно иначе: верховная власть изначально принадлежит всему народу, а исполнительная власть только реализует ее, проводит в жизнь.

В чем же тогда конкретно состоит роль выборных представителей? Ведь если власть

принадлежит народу, то, казалось бы, весь народ и должен непосредственно участвовать в управлении. Руссо оценивает такой подход следующим образом:

*«Если бы существовал народ, состоящий из богов, то он бы управлял собою демократически. Но Правление столь совершенное не подходит людям».*⁴⁸

Это исключительно правильное и глубокое замечание. В крупном обществе подлинное народовластие невозможно по причинам формального порядка, поэтому для того, чтобы осуществлять его на практике, возникает потребность в делегатах или представителях. Такие делегаты и представители направляются не только в высшие законодательные органы власти, они также представляют население в префектуральных и муниципальных органах. К числу представителей также относятся ответственные лица в правительстве или кабинете министров, если они формируются партией, имеющей большинство в законодательном собрании - без последнего элемента представительная власть является неполной и непоследовательной.

Когда я слушаю развернувшиеся у нас в последнее время бесполезные депутатские дебаты, то меня не покидает ощущение, что наша демократия – это демократия рабов. Именно людям с рабской психологией мы доверили нашу свободу. И лучше всего это обстоятельство видно на примере тех дискуссий, которые они устраивают. Но дело тут не только в них самих. Для этого есть очень основательные причины. Снова обратимся к Руссо:

«У греков все, что народу надлежало делать, он делал сам; непрерывно происходили его собрания на площади. Он жил в мягком климате; он вовсе не был алчен: рабы выполняли его работу, главной заботой его была собственная свобода. Не имея более тех же преимуществ, как сохранить те же права? Ваш более суровый климат порождает у вас больше потребностей: шесть месяцев в году общественной площадью нельзя пользоваться; вашу глухую речь не расслышать на открытом воздухе; вы больше делаете для вашего барыша, нежели для свободы вашей, и гораздо меньше страшитесь рабства, нежели нищеты...»

Всем этим я вовсе не хочу сказать, что следует иметь рабов и что право рабовладения законно..., поскольку я уже доказал противное. Я только указываю причины того, почему народы новых времен, мнящие себя свободными, имеют Представителей и почему древние народы их не имели. Что бы там ни было, но как только народ дает себе Представителей, он более не свободен; его более нет».⁴⁹

Я не утверждаю, что сегодняшние бесплодные дискуссии наших депутатов напрямую связаны с тем, о чем пишет Руссо. Однако есть нечто такое, что их очень сильно связывает между собой. Это «нечто» – крайний индивидуализм (не знаю, впрочем, будет ли правильно пользоваться здесь столь фундаментальными понятиями).

Некоторые сторонники Руссо исходят из того допущения, что желания отдельного человека никогда не могут быть реализованы в точности так, как они задуманы; свободное волеизъявление одного обязательно будет мешать такой же свободе другого. Якобы из-за этого люди и вынуждены договариваться. Но такое понимание ошибочно, и ошибка эта возникает из-за полного непонимания того, как же именно строятся взаимоотношения в обществе. Да, наша воля никогда не реализуется в чистом виде. Поскольку желания у разных людей разные, то все их в принципе удовлетворить невозможно. Но что происходит на деле? В обществе одни желания действуют против других, многие из них взаимно гасятся, так что в результате реализуются лишь некоторые из них или даже одно (нет необходимости говорить, что в этом случае другие, далекие от этих желания остаются только в мыслях, т.е. не реализуются). Таков обязательный закон, которому с неизбежностью подчиняется жизни отдельных людей.

Сходным образом устроено и человеческое общество: воля данного народа складывается как результирующая отдельных желаний, скрытых в душах составляющих этот народ людей. Общество, для того, чтобы существовать как целое, должно обязательно иметь возможность выбора между этими желаниями; у него должен быть в распоряжении

механизм, который отбирал бы одни желания и отбрасывал другие (это обстоятельство представляется мне особенно важным). Говоря о том, что представительная власть есть власть рабов, Руссо обосновывает это положение в следующих словах:

«Рассмотрев все основательно, я считаю, что суверен отныне может осуществлять среди нас свои права лишь в том случае, если Гражданская община очень мала».⁵⁰

Для автора трактата идеалом является общество без правительства, в котором люди действуют совместно на основе доверия одного индивидуума к другому. Мне такой подход представляется по меньшей мере странным. Пусть даже речь идет о маленьком обществе или об обществе без правительства, все равно и в них желания отдельных людей никогда не смогут реализоваться без искажений. Поэтому проблема выбора все равно остается. Равным образом, остается без ответа и вопрос о том, почему правление представителей – это правление рабов, а непосредственное народовластие в маленьком обществе или в обществе вообще без правительства – это уже не правление рабов.

Готов допустить, что между этими формами существует разница, готов допустить, что она даже весьма значительна. Но в чем именно она состоит? В одном случае раз в год или даже раз в несколько лет происходят выборы представителей, которым на время между выборами доверяется вся полнота власти. Но и во втором случае, случае прямого народного правления, необходимо время от времени узнавать волю отдельных членов общества и на основе этого волеизъявления что-то менять в управлении обществом. Так в чем же разница? Неужели все дело в том, что интервалы времени между волеизъявлениями в этих двух случаях оказываются разными? Неужели это и все различия? Мне представляется, что разница временных интервалов между волеизъявлениями не может служить основой фундаментального различия между правлением представителей и непосредственным народовластием. На самом деле это различие – не более чем вопрос удобства для членов общества.

И еще о временных интервалах. Легко понять, что даже если человек перепоручает исполнение своей воли другому человеку на срок в одну минуту, то данное действие все равно является делегированием полномочий. Так что рассуждать о каком-то непосредственном народном правлении, конечно, можно, но в действительности, как я уже подчеркивал, волю каждого отдельного человека без искажений реализовать невозможно.

Итак, систему выборов и представителей можно считать хорошей, а можно – плохой, но сути дела это не меняет: в основе современного общества лежит принцип делегирования власти. Разница между представительным правлением и народным правлением является несущественной; какую из этих систем использовать и каким образом – решают люди и только они.

В заключение хочу признаться: мне очень горько от сознания того, что часть наших авторов оказалась в плену поверхностных суждений и не взяла на себя труд чуть глубже погрузиться в изучение свойств человеческого общества и рассказать о них нам. В результате немалое число наших читателей все еще не может понять, чем система представительной власти (и, в идеале, правление совершенномудрых) отличается от прямого народовластия.

Некоторые из затронутых выше вопросов более подробно изложены в передовой статье «К вопросу о расширении избирательных прав», опубликованной в «Тоё кэйдзай симпо» от 15 июля 1914 года.

Здесь нет возможности вдаваться в детали, поэтому в заключение я хочу привести лишь итоговый вывод, который состоит в следующем: в конечном итоге то, что называется «верховой властью», находится в руках всего народа, а институт представителей есть лишь удобный механизм для проявления этой власти. Более того, на сегодняшний день никакого иного способа реализации этой верховной власти просто не существует. Можно, конечно, вести речь о некоем непосредственном народовластии, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что и оно реализуется институтом представителей. Таковы мои взгляды на эту

проблему.

= Имперский парламент должен работать непрерывно =

Передовая статья номера журнала «Тоё кэйдзай симпо» от 15 августа 1916 года

Скандально шумный спектакль под названием «Добровольный уход в отставку премьер-министра Окума», наконец, завершился.⁵¹ Ходят слухи, что премьер подал Императору секретное прошение об отставке, не проконсультировавшись с министрами, что он вступил в тайные переговоры с Ямагата, Тэраути и другими политиками и т.п. Не знаю, сколько в этих слухах правды, но ходят они уже месяц с лишним, а о том, что граф Тэраути формирует надпартийное правительство, говорят не только в партии Кэнсэйкай или в парламенте, но и судачат в газетах. И все это, повторяю, имеет привкус гадкого, мерзкого скандала.

Хорошую или плохую политику проводил кабинет Окума? Мне представляется, что Окума как премьер ничуть не уступал любому другому политическому деятелю. Так зачем же вдруг понадобилось отправлять кабинет Окума в отставку и заменять его на надпартийное правительство Тэраути? Лидеры партий и газеты придерживаются самых разных точек зрения на этот счет, но большинство участников дискуссий склоняются к тому, что Окума, как говорится, заставили наступить на горло собственной песне. Вопрос в том – кто заставил? Скорее всего, это были его главные политические оппоненты – *гэнро*,⁵² бюрократия, военные. А неприязнь, которую питал к ним Окума, как и его желание хотя бы на короткое время добраться до власти, привели к ошибочным решениям, усилившим позиции его главных соперников. А дальше... Как верно сказано, отказываясь анализировать прошлые ошибки, мы переносим их в будущее...

Есть у меня одно заветное желание: хочу я, чтобы шум и гам вокруг этой истории как можно быстрее утихли. Случится ли такое? Вряд ли: в нашем обществе всегда находятся люди, которым не хотят видеть картину в целом, а жаждут скандальных подробностей. Движимые сиюминутными страстями и непреодолимым желанием немедленно извлечь из ситуации выгоду для себя, эти люди не заглядывают далеко вперед или далеко назад...

Они не заглядывают, а я вот хочу заглянуть...

В этой статье мне бы хотелось вскрыть основные причины, по которым возникает подобное «смятение умов» - хотя бы для того, чтобы найти способ, как в будущем избежать тех шумных и скандальных кампаний, которые мы так часто наблюдали прежде...

Причины эти, как ни странно, весьма просты. Дело в том, что все без исключения политические движения в нашей стране никогда не возникали как массовые и публичные. Они тайно замыслились в узких кругах, среди нескольких (ну, может быть, нескольких десятков) человек. Поэтому до сих пор сторонние наблюдатели не могут получить ответы даже на самые простые вопросы. Сохранилось ли данное движение в той форме, в какой оно было задумано, или приняло иную? Каково сейчас истинное положение дел в этом политическом движении? Ответов нет.

А поскольку народ ничего не знает о том, что действительно волнует политические круги, равно как и об истинном положении дел в этих самых кругах, то ему не остается ничего иного, как упражняться в догадках и предположениях. Слухи плодятся и множатся, а в атмосфере этих слухов с удовольствием вьются разные темные личности. Ради своего интереса они готовы распространять какие угодно сплетни, лишь бы раздуть пламя скандала...

Скандалы бывают мелкими и крупными. Крупный скандал развивается примерно в течение месяца, но, как и мелкий, в конце концов, все равно оканчивается ничем в том смысле, что для посторонней публики так и остается неясным, кто есть кто и что есть что.

Обычно о скандалах рассуждают как о явлении комическом, но на самом деле

политические скандалы – это горестные и печальные приметы в жизни нашего общества.

Как следует поступить замешанной в скандале партии для того, чтобы вернуть себе былое влияние? По моему скромному мнению, очень просто: впредь надо быть абсолютно искренней во всех политических делах, открыто говорить народу всю правду, не оставляя места для слухов, сплетен и вмешательства в свои дела всяких бродячих политиканов...

Действительно ли премьер Окума подал во дворец прошение об отставке? Обсуждался ли это вопрос с Ямагата и Тэраути? Как относятся к этой проблеме в кабинете министров? В самой партии? В оппозиции?

Что было бы, если бы ответственные органы дали ответы на эти вопросы и довели их до сведения общественности? Мне кажется, что народ бы быстро понял, что на самом деле происходит, в результате чего премьер Окума обрел бы невиданную дотоле степень народного доверия, а оппозиционные партии потеряли бы базу для проведения в жизнь своих абсурдных решений о создании надпартийного кабинета. В конце концов, политические движения стали бы более открытыми, а политические дискуссии проводились на достоверной фактической базе. А что касается движения в защиту конституции, то оно, наконец, перестало бы быть таковым только по названию и приобрело по-настоящему общенародный характер.

Что я имею в виду под «ответственными органами»? Мне кажется, нет необходимости пояснять, что к таковым должен относиться, прежде всего, парламент, ибо более ответственного органа в Империи просто нет.

И именно исходя из этого я хочу внести свое предложение по регламенту работы Имперского парламента. По моему мнению, этот регламент необходимо пересмотреть и от принятого сейчас 3-месячного срока перейти к 12-месячному, то есть фактически к непрерывной работе парламента. При этом в отсутствие прений по законодательным вопросам парламента уходил бы на отдых, но в случае необходимости (например, скандала наподобие нынешнего) он мог быть созван снова – либо по решению председателя, либо по требованию депутатов. Таким образом, все политические дискуссии, вся политическая жизнь в стране строилась бы вокруг ее высшего законодательного органа.

Мне представляется, что подобные меры помогли бы, хотя бы в некоторой степени, очистить от грязи наш политический пейзаж.

Для изменения регламента работы парламента необходимо внести изменения в Конституцию, а, точнее, в ее 42-ю статью. Нынешнюю формулировку - «Сессия Имперского парламента длится 3 месяца. В случае необходимости сессия может быть продлена Императорским указом»⁵³ - нужно заменить на следующую: «Сессия Имперского парламента длится 12 месяцев».

Если сроки работы парламента будут определены таким образом, то он будет работать непрерывно и, следовательно, отпадет необходимость в 1-й статье «Закона о парламенте», которая гласит, что «дата созыва Имперского парламента определяется Императорским указом, который публикуется не позднее, чем за 40 дней».

Знаю, что для внесения предлагаемых мною изменений нужно будет выполнить весьма трудоемкие юридические формальности: так, принятие поправок к Конституции уже само по себе требует издания Императорского указа. Знаю и то, что в истории страны не было прецедентов подобных изменений, и это обстоятельство, скорее всего, не прибавит смелости тем, кто решится поддержать такие поправки.

Конечно, меня могут назвать человеком, не ведающим приличий, ибо я предлагаю политикам сделать дело с одной стороны – трудное, а с другой – новое. Но мне кажется, что результат оправдывает усилия. У меня нет сомнений в том, что подобный Императорский указ, если мы его будем удостоены, пойдет на благо народа и будет отвечать его чаяниям.

Кстати, почему вообще наш парламента работает только три месяца в году? Потому, что именно этот срок отвел ему покойный князь Ито Хиробуми, который в своих «Комментариях к Имперской Конституции» написал: «Установив срок в три месяца, мы

избежим затягивания работы парламента, которое имело бы место в отсутствие такого предельного срока». Иными словами, по крайней мере на первый, поверхностный взгляд, это было просто одно из предложений чернового проекта, не более.

Насколько я могу судить, затягивание дебатов грозит парламенту в единственном случае: при обсуждении бюджета. Однако для того, чтобы бороться с этим явлением, достаточно установить предельный срок парламентских дебатов в другом документе – Законе о парламенте. Кстати сказать, сейчас такой предельный срок установлен для обсуждений в Комитете по бюджету (см. Закон о парламенте, ст. 8, п. 40).

Для других же законопроектов, не связанных с обсуждением бюджета, никакого особого вреда от продолжительных прений я не вижу. Напротив, сильнейшее беспокойство вызывает нынешнее положение дел. Установленный трехмесячный срок работы приводит к спешке и небрежности при подготовке решений, поскольку получается, что все прения и дебаты, сколь бы важны они ни были, к закрытию сессии парламента нужно прекратить.

Людям, которые все еще сомневаются в целесообразности организации непрерывной работы парламента, могу сказать, что при желании годовой период можно было бы разбить на несколько сессий. Есть и другие методы решения возникающих при этом проблем... Только не нужно оставаться в плену текучки, не нужно опасаться подобных реформ!

Рискую навлечь на себя новые язвительные комментарии, но не могу не сказать еще вот о чем. По моему мнению, реальная причина такой краткосрочности сессий нынешнего Имперского парламента состоит в том, что наши бюрократы просто ни на секунду не хотят допускать общественность до наблюдения за процессом управления государством.

Впрочем, готов предположить и иное: что в действительности все гораздо сложнее, что депутатам каждый день без работы в парламенте приносит невыразимые муки, ибо они не знают, куда себя деть и чем занять. Тогда тем более их нужно осчастливить, предоставив возможность работать не три месяца, а целый год. Народу от этого тоже будет только лучше. Искренне надеюсь, что власть смело и решительно пойдет на продление до одного года срока работы Имперского парламента. Поступить так – значит сделать большой шаг навстречу общественному мнению.

= Признать радикальное правительство! =

Передовая статья номера журнала «Тоё кэйдзай симпо» от 25 июля 1918 года

Из полицейского участка района Усигомэ-Кагурадзака мне пришло уведомление, датированное 18 июля. Документ гласит:

«Настоящим организации и частные лица, публикующие статьи в газетах и журналах, уведомляются о том, что им следует придерживаться запрета на распространение и продажу материалов, содержащих непроверенные сведения и дающих превратное представление о содержании переговоров, которые правительство Империи ведет с Великобританией, Соединенными Штатами Америки и иными союзными государствами по вопросу о направлении войск в Сибирь. Равным образом запрещается публикация статей, вызывающих неприязнь и подрывающих доверие к мерам, предпринимаемым в этой связи Правительством Империи, данных о местах дислокации и численности войск, направленных Правительством Империи за границу (исключая данные, относящиеся к Владивостоку), а также любой иной информации о деталях планов отправки войск за границу».⁵⁴

До этого мне неоднократно приносили разнообразные запреты на публикацию тех или иных материалов, но ничего подобного процитированному выше уведомлению я что-то не припомню.

Написал пару слов о некоем военном корабле, о действиях некоего высокопоставленного лица, о содержании некоего уголовного дела или о чем-либо подобном – и пожалуйста, вопрос решен: подобные сведения либо сами с очевидностью попадают под действия запрета, либо их можно понимать так, что они имели целью «создать превратное представление». И даже если сама заметка не содержит ни слова «о местах дислокации и численности войск, направленных Правительством Империи за границу (исключая данные, относящиеся к Владивостоку), а также любой иной информации о деталях планов отправки войск за границу», это дела не меняет. С точки зрения данного циркуляра всегда можно признать сомнительной саму необходимость публикации такой заметки, и тогда...

А как прикажете понимать первые строки данного уведомления, в которых идет речь о «направлении войск в Сибирь» и «запрещается публикация статей, вызывающих неприязнь и подрывающих доверие к мерам...»? Не говорю уже о том, что любое публично высказанное мнение о направлении войск за границу можно при желании рассматривать как «непроверенные сведения», а любые возражения против отправки войск или даже сомнения в правильности мер, «предпринимаемых в этой связи Правительством», можно также записать в категорию «дающих превратное представление» либо «вызывающих неприязнь и подрывающих доверие к...». Достаточно того, чтобы правительству что-то показалось, и все: какой позиции придерживается редактор, что думают об этом в обществе – это уже никого не интересует!

На мой взгляд, есть единственный способ следовать подобным туманным циркулярам – просто всегда поддакивать решениям правительства. Весьма прискорбный финал!

Я уже имел возможность высказывать свое – целиком и полностью отрицательное – мнение относительно направления войск в Сибирь. После раскола кабинета Тэраути уже нет необходимости рассуждать о том, какой позиции по этому вопросу придерживались министры его правительства. А о том, что произошло с кабинетом Окума, когда он под влиянием *гэнро* завел в тупик переговоры с Китаем, я уже писал в статье «Падение кабинета Окума».⁵⁵ Конечно, Сэйюкай – это не *гэнро*, а Россия – не Китай, но все-таки нынешнее положение кабинета Тэраути сильно напоминает то, в котором оказалось тогда правительство Окума.

Впрочем, прошлого не вернуть, да и не нужно возвращать. И сегодня я хочу попытаться понять, что ждет нашу страну в будущем.

Прежде всего, я хочу привлечь внимание нашей общественности к России, а точнее, к произошедшей там недавно революции. Я уже несколько раз высказывал свое мнение об этих событиях, но понимания не встретил, и поэтому сегодня хочу рассмотреть эту проблему под несколько иным углом зрения. Хотелось бы, чтобы в нашей стране более глубоко поняли истоки той смуты, в которой оказалась соседняя с нами Россия, и экономические корни развернувшейся в стране классовой борьбы.

В течение нескольких сотен лет русские крестьяне и рабочие подвергались такой чудовищной эксплуатации, которую граждане других стран и представить себе не могут. И вот однажды одним ударом им удалось сбросить этот многовековой гнет. Этим ударом и стала нынешняя русская революция.

Но, к сожалению, русские крестьяне и рабочие – это люди малограмотные и мало знакомые с традициями демократического правления. Поэтому, избавившись от многолетнего гнета, они тут же вступили в вооруженную борьбу за удовлетворение всех своих требований, несмотря на то, что избранные ими лидеры из числа представителей интеллигенции до хрипоты в голосе увещевали их остановиться.

Приведу только один пример: не дожидаясь решений сформированного революционным правительством земельного комитета, крестьяне сразу же после победы революции начали захватывать принадлежавшие помещикам земельные угодья... Немудрено, что русская революция в конце концов обернулась настоящим хаосом. В этих условиях классу имущих и остаткам политических партий и правительства прежнего режима нужен был лишь повод для того, чтобы раздуть пламя контрреволюции...

Надо сказать, что анализ нынешней ситуации в России дает не так много возможностей для того, чтобы с оптимизмом смотреть в будущее. Но что если все-таки попробовать?

Начнем с очевидного: сейчас большая часть русского народа оказалась охвачена мелкими, сиюминутными желаниями - им просто не до того, чтобы размышлять о долговременных интересах своей страны. Изменения в настроениях народных масс смогут произойти лишь тогда, когда в стране будет покончено со смутой, когда будет достигнуто определенное единство. Но разве давление иностранных держав – это лучший способ для достижения такого единства?

Хочу здесь вспомнить еще об одной революции – о Реставрации Мэйдзи. Реставрация тоже сопровождалась смутой и своего рода классовой борьбой. Но что было бы, если бы тогда для подавления смуты использовались силы иностранных государств - скажем, они пришли бы на помощь *бакуфу*⁵⁶ и попытались остановить его противников? Даже если бы волнения были на время подавлены – принесло бы это спокойствие и удовлетворение японскому обществу?

В нынешней России иностранные державы помогают контрреволюционерам в их борьбе против сторонников революции. Чем же эта позиция отличается от гипотетической поддержки *бакуфу* в его борьбе с противниками сёгуната?

Допускаю, что большая часть русского народа не знает истинного положения дел в стране. Вполне возможно, что часть российского общества вообще не ведает, что творит. Но заметьте: эти люди живут в России, и уже только поэтому помимо их воли, без учета их мнения ничего в России сделать нельзя. У страны нет иного пути, кроме как попытаться изменить образ мысли некоторых своих жителей и исправить их образ действий. Но решать эти задачи должны не мы! Нам же придется положиться на влияние и авторитет знающих людей, каковыми являются русские лидеры. Иного пути решения этих проблем просто нет!

Отсюда вывод: нам нужно не только признать правительство, созданное русскими радикалами, но и помочь этим радикалам. Пока же страны-союзники (за исключением, может быть, США) отказываются признавать радикальное правительство, не желают иметь дело с радикалами от идеологии. Но при этом они сами вмешиваются в идеологическую борьбу, которая идет в чужой стране, что находится в полном противоречии с такими шумно декларируемыми принципами, как право наций на самоопределение. Остается только удивляться тому, что кого-то подобные декларации еще могут ввести в заблуждение...

Для меня несомненно одно: несмотря на то, что в России продолжается смута, власть в стране есть, и находится она в руках правительства, составленного из представителей радикальных идеологических течений. И это – реальность. А реальность, даже самую неприятную, принято признавать.

Кстати сказать, наши военные, направляя войска в Сибирь, тем самым выполнили первое условие, необходимое для признания радикального правительства. Почему? Они, по их же собственным словам, надеются призвать к ответу радикальное правительство за его «неправомерные действия». Но для того, чтобы ликвидировать «неправомерность», нужно прежде признать, что она существует. И в этом суть. Борешься ли ты с этим правительством, поддерживаешь ли его – все равно ты вынужден признать, что оно существует. Не нравится радикальное правительство – можно его в чем-то обвинять, можно ему что-то советовать. Но прежде всего нужно формально признать это правительство. Такое развитие событий было бы наилучшим и для России, и для стран-союзниц, тем более, что сейчас для этого – самый подходящий момент, упускать который нельзя ни в коем случае. Ни в коем случае нельзя допустить и того, чтобы США, в которых сейчас отсутствует единая позиция по этому вопросу, все-таки пошли на отправку войск в Россию и тем самым заслужили бы гнев и возмущение русского народа.

Сейчас радикальное правительство России упрекают в том, что оно сепаратно вышло из войны. Думаю, сепаратный мир никак не входил в первоочередные цели нового

правительства, но у него просто не было иного выхода: продолжение войны страна бы не выдержала. К тому же русское радикальное правительство, заключая сепаратный мир, приложило все возможные усилия для того, чтобы уменьшить ущерб, который это решение нанесло странам-союзникам. И если эти усилия не принесли своих плодов, то произошло это вследствие общей слабости России, а не по чьей-то злой воле.

= Политическое значение рисовых бунтов =

Передовая статья номера журнала «Тоё кэйдзай симпо» от 5 сентября 1918 года.

Чем больше я думаю о нынешних волнениях,⁵⁷ тем определеннее склоняюсь к выводу, что эти события сыграли очень большую роль, ибо они помогли разоблачить неспособность, некомпетентность и полное бессилие нашего правительства (я имею в виду и организацию, и людей).

Часть нашего общества, члены правительства и большое число правительственных чиновников объясняют волнения простым вздором риса, а также гнусными происками неких спекулянтов, которые ради наживы скупили большое количество зерна. Они совершенно искренне считают, что если удастся снизить цены на рис, то это решит все проблемы и восстановит в стране мир и порядок; что для того, чтобы впредь не допускать бунтов, необходимо строго наказывать бунтовщиков и т.п. Однако рассматривать нынешние волнения только под этим углом зрения – значит подходить к ним крайне поверхностно и не только не видеть их глубинных, основополагающих причин, но и не понимать ожидающих нас следствий.

Нет ничего хуже того, чтобы дать подобным идеям осесть в наших головах! Самое опасное для нашей страны сейчас – это дальше громоздить глупости и заблуждения!

Но попробуем немного умерить эмоции и понять, что же в действительности произошло. Даже беглый взгляд на картину волнений убеждает в том, что причины их гораздо более серьезны, чем простое вздорное риса.

Как отмечалось в начале статьи «Рисовые бунты охватили всю страну», опубликованной в предыдущем номере журнала под рубрикой «Финансовый обзор», по данным на полдень 19 августа волнения наблюдались в 23 префектурах страны, включая столичные префектуры Токио, Осака и Киото, а также остров Хоккайдо. Даже если судить только по тем материалам, которыми располагает наш журнал, сейчас волнениями охвачены 120 населенных пунктов, в 25 из них произошли грабежи и поджоги, так что на усмирении бунтующих пришлось направлять войска. Токио, Осака, Кобэ, Киото, Нагоя и другие крупные города стали аренами уличных столкновений.

Волнения, которые с пугающей быстротой охватили всю страну, волнения исключительно ожесточенные, волнения, для подавления которых были направлены многочисленные воинские подразделения... Все эти эпитеты указывают на то, что мы имеем дело с явлением, невиданным не только для нашей страны, но и для других стран мира. И разве это не говорит о том, что японское правительство продемонстрировало свое полное бессилие? Излишне даже задавать такой вопрос...

Но попытаемся понять главные причины этих волнений. Допустим, что непосредственным поводом к началу бунтов послужило совершенно безумное вздорное риса. Но зададим себе и следующий вопрос: а почему, собственно говоря, рис так быстро и так чудовищно подорожал? Ведь нас не преследовали неурожаи! Судя по сводкам, опубликованным министерством по делам сельского хозяйства и торговли, объемы экспорта и импорта риса в этом году возросли. Поставки же риса на рынок хоть и не достигли прошлогоднего уровня, но тоже могут считаться удовлетворительными. Более того, само это министерство публично объявило, что дефицита риса в стране нет. Таким образом, ничто не указывало на то, что хоть один человек в Японии будет испытывать недостаток риса. Но

даже если бы дефицит действительно возник, в этом не было бы ничего страшного: в современном мире такие проблемы легко решаются. Как? Во-первых, можно ликвидировать импортные пошлины на рис, а, во-вторых, путем применения соответствующих административных мер к торговому флоту добиться того, чтобы импорт риса из-за рубежа стал выгодным. Совершенно ясно, что если бы власти быстро начали поставки в страну дешевого импортного риса, который в местах его производства стоит 10-12 иен за *коку*,⁵⁸ то внутренние цены на него вполне можно было удержать на уровне 25, самое большее – 30 иен за *коку*.

Конечно, наше правительство не сидело сложа руки. 1 сентября прошлого года оно издало постановление о контроле за чрезмерными доходами, согласно которому следовало: а) выносить предупреждения недобросовестным купцам (именно так они названы в правительственном постановлении); б) осуществлять вмешательство в работу временных рисовых рынков. Эффективной мерой было призвано стать и решение правительства об импорте риса, согласно которому начались закупки риса за рубежом на государственном уровне. Иными словами, правительство всеми правдами и неправдами стремилось регулировать внутренние цены на рис и удержать их на уровне 23-24 иен за *коку*.

Но что удивительно – все эти усилия правительства не дали ни малейшего эффекта. Точнее, эффект оказался прямо противоположен ожидавшемуся: начался настоящий взрыв цен. Один *коку* неочищенного риса подорожал до 40 с лишним иен, а один *се*⁵⁹ очищенного риса стал стоить более 50 *сэн*.⁶⁰ В результате у многих рабочих дневного заработка едва хватало на то, чтобы купить два *се* риса. А самая многочисленная часть населения, которая и так едва сводит концы с концами, вообще оказалась перед трагическим выбором: заплатишь за рис – нечем будет платить за жилье, заплатишь за жилье – придется голодать. Иными словами, эти люди оказались на грани между жизнью и смертью. И что же им оставалось делать?..

3 августа около 200 жен рыбаков из деревни Нисимидзухаси в префектуре Тояма вышли на демонстрацию под лозунгом «Чтобы выжить, нам нужно есть!». Из этой искры и вспыхнули рисовые бунты, которые уже через неделю охватили всю страну. Так можно ли объяснить эти события чем-то иным, нежели бессилием правительства (а, точнее, бездействием важных правительственных органов)?

Но вернемся к вопросу о том, что же все-таки послужило настоящей причиной бурного роста цен на рис. Начиная с мая-июня этого года по стране поползли слухи о том, что цена на рис в 25-26 иен за *коку* является слишком низкой по сравнению с ценами на другие товары, и потому для выравнивания этих различий нужно поднять цены на рис до уровня 40-50 иен за *коку*. Естественно, подобные слухи привели к тому, что на постоянных и временных рынках началась спекулятивная скупка риса. Но что, в свою очередь, послужило спусковым механизмом для этих слухов? Ни что иное, как глупейшее решение правительства о поощрении экспорта. Именно в нем кроется истинная причина тех волнений, которые охватили сейчас всю страну!

Для того, чтобы понять, как и почему это происходило, не нужно быть семи пядей во лбу. Известно, что в результате подобных непродуманных решений, с одной стороны, происходит развал рынка товаров, а, с другой, падает их производство. В Японии следствием этих непродуманных мер также стал товарный дефицит – то есть решения чиновников, призванных обеспечивать народ необходимыми товарами и гарантировать экономическое развитие страны, привели к результатам, прямо противоположным ожидаемым.

Как должно было поступить правительство в этих условиях? Принять другие административные меры, призванные выровнять положение – а именно, сделать так, чтобы импорт дефицитных товаров стал выгодным, а на экспорт наложить определенные ограничения либо вовсе его запретить. Кстати сказать, подобные меры широко используются сейчас в европейских государствах – причем как в воюющих, так и в тех, которые сохраняют нейтралитет.

А что же наше правительство? Оно, напротив, продолжало вводить все новые препятствия для импортеров! Надо ли говорить, что смысла в этих ограничениях не было ни на гран? И при этом власти еще не забывали поощрять экспорт! Полагая, видимо, что потребности воюющих стран в наших товарах являются совершенно безграничными, правительство пошло даже на привлечение в экспортную деятельность дополнительных капиталов и выпустило специальный государственный заем! После этого, с очевидностью, оставалось только ожидать с небес золотого дождя!

А что же произошло на самом деле? В результате все бросились вывозить из страны за границу рис, пшеницу, бобы, зерно, продукты питания, бумагу, удобрения, одежду, шерстяные и хлопчатобумажные ткани, одежду – причем бросились сломя голову, выгребая все до дна и порой оставляя людей без самого необходимого. То обстоятельство, что подобная лихорадочная активность может создать жесточайшую нехватку товаров в самой Японии, продавцов нимало не волновало.

Нет необходимости говорить, что мы получили в итоге. С одной стороны, был создан колоссальный дефицит товаров, поскольку упал импорт и сильно вырос экспорт, а, с другой – началась сильная инфляция, ибо масса выпущенных министерством финансов и находящихся в обороте бумажных денег увеличилась с 523 млн. иен в 1914 году до 966 млн. иен в 1918 году. А в условиях постоянства реального объема валютных резервов уменьшение товарной массы было эквивалентно инфляции в размере, равном отношению этих двух величин (т.е. 966:523). Таким образом, с одной стороны, уменьшилось количество товаров, а, с другой – резко увеличилась масса денег, находящихся в обращении. Иными словами, теперь для того, чтобы удовлетворить быстро растущий спрос на некий дефицитный товар, за него требуют втрое, впятеро, всемеро, вдесятеро против прежней цены - или еще дороже. Это и вызвало тот взрыв цен, с которым столкнулась сегодня Япония. Так, за время войны только хлопковые ткани у нас подорожали втрое по сравнению с довоенным уровнем!

Не мудрено, что торговцы рисом, которые прежде продавали его по 20 иен за *коку*, уже только под влиянием первых зловещих слухов подняли цену на несколько иен. А потом объем денежной массы возрос вдвое, и, соответственно, вдвое подорожали все остальные товары. Тут-то и поползли новые слухи о том, что цены на рис могут подняться до уровня 40-50 иен за *коку* и что это, мол, естественно (хотя никаких расчетов на этот счет почему-то не приводилось). Финал был предreshен: начались спекулятивная скупка товаров и новый виток роста цен. А всё, что оставалось в этих условиях правительству – затаив дыхание наблюдать, как страна проходит этот крутой вираж...

Можно ли в сложившейся ситуации найти какую-то иную причину для взрывного роста цен, кроме ложных слухов, возникших в обществе в результате глупейших действий правительства, которое зачем-то решило стимулировать экспорт? Мне кажется, что иного объяснения нет. Как ни рассуждай, какими благими намерениями не прикрывайся, а все равно получается, что корни всех бед кроются в ошибочном решении властей.

Кто стал жертвами этого решения? Прежде всего, многочисленный пролетариат, то есть наемные рабочие, зарабатывающие на жизнь своим трудом. Кто получил прибыли? Немногочисленные представители имущих классов. Иными словами, повышение цен сыграло на руку лишь крайне малому числу представителей имущего класса, а подавляющему большинству людей не принесло ничего, кроме резкого увеличения груза жизненных проблем. Только это обстоятельство и может объяснить ту внезапность, с которой произошел всплеск рисовых бунтов.

Еще раз повторю: вышеупомянутые решения были приняты к радости (и в интересах) крайне незначительного числа представителей имущих слоев населения, а многочисленный класс неимущих оказался в результате совершенно незащищенным. Можно сказать, что в определенном смысле для класса неимущих было бы лучше, если бы нашего правительства не существовало вовсе: тогда бы никто не смог принять непродуманных решений, которые стали основными причинами нынешних волнений.

Суммируя сказанное, можно смело утверждать, что наше правительство не выполнило своей первейшей обязанности – не защитило свой народ. Напротив, оно внесло в его жизнь беспокойство и тревогу и создало реальную угрозу самому существованию этого народа. И именно в этом, наверное, кроется глубинная суть происходящих событий: не доверяя правительству, люди сами решительно встали на защиту своей жизни и своих материальных интересов. Иными словами, наше правительство само выступило организатором массового консервативного движения.

В любом случае перед нами – не стихийные, случайно возникшие бунты; эти волнения имеют очень глубокие и сильные корни. И подобные беспорядки будут с неизбежностью вспыхивать всякий раз, когда правительство будет принимать запоздалые, неадекватные и ведущие в тупик решения.

Эти волнения очень хорошо продемонстрировали, какая опасность подстерегает наше правительство в том случае, если оно и дальше будет действовать подобным образом. Как известно, участники волнений настроены на беспощадную борьбу с богачами и мироедами. А от этих лозунгов уже рукой подать до новой большой вспышки классовой борьбы, до крупного противостояния имущих и неимущих, причем к последним следует отнести не только рабочих, но и самые широкие слои населения.

Я глубоко обеспокоен тем, что нынешние события рассматриваются как обыкновенные рисовые бунты, как массовые беспорядки, за которые их участников следует быстро и строго покарать. На самом деле эти события имеют более глубокие причины, изучение которых должно привлечь гораздо более пристальное внимание.

= Почему восстали корейцы? =

Передовая статья номера журнала «Тоё кэйдзай симпо» от 15 мая 1919 года

Восстание корейцев, ход которого временами давал повод для очень сильного беспокойства, наконец, подавлено.⁶¹ Однако проблемы, порожденные этим восстанием, остались; нам предстоит еще очень много сделать для улучшения ситуации в Корее.

Усмирение волнений – это не более чем видимость. Она есть результат давления, оказанного на Корею усилиями властей. Никаких, даже самых мелких проблем нынешнее замирение, увы, не решает.

Для сравнения напомним о так называемых рисовых бунтах, прокатившихся по Японии летом прошлого года. Тогда властям также удалось достаточно быстро стабилизировать положение и примерно наказать попавших в их руки «зачинщиков и подстрекателей» (как их называли сами власти). Но и это спокойствие является мнимым. До тех пор, пока мы будем считать, что главной причиной «рисовых бунтов» послужил быстрый рост цен на рис, то есть будем замалчивать истинные причины волнений, до тех пор останутся нерешенными все связанные с этими событиями проблемы. Чуть более глубокий анализ причин «рисовых бунтов» показывает, что истинные причины этих волнений коренятся в беспокойстве и тревоге, которые охватили власти и наше общество в целом. Поэтому до тех пор, пока не будут устранены глубинные причины этого беспокойства, окончательного решения возникшие проблемы не получат.

Точно так же обстоит дело и с недавними волнениями корейцев, хотя, конечно, восстание корейцев некорректно напрямую сравнивать с летними «рисовыми бунтами» у нас в Японии, ибо причины, поднявшие корейцев на бунт, гораздо более весомы и серьезны. Но речь только о том, что здесь действует та же взаимосвязь: если власти удовлетворятся достигнутым уровнем спокойствия и устроятся от подлинного решения проблем, то это неминуемо приведет к новой трагедии с совершенно катастрофическими последствиями.

Что же нужно сделать для того, чтобы существенно улучшить положение в Корее,

чтобы действительно решить существующие проблемы? По моему мнению, главное, что должны сделать власти – это хоть немного приблизиться к пониманию мотивов, которые двигали восставшими корейцами. Если эти мотивы будут поняты неправильно, то можно предлагать хоть сто тысяч различных способов улучшения ситуации – она все равно будет только ухудшаться.

Здесь мне хотелось бы вспомнить о наших соотечественниках, проживающих в Корее. Что они думают об этих волнениях? Ответ на этот вопрос прост: похоже, большая часть проживающих в Корее японцев за смущенными улыбками скрывает полное непонимание причин, двигавших восставшими. Вот один из отзывов:

«Говорят, что это было мощное восстание. Но на самом деле это не так. Да, народ собирался группками, шумел, но никаких там призывов к восстанию или возгласов возмущения я не слышал...»

А вот другой аспект случившегося. Многие японцы со смущением говорят об участвовавших случаях изнасилований корейцами японских женщин. При этом, конечно, иногда раздаются призывы к японским женщинам не выходить вечером на улицу, но в основном все объясняют эти случаи природной порочностью самих корейцев.

Кстати сказать, как большие и малые чины генерал-губернаторства,⁶² так и многие простые японцы причины восстания тоже видят в «природных склонностях корейцев». Остается только удивляться, насколько же мы слепы и несамокритичны...

Во всемирной истории не было примеров того, чтобы страна, созданная одним народом, с радостью покорилась бы другому народу. Подтверждений тому – масса: из года в год нарастающие антибританские настроения в Индии и Египте, набирающее силу движение за независимость Ирландии и т.п. Корейцы – это тоже единый народ со своим языком, отражающим самобытный характер этого народа, со своей многолетней историей борьбы за независимость. Думаю, нет ни одного корейца, который искренне радуется тому, что Корея сегодня зависит от Японии. Поэтому лично у меня нет никаких сомнений в том, что корейцы будут беспрестанно бороться против владычества Японии до тех пор, пока Корея полностью не восстановит свою независимость.

Нет у меня сомнений и в том, что по мере просвещения корейцев и роста их самосознания такая борьба будет только усиливаться. По-моему, это должно быть ясно любому здравомыслящему человеку. Чтобы понять эту истину, достаточно просто поставить себя на место угнетенного человека. Захочется ли ему всю свою жизнь провести под контролем и опекой других людей? Вряд ли. Конечно, может случиться так, что формально этот человек будет беспрекословно выполнять все распоряжения и требования других людей, но некая степень неудовлетворенности в его душе все равно останется. Ведь если человек сам не управляет своими поступками, то можно ли назвать его существование жизнью в полном смысле этого слова? Жизнь человека, который не чувствует себя личностью, бессмысленна и безрадостна. Думаю, этот принцип применим и к целым народам. Вот почему корейцы, сколько бы они ни наслаждались справедливым и мудрым правлением японцев, никогда не будут чувствовать себя счастливыми. Вот почему они никогда не прекратят борьбу за достижение самостоятельности и независимости. Именно в этом, как мне представляется, и кроется корень всех проблем японцев в Корее.

Итак, корейская проблема сводится к господству одного народа над другим. Именно подчинение одного народа другому создает между ними непреодолимый ров и служит источником бесчисленных злодеяний завоевателей...

Положение в Корее сейчас можно охарактеризовать единственным словом, и слово это – «грабеж»: народ-завоеватель грабит покоренный народ. Прошло всего лишь несколько лет после аннексии Кореи – а уже все богатства, все самые прибыльные корейские предприятия принадлежат японцам. Среди собственников предприятий в Корее самих корейцев – единицы, но даже эта крохотная группа владельцев не может распоряжаться своей собственностью иначе, как вступив в сговор с японцами, став их приспешниками...

Возможно, я несколько преувеличиваю, но факт остается фактом: степень подобной монополизации собственности действительно очень велика. Нередко можно слышать и разговоры о том, что проживающие в Корее японцы буквально помыкают местными жителями (как, например, на Цусиме). Удивляться этому не следует: по самой своей природе отношения между угнетателями и угнетенными не могут быть отношениями равных...

Боюсь, что теперь, после захвата Кореи и нескольких лет жестокого угнетения корейцев, вряд ли кто в целом мире считает японцев мягким и миролюбивым народом...

Шила в мешке не утаишь. Не нужно быть провидцем, чтобы прийти к выводу, что демонстрируемая корейцами покорность является фиктивной, а в душе они только и ждут возможности дать достойный ответ своим угнетателям...

Но вернемся к волнениям. Косвенно многое указывает на то, что во время восстания корейские полицейские и другие государственные служащие имели если не явные, то тайные контакты с восставшими, укрывали их от преследований и в целом способствовали распространению волнений. Или, если называть вещи своими именами, местная администрация и корейские чиновники попросту встали на сторону восставших. В свете сказанного выше это обстоятельство представляется как нельзя более естественным.

Суммируя все вышесказанное, я прихожу к выводу, что нынешнее корейское восстание имеет своим источником требование самостоятельности и независимости Кореи, а непосредственным толчком к восстанию послужило желание отомстить угнетателям.

Если стать на данную точку зрения, то сразу становится ясно, что нынешнее корейское восстание имеет исключительно глубокие и крепкие корни, и потому относиться к нему нужно исключительно серьезно. Корейцы поняли, что для достижения независимости у них нет иного пути, кроме как развернуть движение сопротивления (например, в форме восстания). А раз восстание произошло в этот раз, то ничто не помещает корейцам воспользоваться аналогичными методами в будущем. При этом жертвы, даже большие, корейцев не остановят. Более того, произошедшие события убедили восставших, что если они откажутся от борьбы и от этих бесполезных на первый взгляд жертв, то вообще никогда не сумеют обрести независимость.

В заключение хочу еще раз подчеркнуть, что анализ причин нынешнего восстания корейцев ясно убеждает в том, что не стоит искать эти причины в дурном расположении духа жителей Кореи или в их трусости. Не стоит также изначально относиться к корейскому движению сопротивления свысока, с чувством превосходства. Не нужно объяснять изнасилования японских женщин природной порочностью корейцев – скорее всего, это тоже акты мести.

А главное – японцам, наверное, все-таки стоит задуматься: не они ли сами прибегают к насилию, угнетая корейцев по праву победителей? Не они ли сами лишают корейцев жизни (или, по крайней мере, свободы как основной ценности подлинной жизни)?

Без ответов на эти простые вопросы все будущие действия, направленные на улучшение ситуации в Корее, результатов не дадут.

= О забастовках и не только =

Опубликовано в номере журнала «Тоё кэйдзай симпо» от 18 октября 1919 года под рубрикой «Финансовый обзор»

= Забастовка осакских трамвайщиков =

В последнее время в нашей стране проведено большое число стачек и так называемых итальянских забастовок; кроме того, огромное число людей угрожает провести такие акции. Сообщения об инцидентах подобного рода сыплются на нас как из рога изобилия.

Из всех последних стачек наибольшее внимание общества привлекла забастовка трамвайщиков, прошедшая 13 числа в Осака. Почему? Потому что в результате этой акции город Осака оказался практически парализован. По-видимому, достижение столь радикального результата не входило в планы бастующих, и потому спустя короткое время движение было возобновлено, однако факт остается фактом: остановка всех осакских трамваев произошла и стала для жителей города подлинно чрезвычайным событием. Как оказалось, движение трамвая служит основой всей городской жизни, и при разрушении этой основы жизнь в городе замирает.

На это обстоятельство, конечно, необходимо обратить самое пристальное внимание. Но что еще более достойно удивления и обсуждения – это внезапность, с которой работники общественно значимого предприятия начали забастовку. Эта внезапность причинила горожанам самое большое беспокойство и потому более всего ими осуждалась.

= Забастовки на общественно значимых предприятиях =

Несколько номеров тому назад я рассказывал о забастовке английских железнодорожников. 5 октября эта забастовка закончилась соглашением между правительством и профсоюзом. Надо сказать, что ее проведение также вызвало бурную дискуссию в Англии. И не только в Англии. Один из депутатов осакского законодательного собрания вспомнил о ней в своем выступлении и заявил, что эта забастовка не получила поддержку общества, и потому забастовка работников такого общественно значимого предприятия, как осакский трамвай, также не заслуживает общественной поддержки. По-моему, уважаемый депутат не все понимает. Говоря о том, действительно ли забастовка английских железнодорожников не вызвала поддержки в обществе, нужно прежде всего четко определить, какой смысл вкладывается в слово «общество». И потом, каких еще чувств можно здесь ожидать? Если вдруг внезапно забастуют железнодорожники, трамвайщики, фонарщики, газовики, водопроводчики и работники других общественно значимых профессий, то вряд ли этому кто-то обрадуется...

= Если уж осуждать забастовки... =

По моему мнению, рассматривая проблемы рабочего движения, не стоит делать различия между так называемыми общественно значимыми предприятиями и другими предприятиями. Рабочий любого предприятия есть наемный работник. Независимо от того, кто его нанял на работу, каждый работник испытывает определенные физические и психологические нагрузки. Это в теории. Однако практика (или, по крайней мере, японская практика) такова, что условия труда на общественно значимых предприятиях обычно гораздо хуже, чем в других местах. Так почему их работники должны терпеть такое положение? Только потому, что их предприятие не простое, а общественно значимое? Где же логика?..

Общественно значимое предприятие отличается от любого иного не тем, как к нему относятся рабочие, а положением по отношению к потребителю. Потребитель видит, что деятельность общественно значимого предприятия непосредственно влияет на его жизнь, и именно поэтому ему так не нравятся забастовки на этих предприятиях. С точки зрения же рабочих этих предприятий такой подход, естественно, представляется крайне эгоистичным. Думаю, что нам надо как-то попытаться понять и рабочих этих предприятий, которые считают, что не прекратив на время работу, а, точнее, не начав забастовку, они никогда не смогут улучшить условия своего труда...

= Экономические права – рабочим =

Нам говорят, что такое положение сложилось потому, что общественно значимые

предприятия традиционно приносят невысокую прибыль. Говорят также, что положение рабочих на этих предприятиях – лучшее из того, что можно обеспечить в нынешних условиях, и потому бастуют рабочие напрасно: они могут сколь угодно долго требовать улучшения условий труда, но ничего лучше того, что уже есть, для них сделать нельзя. Мне кажется, что за такими увещеваниями нередко скрывается самая обыкновенная ложь.

Как выяснить, можно ли реально улучшить условия или нет? Мне представляется, что для решения этой задачи ни сейчас, ни в обозримом будущем нет иного пути, кроме как предоставить рабочим экономические права – пусть даже в ограниченном объеме...

В этом выпуске журнала помещена статья о проекте национализации угольных шахт в Англии. Напомню, что нынешнее правительство, которое раньше одобряло этот план, теперь выступает против него, заявляя, что в нынешней ситуации у рабочих есть больше возможностей участвовать в управлении производством.

Словом, все эти проблемы далеко не так просты...

= Готовность пожертвовать всем =

= Наша позиция на Тихоокеанской конференции⁶³ =

Передовая статья номера журнала «Тоё кэйдзай симпо» от 23 июля 1921 года

Одна из существенных проблем, возникших перед нашей властью в последние дни и продолжающих волновать ее сегодня – это проблема, связанная с предложением Соединенных Штатов созвать конференцию по ограничению вооружений. Характерно, что за исключением малочисленной группы политических деятелей во главе с господином Одзаки, все отечественные политики (как находящиеся у власти, так и пребывающие в оппозиции), до сих пор не обращали ни малейшего внимания на эту идею.

Кроме вопросов ограничения вооружений, на конференции должны также рассматриваться тихоокеанские и дальневосточные проблемы. Теперь правительство и общество бледнеют от страха и пытаются делать вид, будто они впервые слышат о таких предложениях. Между тем о возможности такого развития событий уже не раз говорилось. Так, автор этих строк еще во время войны в Европе⁶⁴ предвидел, что события пойдут именно по такому пути и предлагал правительству и обществу изменить наше отношение к этим вопросам. Однако к подобным предложениям тогда не прислушались, в результате чего мы и пришли к нынешним замешательству и смятению и оказались в таком положении, которое можно назвать смешным, а можно, наверное, и глупым...

Если бы я был сторонним наблюдателем и не имел отношения к Японии, то, наверное, только порадовался бы такому развитию событий: «Так им и надо!». Но я не настолько испорчен, чтобы радоваться тому, что наша страна оказалась в такой ситуации...

Мне, конечно, известны слова, которыми можно описать это положение, но я не буду их произносить, поскольку опасаясь, что вслед за ними у меня вырвутся и другие слова – слова негодования и возмущения...

Нередко говорят, что корень всех бед нашей страны в том, что мы, японцы, постоянно охвачены исключительно мелкими желаниями, что все наши цели – незначительны и мелки. Мне представляется, что сейчас, в современном мире, Японии как никогда важно умерить свои мелкие аппетиты (при этом я вовсе не хочу сказать, что нам нужно действовать по принципу «аще ты кто ударит в десную твою ланиту, обрати ему и другую»⁶⁵).

Парадокс? Отнюдь. Ведь когда многие наши великие мыслители под влиянием сторонних наблюдателей начинают рассуждать о некоем бескорыстии Японии, об отсутствии у Японии амбиций, то на самом деле они имеют в виду полную противоположность – большие аппетиты и алчность. У них если и идет речь о малых аппетитах, то только в

иносказательном смысле: читаем «малое», подразумеваем – «большое»...

Это чем-то похоже на то, как буддисты пользуются двумя понятиями «нет»: «*ку*», что значит «нет, не имеется, пусто» и «*му*», что значит «нет, не, без». В частности, компонент «*му*», соединяясь с иероглифом «*рё*» (мера), образует слово «*мурё*», которое, на первый взгляд, должно иметь смысл «крохотный», «неизмеримо малый», но на самом деле значит «безмерный, огромный» в значении, скажем, «безмерные страсти не насытить».

В самом деле, каковы сейчас притязания Японии? Они очень и очень скромные. Нашему народу многого не надо: он только упорно хочет заполучить и удержать кое-какое имущество да землицы немного – Корею, Тайвань, Китай, Маньчжурию, да еще Сибирь с Сахалином...

Надо ли говорить о том, что мировые державы не позволят нам дальше плести подобные интриги?

Еще аналогия: если игрок в японские шахматы *сёги* ценит ладью выше короля, то это плохой игрок. Пока он будет с упоением гоняться за вражеской ладьей, его королю успеют поставить шах и мат! Точно в таком же положении неумелого игрока может оказаться Япония на будущей конференции по проблемам Тихого океана и Дальнего Востока. Перед нами явственно вырисовывается перспектива больших и необратимых потерь...

Нет ничего более скучного, чем повторять уже сказанное, но я не теряю надежды, что когда-нибудь мы научимся извлекать хоть какие-то уроки из прошлых ошибок, и потому хочу еще раз привести свои соображения о конференции.

Как жаль, что нельзя вернуться в прошлое... Мне кажется, что подобную международную конференцию нужно было попытаться собрать еще прошлой весной, когда господин Одзак впервые обратил внимание на проблемы ограничения вооружений. Причем инициатива созыва такой конференции должна была исходить от Японии, а обращена – к Великобритании и США.

Фигурально говоря, сейчас мы вынуждены вести оборонительные бои, в которых терпим одно поражение за другим, а если бы своевременно выдвинули свои предложения по созыву конференции, то могли бы сами выбирать и время, и форму поединков. Если бы Япония действительно заранее выступила с подобными предложениями, то мы могли бы выбирать и время, и место проведения конференции, выдвигать свои предложения по повестке дня и т.п. А сейчас о повестке дня конференции Японии приходится справляться у США...

Выдвинули бы мы сами предложение созвать такую конференцию – и нам не пришлось бы играть неприглядную роль страны, которая, с одной стороны, подвергается порицанию мировым сообществом, а с другой – вынуждена осведомляться у США о том, какие именно вопросы будут обсуждаться на встрече. Выдвинули бы такое предложение – и тогда, как предлагали некоторые наши газеты, местом проведения конференции по проблемам Дальнего Востока мог бы стать Токио, а рабочими языками – японский и китайский... Не знаю, что бы могло принести нашей стране большую пользу.

Япония как хозяйка конференции получила бы и другие преимущества: например, могла бы заниматься организацией встречи без посредников, а если бы партнеры выразили беспокойство таким подходом, то им можно было бы возразить, что это внутреннее дело организаторов. Такая позиция, безусловно, позволила бы поднять уважение к Японии и заставила бы считаться с ней...

Именно так должна была действовать Япония как самостоятельная держава, не зависящая от решений Великобритании или США, как страна с устойчивым правительством, которое может себе позволить не прислушиваться к советам посторонних...

А должна ли Япония принимать участие в нынешней конференции? Понятно, что в принципе она может либо принять участие в конференции, либо от такого участия отказаться. Но разве хоть один японец всерьез полагает, что Япония не должна участвовать в этой встрече?

Да, некоторые наши газеты задавались вопросом о том, стоит ли нам ехать на конференцию, если она станет унижением для Японии или превратится в место бесплодных дискуссий правительственных чиновников. Как мне представляется, подобные опасения являются вполне здравыми и не должны вызывать беспокойства. Но, вместе с тем, я уверен, что на конференцию нам ехать надо в любом случае - даже несмотря на желание некоторых участников встречи унижить Японию. Наша страна должна принять участие в конференции для того, чтобы достичь главной цели – ограничить вооружения и установить прочный мир на Дальнем Востоке. Отказавшись от участия в конференции, Япония понесет непоправимый моральный урон и попадет в положение изгоя мирового сообщества. А Японию, которая потеряет свое место в мировом сообществе ожидает политическая катастрофа – по-моему, это понятно сегодня даже школьникам младших классов.

Для меня очевидно и еще одно обстоятельство: если наша страна примет участие в конференции, то общественное мнение в Соединенных Штатах, которое сегодня с пренебрежением смотрит на Японию, может перемениться и стать более благосклонным.

Можно замалчивать стоящие перед страной проблемы, но от их решения все равно никуда не уйти; как говорит пословица, хочешь выплыть – бросайся в воду. На сегодняшний день, когда мы уже лишены привилегии быть одним из организаторов конференции, нам не остается ничего иного, как без лишних слов броситься в этот поток и попытаться добраться до берега.

Почему я заговорил об общественном мнении в США? Потому что мне действительно очень жаль, что наше правительство ничего не сделало для того, чтобы предвидеть, каково будет общественное мнение в США по отношению к позиции Японии. На это можно возразить, что правительство Японии должно в первую очередь учитывать общественное мнение в своей собственной стране, а не в США. Согласен. Но во вторую очередь надо было обратить внимание на мнение американского народа. А у меня сложилось такое впечатление, что в нашем правительстве превалировал такой настрой, что игнорируя американское общественное мнение, Япония ничего не потеряет...

Однако потери уже есть. И главная из них – мы потеряли единственно правильный путь выхода из создавшейся ситуации – притом, что и правительство, и народ уверены, что мы движемся в правильном направлении. Что же последует за этими неправильными решениями? Ответы для меня очевидны. Прежде всего, наши неправильные решения уже сказались на судьбе переселенцев в Маньчжурии и на переговорах с заемным консорциумом для Китая.⁶⁶ Наш посол предпринимал огромные усилия, чтобы достичь на этих переговорах хоть самых скромных результатов, но и этого ему сделать не удалось. И с чем же осталась Япония? Только со славой империалистической страны, которая постоянно что-то твердит о своих интересах. Примерно такие же «результаты» достигнуты и по Маньчжурии. Таковыми же, с очевидностью, будут и результаты предстоящей конференции по ограничению вооружений... Одним словом, если существующий в правительственных кругах и в обществе настрой радикальным образом не изменится, то впереди нас будет ждать не череда побед, а одно поражение за другим.

Но если бы, в противоположность нынешнему настрою, правительство и общество были готовы пожертвовать всеми своими мелкими амбициями, если бы они не гнались за мелкими выгодами, а ставили перед собой крупные цели, то тогда первое, что надо было бы сделать – это выступить с инициативой созвать конференцию по ограничению вооружений.

Хочу подчеркнуть, что рассмотрение вопросов ограничения вооружений вовсе не требует каких-то особых мудрствований; на самом деле суть подобных проблем весьма проста. Считается, что при обсуждении вопросов ограничения вооружений главные трудности переговоров лежат в юридической плоскости. Однако если бы правительство с самого начала продемонстрировало свою добрую волю и готовность к плодотворной работе на конференции, то, как мне представляется, в стране нашлись бы люди, которые предложили бы правительству конкретные планы преодоления этих юридических

трудностей.

Лично у меня создалось впечатление, что колебания и сомнения, которые испытывает правительство перед конференцией, ясно свидетельствуют о том, что в действительности оно не знает, как решать задачу ограничения вооружений, и стоит ли решать ее вообще.

Такая позиция – еще один пример того, какими скромными желаниями обуреваемы наши власти. Не ставя в душе крупных задач, они и в реальности демонстрируют удивительную робость, и в результате удивительно вяло готовятся к переговорам об ограничении вооружений...

Вовсе не позиция партнеров по переговорам, а именно мелкомасштабность собственных целей создает правительству главные препятствия. По возможности уходит от решений глобальных вопросов; оставаясь бедными, тихо строить военные корабли и наращивать армию – вот каковы пределы скромных желаний нашего правительства. Только бравый господин Одзаки, оглядываясь на Америку, готов сделать один-два показательных хода в партии под названием «ограничение вооружений», но не более, нет, не более...

Но шутки шутками, а похоже на то, что для правительства вопросы ограничения вооружений действительно не относятся к разряду насущных. Более того, с точки зрения правительства вопросы эти являются чистой воды помехами, не имеющими никакого позитивного смысла. Следуя такому образу мыслей мы, что называется, вяжем себя собственной веревкой – а все потому, что нас обуревают мелкие желания, все потому, что мы ставим перед собой незначительные цели...

Многим представляется, что участие в предстоящей конференции не дает Японии никаких выгод и, более того, принижает ее международный статус. Однако что было бы с этими «многими», если бы правительство с самого начала обратилось к народу с заявлением о том, что Япония настроена миролюбиво, что у нас есть намерение пойти на значительные уступки? Думаю, что эффект превзошел бы все ожидания. А какие отклики получили бы заявления о том, что мы уходим из Маньчжурии, уходим из Шаньдуна, а, кроме того, собираемся полностью прекратить нынешний нажим на Китай? А если бы мы заявили, что предоставляем независимость Корею или Тайваню? Трудно даже представить себе, в какое исключительно сложное положение поставили бы подобные заявления Великобританию и США. Что бы оставалось делать правительствам этих стран при виде такого либерального подхода со стороны Японии? Смогли бы они сохранить свое нынешнее положение моральных лидеров мирового сообщества?

Нет сомнения в том, что Китай и другие развивающиеся страны все как одна склонили бы головы перед Японией в знак доверия и благодарности, а Индия, Персия, Египет и другие колонии великих держав начали бы борьбу за обретение независимости подобной той, которую Япония признала за Тайванем и Кореей...

Таким образом, авторитет нашей страны обрел бы все шансы вырваться из той глубочайшей ямы, в которой он сейчас находится, и взлететь до заоблачных высот. На этом фоне привлекательность позиций США, Англии и других стран, напротив, резко бы пошла вниз.

Надо ли говорить о том, что если бы наша страна пришла на конференцию, имея перед собой столь крупные планы, то, скорее всего, Англия и США попросили бы Японию немного повременить с их осуществлением?

Таким образом, проявив готовность к жертвам, Япония прежде всего помогла бы себе самой (хотя сейчас об этом, наверное, уже поздно говорить). И вот это был бы единственно правильный путь! Двигаясь по нему, страна не только подняла свой международный авторитет, но и перешла бы, наконец, в дипломатической сфере от обороны к наступлению.

Конечно, всегда найдутся люди, которым все высказанные здесь соображения будут представляться пустыми и бесплодными мечтаниями. Для них, обуреваемых мелкими желаниями, такие предложения, наверное, покажутся верхом ереси. «Как, оставить Корею, Тайвань, Маньчжурию, выпустить из рук Китай, уйти с Сахалина и из Сибири? Да выживет ли

вообще тогда Япония?» - скажут они.

Ответ им дал Христос: «Не пецытеса убо, глаголюще: что ямы, или что пием, или чим одеждемся... Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам».⁶⁷

Тем же, кому сказанного недостаточно, могу посоветовать обратиться к следующим номерам журнала, в которых я постараюсь на конкретных примерах показать, что при таком развитии событий у нас нет и не может быть никаких причин для беспокойства...

= Грезы о Великой Японии =

Передовые статьи номеров журнала «Тоё кэйдзай симпо» от 30 июля, 6 и 13 августа 1921 года

= 1 =

«Мы должны быть готовы оставить Корею, Тайвань, Сахалин, безоговорочно прекратить интервенцию в Китае и в Сибири. Эти соображения должны стать основными пунктами повестки дня конференции по проблемам тихоокеанских стран».

Таковы были мои предложения, изложенные, в частности, в предыдущем номере журнала «Тоё кэйдзай симпо».⁶⁸

Аргументы, выдвигаемые против этих предложений, можно разделить на две большие группы:

I. Без контроля над этими территориями Япония не сможет обеспечить свою независимость в экономической и оборонной сферах (или, по крайней мере, ей будет трудно это сделать).

II. Все крупные мировые державы имеют заморские колонии. Если Япония уйдет с этих территорий, то ее место займут США или другие страны. Расширив свои владения за счет этих богатых природными ресурсами территорий, новые владельцы воздвигнут на их границах разнообразные барьеры, препятствующие проникновению туда других государств. Несправедливо лишать Японию своей сферы влияния и своих заморских территорий.

Что можно ответить на эти доводы? Коротко – следующее: 1) те, кто выдвигает соображения первого типа, просто грезят наяву; 2) те, кто оперирует аргументами второго типа, находятся в плену своих мелких желаний, не подозревая о том, что существует путь осуществления желаний крупных.

Ниже я рассмотрю эти аргументы более детально.

Пункт I. Что получит Япония, если она будет по-прежнему контролировать Корею, Тайвань, Сахалин и Маньчжурию, а также продолжать вмешательство в Китае и Сибири? Выгоды эти можно разделить на две категории – экономические и военные. Рассмотрим сначала экономический аспект. Какую мы получаем экономическую выгоду от обладания этими территориями? Самый простой способ составить суждение об этом предмете – обратиться к цифрам. Из данных 1919 года о внешней торговле островной Японии, включая Сахалин, складывается следующая картина:

Объем торговли (тыс. иен)*				
	Корея	Тайвань	Квантунская область	Всего
Экспорт	169381	180816	196863	547000
Импорт	143112	112041	113686	368839
Всего	312493	292857	310549	915899

** Данные по Корее и Тайваню опубликованы соответствующими генерал-губернаторствами, данные о торговле с Квантунской областью рассчитаны по Ежемесячнику японской внешней торговли (яп. хомпо бозки гэлпё)*

Таким образом, суммарный объем внешней торговли с этими тремя территориями в позапрошлом году лишь ненамного превысил отметку 900 млн. иен. Для сравнения, в том же году суммарный объем импорта из США и экспорта в эту страну составил 1438 млн. иен; объем торговли с Индией составил 587 млн., а с Англией – 330 млн. иен. Иными словами, если рассматривать торговлю нашей страны с Кореей, Тайванем и Квантунской областью по отдельности, то торговля с каждой из этих территорий не превысит по объему торговлю с Англией. Даже суммарный объем экспорта из Кореи, Тайваня и Квантунской области лишь ненамного превышает соответствующую цифру для США (520 млн. иен).

Приведенные данные ясно свидетельствуют, что связи с США приносят нам гораздо большую экономическую выгоду, чем операции с Тайванем, Кореей и Квантунской областью, вместе взятыми. Равным образом, суммарный объем торговли с этими тремя территориями сопоставим с объемом торговли с Индией или Англией и, значит, приносит нашей стране сходные экономические дивиденды. Поэтому если уж вести речь об экономической самостоятельности, то надо не забывать, что определяющими для нашей страны являются как раз связи с США, Индией и Англией.

Конечно, может быть и так, что объемы торговли с той или иной страной или территорией сами по себе невелики, но производимые там товары имеют исключительно большую значимость для нашей промышленности (или, скажем, эта территория исключительно важна для обеспечения жизнедеятельности населения нашей страны). Однако – не знаю, к счастью или к несчастью – и это не тот случай, чтобы всерьез говорить о Корее, Тайване и Квантунской области. Самое важное для нашей промышленности сырье – хлопок-сырец – поступает к нам, главным образом, из Индии и США. Что касается продовольственных товаров, то важнейший из них, рис, завозится, в основном, из Сиам и французских владений в Индокитае. Да и в поставках любого другого важного сырья, будь то каменный уголь или сталь, нефть или шерсть, ни Тайвань, ни Квантунская область, ни Корея никогда в лидерах не были. Так, в частности, в прошлом году из Квантунской области было ввезено в Японию примерно 57 млн. *кин*⁶⁹ стали, притом что общий импорт стали превысил тогда 2 млрд. 50 млн. *кин*. На этом фоне 57 млн. *кин* из Квантунской области смотрятся в точности по поговорке «один волос с девяти быков» - т.е. являются совершенно незаметными. А, например, риса из Кореи и Тайваня в Японию в прошлом году было импортировано всего 2-3 млн. *коку*... Так почему же наше общество считает, что столь мизерные величины импорта должны привязывать нас к Корее, Тайваню или Квантунской области? Немного утрируя, можно сказать, что самое отчетливое экономическое следствие того, что Япония владеет этими территориями или, по крайней мере, держит их в сфере своего влияния, состоит в росте цен на сахар, который наблюдается в метрополии...

Так обстоит дело с Кореей, Тайванем и Квантунской областью. А что же Сахалин? Более чем десятилетнее владение этой территорией также не принесло нам никаких экономических выгод – этот факт общеизвестен и не требует никаких детальных разъяснений. В последнее время немало надежд связывается с Северным Сахалином, который Япония оккупировала, воспользовавшись Николаевским инцидентом.⁷⁰ Что можно на это сказать? Ровно такие же ожидания связывали десять лет назад и с Южным Сахалином, но все эти ожидания оказались дутыми и преувеличенными.

Остается рассмотреть вопросы, связанные с Китаем и Сибирью. Экономический анализ политики интервенции в Китае и Сибири показал бы полную невыгодность такой политики – здесь также не должно быть места для каких-то сомнений. Но главным препятствием на пути экономического освоения этих территорий является антипатия (а если называть вещи своими

именами, то – враждебность), которую испытывают к Японии народы Китая и России. А существовать эта враждебность будет до тех пор, пока Япония не прекратит вмешиваться в дела этих стран.

Наше вмешательство в Китае так или иначе сказывается и на показателях экономического развития Японии. Так, если говорить о Китае, то нам очень мешает введение импортных пошлин на хлопковое волокно. Если же говорить о торговле с Китаем в целом, то, конечно, в результате нашего вмешательства она выросла. Но насколько она выросла? Оказывается, за последние десять лет прирост нашей торговли с Китаем составил едва ли одну треть от прироста товарооборота со США. Точнее, если в 1910 году суммарный объем экспорта в Китай и импорта из него составил 159 млн. иен, то в 1920 году – 628 млн. иен. Таким образом, прирост составил около 470 млн. иен. Что же касается торговли с США, то в 1910 году суммарный объем экспорта и импорта составил 198 млн. иен, то есть примерно столько же, сколько в торговле с Китаем, однако к 1920 году он уже достиг уровня 1438 млн. иен. Иными словами, торговля с США за десятилетие выросла на 1240 млн. иен. Уже из этих цифр легко уяснить, была ли интервенция в Китай экономически оправданной или нет. Стоит обратить внимание и на то обстоятельство, что прирост в нашей торговле с Китаем оказался примерно таким же, как и прирост в торговле с Индией! Таким образом, как и в рассмотренном выше случае с Кореей и двумя другими территориями, интервенция в Китае не имеет экономического оправдания ни с точки зрения роста объемов внешней торговли, ни с точки зрения поставок какого-то уникального сырья для нашей промышленности. Так, несмотря на ажиотаж, который царит в японском обществе в связи с поставками стали и каменного угля из Китая, импорт стали из этой страны в прошлом году едва превысил 253 млн. *кин*, а угля – 558 тыс. тонн. И стоило ли из-за этой мелочи поднимать такой шум? Торгуя самым обычным и заурядным образом, мы в прошлом году только из Англии и США импортировали, соответственно, 332 млн. *кин* и 1255 млн. *кин* стали!

Остается открытым вопрос о том, насколько экономически оправданной была наша интервенция в Сибири, однако, как мне представляется, положение дел в этом случае еще хуже, чем в примере с Китаем - и уж, во всяком случае, никак не лучше.

Из изложенного выше следует полная несостоятельность заявлений о том, что владение Кореей, Тайванем и Сахалином, аренда Квантунской области, интервенция в Китай и в Сибирь являются необходимыми условиями нашей полной экономической самостоятельности. Экономические связи с этими территориями и в количественном, и в качественном отношении значительно уступают нашим экономическим контактам с такими странами, как США и Великобритания. Мысли о том, что оказывая на эти территории некое давление, можно извлекать какие-то огромные экономические выгоды – это не более, чем грезы, которые, с очевидностью, не имеют ровно никакого отношения к действительности.

Но, может быть, эти территории важны для Японии с военной точки зрения?

Относительно военных приготовлений Японии в нашем обществе в последнее время циркулируют самые разные мнения. Зачем вообще то или иное государство готовится к войне? По двум причинам: либо для того, чтобы вторгнуться на территорию других государств, либо для того, чтобы противостоять угрозе вторжения со стороны других государств. Других вариантов нет: если страна не собирается ни нападать на своих соседей, ни защищаться от их агрессии, то ей вообще не нужно содержать армию и флот, достаточно будет полицейских сил.

А почему готовится к войне Япония? Все наши политики, военные и журналисты в один голос твердят о том, что мы вооружаемся совершенно не для того, чтобы совершить агрессию против другого государства. И, конечно, они правы. У меня тоже и мысли не возникает о том, что мы ведем военные приготовления для целей агрессии. Но я вот чего не могу понять: раз мы вооружаемся, но не собираемся ни на кого нападать, значит, кто-то собирается напасть на нас. Кто? Раньше говорили, что это хочет сделать Россия; теперь место потенциального агрессора заняли США. Хорошо, пусть так. Но тогда сразу же

возникает вопрос: если какая-то страна соберется напасть на Японию, то где она предпочтет нанести решающий удар? Любой думающий человек вам ответит, что агрессор вряд ли будет стремиться захватить основную территорию противника. Поэтому основная территория Японии агрессора, скорее всего, не заинтересует. Если Америка или иная страна будет угрожать Японии нападением, то направлена эта угроза будет, скорее всего, не против самих Японских островов, а против наших заморских владений. Лично мне кажется, что наибольшая опасность будет угрожать нашим владениями в Сибири и Китае.

Далее. Сейчас Япония чувствует себя хозяином в Сибири и Китае. Пусть Америка хочет распространить свое влияние на эти территории. Япония, конечно, будет этому всячески препятствовать. Ясно, что если дело дойдет до войны, то она так или иначе начнется. Но начнется-то она из-за наших заморских территорий!

И наоборот: если Япония не будет одержима честолюбивыми желаниями распространить свое влияние на Китай и Сибирь, то в ближайшее время вряд ли в мире разразится война с ее участием, а, значит, нам и не нужно готовиться к такой войне.

Мне приходилось слышать утверждения, что заморские территории исключительно важны для Японии именно с точки зрения обороны страны. По-моему, дело обстоит как раз наоборот: оставаясь там, мы будем вынуждены оборонять не только свою основную территорию, но и владения Японии, а это потребует дополнительных усилий. Чтобы их оборонять, нужны соответствующие военные приготовления. Так что обладание такими территориями только вредит обороноспособности страны.

В нашей стране вообще часто путают причину со следствием и утверждают, например, что для того, чтобы эффективно оборонять нашу страну, ее границы нужно передвинуть куда-нибудь в Китай, на Тайвань, в Корею или в Сибирь. Сторонники этой точки зрения никак не поймут, что эта далекая от нас ограда будет, образно говоря, сплетена из камыша, и потому может воспламениться от малейшей искры. Поэтому для обороны этой границы придется, в свою очередь, строить новую линию так называемой пассивной обороны... Но есть способ проще: уйти с этих территорий, ибо реального значения для защиты нашей основной территории они не имеют...

Мне также говорят, что если Япония уйдет из своих нынешних владений, то ее место займут другие страны. Отвечаю: ну и что? Если эти территории не имеют для Японии никакого значения с экономической точки зрения (а это так и есть), то не все ли равно, какая страна или какие страны попытаются там закрепиться? Ведь ясно, что никто не сможет отнять у китайцев Китай, а у русских – Сибирь. Равным образом, если Япония уйдет из Кореи и с Тайваня, то никакая иная страна не сможет отобрать у корейцев их Корею, а у тайваньцев – Тайвань.

Говорят также, что если Япония будет достаточно сильной в военном отношении, то она сможет помочь Китаю освободить отторгнутые у него иностранными державами территории и тем самым будет способствовать установлению прочного мира на Дальнем Востоке... Но сможет ли? Наверное, раньше – смогла бы... Но сейчас, как мне представляется, дело обстоит ровно наоборот. Япония обладает такой мощной военной силой, что эта сила заставляет трепетать весь Дальний Восток. Никто не верит в то, что Япония поможет освободить Китай. Скорее, напротив, все считают, что она сама зарится на всю китайскую территорию. Да и мировые державы найдут способ противодействовать нежелательным для себя тенденциям, ибо теперь, в отличие от времен мировой войны, они внимательно следят как за положением в Китае, так и за ситуацией на всем Дальнем Востоке.

= 2 =

В прошлом номере журнала я уже писал о том, что идея создания Великой Японии, то есть расширения сферы влияния Японии за пределы ее собственной территории, является несостоятельной как с экономической точки зрения, так и с точки зрения обеспечения

обороноспособности нашей страны.

Наверное, найдутся люди, которые посчитают изложенные в предыдущей статье доводы неубедительными. Так, мне могут возразить, что экономическая значимость территории не измеряется только объемом ее торговли с метрополией. Сама территория может быть мала, но удобна для проживания переселенцев, и если таких людей переедет туда достаточно много, то экономическое значение этой территории будет велико вне зависимости от того, активно ли она торгует с метрополией или нет.

Вообще у нас в немалое число людей считает, что все беды Японии связаны с единственной, но очень животрепещущей проблемой – перенаселенностью страны. Сразу должен сказать: по моему разумению, сторонники этой точки зрения также заблуждаются просто потому, что не хотят взглянуть в лицо реальности.

Снова обратимся к цифрам. В июле 1918 года на Тайване проживало 149 тыс. японцев, в Корее – 337 тыс., на Сахалине – 78 тыс. человек. По данным на конец июня 1919 года на всей территории Маньчжурии, включая Квантунскую область, проживали 181 тыс., в азиатской части России – 8 тыс., на материковом Китае – 32 тыс. японцев. Таким образом, общая численность такого населения не превышала 800 тыс. человек. Между тем известно, что население Японии в период с 1905 (то есть со времени окончания русско-японской войны) до 1918 года увеличилось на 9450 тыс. человек. Приведенная численность переселенцев (800 тыс.) составляет менее 8,5% от этого прироста.

Конечно, на это можно возразить, что даже отъезд одного человека за границу уже помогает приблизиться к решению проблемы перенаселенности. Но мне все-таки кажется, что любой трезвомыслящий человек, сопоставив материальные и нематериальные жертвы, которые мы несем ради наших заморских территорий, с численностью проживающих там японцев, неминуемо придет к выводу, что нашей стране пора поискать другой путь развития. Об этом свидетельствует даже арифметика. В Японии проживает 60 млн. человек, на ее заморских территориях – 800 тыс. Вправе ли мы забывать о счастье 60 миллионов ради благополучия этих 800 тысяч?..

Вывод: полагать, что простым переселением за море большого числа японцев можно решить все экономические проблемы Японии и, в частности, так называемую проблему перенаселенности – значит глубоко заблуждаться.

Переселение за границу – это почти всегда переселение работников. Хорошо известно, что сегодня промышленные предприятия по всему миру устроены примерно одинаково, так что промышленный рабочий может найти себе место в любой стране. Но для чего он ищет работу за рубежом? Ради блага своей Родины? Обычно за границу едут все же за другим – за лучшей долей и за хлебом насущным для себя и своей семьи. Поэтому абсурдно полагать, что наши переселенцы поедут за рубеж или на наши заморские территории ради экономической пользы Японии.

Как обычно осваивают новые территории? Если их местное население невелико, то для освоения этих территорий привлекают внешнюю рабочую силу, однако обычно используются местные трудовые ресурсы, а извне ввозят только капитал, технологии и передовые методы управления предприятиями. Конечно, иногда приходится ввозить и рабочую силу (особенно квалифицированную), но, повторяю, обычно в этом нет необходимости. Немного утрируя, можно сказать, что капитал, технику и методы управления ввозят извне для того, чтобы с их помощью более эффективно эксплуатировать местную рабочую силу. При этом даже в том случае, когда освоение новых территорий дает заметный экономический эффект, полученная прибыль, в основном, остается на местах.

Для иллюстрации рассмотрим положение в Индии. Как известно, англичане едут туда неохотно. По данным на 1911 год население страны составляло 310 млн. человек, из них европейцев и членов их семей было не более 200 тыс. (а англичан, стало быть, еще меньше). Впрочем, это не мешает проживающим в Индии англичанам вполне успешно справляться с управлением своей колонией.

Таким образом, можно смело утверждать, что сейчас для освоения новых земель стране нет необходимости направлять на эти территории большие потоки своих граждан, ибо основную экономическую выгоду страна получает за счет роста товарообмена с территорией и повышения качества производимых товаров. Иными словами, правильное использование на месте ввезенных капиталов, технологий и методов управления все равно в итоге должно (прямо или косвенно) вылиться в рост объемов внешней торговли.

В предыдущем номере журнала я с цифрами в руках показал, что с экономической точки зрения бесценная идея создания Великой Японии, обладающей обширными материковыми владениями, действительно является бесценной, но только в том смысле, что этой идее – грош цена.

Заметим, что по логике вещей при экономическом анализе нужно учитывать не только объемы торговли между заморскими территориями и собственно Японией, но и прямую торговлю территорий с иностранными государствами - в принципе, может случиться так, что некая территория экспортирует свою продукцию в основном в другие страны, а вовсе даже не в метрополию. Может быть и так, что товары с данной территории вывозятся в другие страны в обмен на продукты, поступающие непосредственно в метрополию.

Однако хочу сразу сказать, что по отношению к нашим заморским территориям, равно как и к территориям, входящим в сферу влияния Японии, последние рассуждения являются умозрительными. Так, в структуре внешней торговли Тайваня и Кореи уже много лет подряд импорт превалирует над экспортом; превышения экспорта над импортом пока не наблюдалось. К сожалению, не наблюдается превышения экспорта над импортом и в экономике Квантунской области. Впрочем, если бы оно и наблюдалось, то все равно не улучшило общей картины. То же справедливо и для Сахалина. Столь же низко должен оцениваться вклад наших предприятий, расположенных в Квантунской области, в торговлю с остальным Китаем, равно как и работа предприятий в Сибири. Более детальный анализ связей этих предприятий с внешними рынками считаю излишним...

И, наконец, обратимся еще к одной группе возражений моих потенциальных оппонентов. Думаю, найдутся люди, которые, признавая мою правоту, так сказать, на сегодняшний день, тем не менее, будут утверждать, что в будущем Тайвань, Корея и Квантунская область совершат рывок в своем развитии, и вот тогда...

Я мог бы легко рассеять подобные заблуждения и показать истинное положение дел на основе анализа данных, приведенных в предыдущем номере журнала, но не вижу в этом необходимости. Обратимся к аргументации иного рода. Тайвань уже 25 лет принадлежит Японии; более 15 лет мы владеем Кореей. Все эти годы наш народ прилагал огромные усилия для развития этих областей. Результаты? Они известны. А теперь сравним их с результатами развития внешней торговли Японии с другими странами: за 10 лет торговля со США достигла уровня 1240 млн. иен, с Индией – 460 млн. иен, с Великобританией – 210 млн. иен, товарооборот с Китаем вышел на уровень 470 млн. иен. (В последнее время все только и говорят о том, какие титанические усилия прикладываются для развития торговли с Китаем, но пока все эти так называемые «усилия» только препятствуют торговле с этой страной).

За то же время торговля с Кореей вышла на отметку 270 млн. иен, с Тайванем – на уровень 210 млн. иен, с Квантунской областью мы наторговали на сумму, чуть меньшую 280 млн. иен. При всех наших титанических усилиях ни одна из этих областей не вышла по торговле с нами на уровень Индии (и вряд ли в ближайшее время выйдет).

На этом я мог бы завершить изложение своих соображений о ценности идеи Великой Японии.

Но опять-таки приходится учитывать, что в нашем обществе найдутся люди, которые, несмотря на все приведенные мною аргументы, по-прежнему останутся приверженцами этой идеи. Что это за люди? Это люди, которые просто считают, что Япония во что бы то ни стало должна расширить свою территорию, и не слушают при этом никаких доводов. Что можно им

сказать?

Представьте себе, что я совершил поворот на 180 градусов и являюсь теперь ярким приверженцем этой идеи, а все, что говорилось раньше, есть сплошная ересь. Представьте себе, что идея Великой Японии – это великая идея, и ее реализация принесет всем нам неисчислимы блага. Но ведь и в этом случае нас ждут кое-какие проблемы... Прежде всего, ясно, что само осуществление этой идеи потребует длительного времени и будет сопряжено с колоссальными усилиями. В те времена, когда Великобритания и иные державы приобретали свои колонии, в покоренных народах еще не проснулся дух национального самосознания, а территории, на которых обитали эти народы, можно было сравнительно легко поставить под свой контроль с помощью торговли.

Но с тех пор в мире очень многое изменилось, и теперь захватить новые земли далеко не так просто. С развитием в современном мире средств транспорта и связи цивилизация получила возможность проникать в самые отдаленные его уголки. Обитатели подчиненных и зависимых территорий все лучше понимают, что им нужно бороться за независимость. Думаю, именно этим обстоятельством объясняется обострение обстановки в Индии и в Ирландии.

Сегодня уже ни один народ, ни одна страна не сможет аннексировать другую страну и беспрепятственно господствовать над покоренным народом. Более того, страны, уже попавшие в колониальную зависимость, всеми силами стремятся избавиться от этой кабалы и обрести самостоятельность и независимость.

Иное развитие событий сегодня вряд ли возможно. Для Ирландии час свободы уже пробил; для Индии установление новых отношений с Великобританией – это только вопрос времени. И только Япония в этих новых условиях продолжает удерживать за собой Корею и Тайвань, продолжает нарушать суверенитет Китая и России.

Зачем?

Движение за независимость Кореи, стремление Тайваня к созданию собственного парламента,⁷¹ антияпонские настроения в Китае и в Сибири достаточно явно свидетельствуют о том, какое будущее нас ожидает. Я глубоко убежден в том, что подобные движения не удастся подавить ни полицейскими мерами, ни военной интервенцией. Точно также силовым вмешательством нельзя остановить движение рабочих, направленное против капиталистов.

Уверен, что эти движения когда-нибудь, в какой-то форме, но достигнут своих целей. В конце концов их день придет! Поэтому у представителей тех сил, которые их сегодня пытаются остановить, есть только одна альтернатива – либо сегодня позволить им продвигаться к своим целям, либо завтра быть этими движениями сброшенными.

Вывод: идея Великой Японии, сколь бы большие плюсы она нам не сулила, не заслуживает долговременной поддержки. Вкладывать средства в развитие соседних стран и народов, которые смотрят на нас как на врага – это совершенно бесперспективная политика. Мудрость в том и состоит, чтобы вовремя отбросить то, что и так в конце концов будет отброшено самой жизнью.

По моему мнению, если сейчас предоставить независимость Тайваню и Корею, то народы этих стран не отдалятся от Японии. Скорее, наоборот: они по-прежнему будут зависеть от Японии, но теперь будут считать ее чем-то вроде главного союзника, с которым нужно поддерживать тесные политические и экономические отношения.

Можно понять настроения китайцев, тайваньцев и корейцев. Они возмущены тем, что японцы заняли место белых и продолжают их угнетать, заставляя трудиться до седьмого пота ради чашки риса. Они ждут изменения отношения к себе, ждут, что японцы перестанут относиться к ним, как к ничтожествам, будут считать их друзьями и братьями. При таком отношении к себе они с удовольствием выполняли бы все наши указания...

«Просите, и дастся вам: ищите, и обрящете: толцые, и отверзется вам: Всяк бо просяй приемлет, и ищай обретает, и толкущему отверзется».⁷² Вот таким и должен быть

сейчас подход Японии к соседним странам и народам. Если Япония будет упорствовать в сохранении нынешнего положения, то она полностью и окончательно потеряет расположение соседних стран и народов – по-моему, это совершенно ясно.

Раскаиваться за предлагаемые решения нам не придется. Проведение Японией мудрой и взвешенной политики (скорейшее освобождение Кореи и Тайваня, мир с Китаем и Россией) окажет народам этих стран огромную моральную поддержку. В новой ситуации экономика Японии впервые получит возможность совершенно свободно пользоваться дальневосточным сырьем и выходить на дальневосточные рынки. Более того, впервые мы получим возможность в полной мере обеспечить обороноспособность нашего государства...

Вот какие выводы можно сделать из анализа идеи создания Великой Японии...

Хочу еще раз подчеркнуть, что, с моей точки зрения, у этой идеи нет будущего - прежде всего потому, что она является проигрышной с экономической точки зрения. Наша страна ни в коем случае не должна следовать этой идее. Мы должны отказаться даже от представляющейся сейчас вполне естественной мысли занять главенствующее положение на Дальнем Востоке (и получить от этого соответствующие выгоды). Если этого не сделать, то Японию будут ждать очень большие жертвы.

Точно так же можно показать, что идея создания Великой Японии не имеет будущего и с военно-стратегической точки зрения, ибо приверженность данной идее влечет за собой необходимость обширных военных приготовлений, а с отказом от нее нужда в таких приготовлениях полностью отпадает. Те же, кто полагает, будто обладание Кореей или Маньчжурией усиливает нашу обороноспособность, просто не в ладах с причинно-следственными связями.

В следующем номере журнала я постараюсь подробнее осветить эту тему и найти ответы на вторую группу аргументов.⁷³

= 3 =

Следующую группу аргументов, выдвигаемую читателями против моей точки зрения, можно суммировать объединить в одно высказывание: «Все мировые державы имеют обширные колонии либо огромные собственные территории, и только Японии приходится ютиться на крохотных клочках земли. Это – огромная несправедливость!» (см. выше п. II).

Верю, что читатели искренни в своих чувствах. Хочу только заметить: из моего предложения отказаться от идеи создания Великой Японии вовсе не следует, что наша страна должна съежиться и стать Крошечной Японией. Напротив, мы должны отказаться от идеи создания Великой Японии именно для того, чтобы наш народ мог, как говорится, сделать весь мир своим домом! Не съеживаться и не отсиживаться на маленькой территории, а расширяться до пределов мира – вот какой путь ждет Японию!

Реальности, сложившиеся в современном мире, таковы, что мировые державы уже завладели огромными пространствами и внутри своих стран, и вне них. Другим народам вход туда заказан. Должна ли Япония бороться за расширение своей территории и для того вступать в соперничество с этими державами? В последнее время к этим вопросам возвращаются снова и снова.

Хочу рассмотреть этот вопрос с трех разных точек зрения.

Первая группа аргументов, уже рассмотренная выше, дает на этот вопрос совершенно определенный ответ: при всем желании расширить свою территорию Япония не должна этого делать, ибо никакой пользы из этого не будет; всякое расширение нашей территории не даст ничего, кроме приобретения новых врагов в лице соседних стран и народов.

Во-вторых (и я об этом тоже говорил): на заморских территориях, захваченных когда-то мировыми державами, сейчас разворачивается мощное движение за независимость. Не за горами время, когда народы, населяющие эти территории, перестанут терпеть своеволие и произвол.

Мой третий аргумент схож с предыдущими. Япония может с завистью глядеть на другие страны, обладающие обширными территориями, но уподобляться им сейчас не стоит. Напротив, Япония для своей же пользы должна сделать так, чтобы мировые державы как можно быстрее предоставили бы своим владениям полную свободу - вот это и будет самая правильная и мудрая политика! А для этого нужно прежде всего продемонстрировать, что Япония и сама готова предоставить свободу своим владениям. В частности, как я уже предлагал в предыдущих статьях, Япония должна предоставить самоуправление или даже независимость Корею и Тайваню. Сможет ли после этого Великобритания владеть Индией и Египтом, а США – Филиппинами?

Мне говорят, что пока что и Великобритания, и США твердо удерживают за собой эти территории, а Япония, отказавшись от своих владений, окажется ни с чем. Но даже если дело будет обстоять именно так, то тогда Японии тем более нужно выступить в авангарде борьбы за освобождение всех заморских территорий. Это будет правильно и с точки зрения морали, и из соображений собственной выгоды.

Идея создания Великой Японии имела бы хоть какой-то смысл, если бы мы, как и все мировые державы до этого, боролись за обладание территориями, которые приносят огромные доходы. Но ни в Корею, ни на Тайване, ни на Сахалине нет каких-то особых природных богатств; все поступления с этих территорий не превышают расходов на управление ими. Я уж не говорю о заявлениях наподобие того, что «владея этими территориями, мы препятствуем проникновению иностранных держав на эти обширные и плодородные земли» - они вообще не имеют ничего общего с действительностью!

Вот почему я считаю, что наша страна должна предоставить свободу своим заморским владениям (и было бы хорошо, если бы к ней присоединились все мировые державы). Тем более, все эти территории все равно станут свободными - в результате вооруженной борьбы или мирным путем, но рано или поздно это произойдет. Иного просто не дано.

Естественно, решение этого вопроса с помощью военной силы или вообще силовыми методами для Японии неприемлемо. Остается применение «пути морали», который в данном случае может состоять только в предоставлении Японией полной независимости своим соседям.

Мораль состоит не в том, чтобы говорить правильные слова, и не в том, чтобы следовать принципу «око за око» - оба эти подхода есть проявления слабости. Не оглядываться на мнение других, а самому поступать, как должно – вот в чем прежде всего проявляется нравственная сила.

Мы помним, как на Версальской конференции японский делегат поднял (впоследствии, правда, благополучно похороненный) вопрос о расовой дискриминации.⁷⁴ Как известно, тогда сама Япония не собиралась следовать этим принципам, а лишь настаивала на том, чтобы это делали другие. Поэтому США и Великобритания выступили резко против этого плана, да и Китай вместе с остальными участниками конференции в явном виде его не поддержал. А что было бы, если бы Япония сама решительно последовала в русле собственных предложений и подала бы этим моральный пример? Думаю, что от этой проблемы уже и следа бы не осталось...

Но вернемся к вопросу о предоставлении независимости. Вполне возможно, что на мои аргументы кто-то может выдвинуть следующие возражения: да, допустим, что все мировые державы дадут независимость своим заморским владениям и останутся, как сейчас США, в пределах своей собственной территории. Но ведь вполне может случиться так, что получившие независимость страны (а, паче чаяния, и многие другие страны) вообще возьмут и закроют свои границы для граждан иностранных государств. Что можно противопоставить такому решению?

Мое личное мнение на это счет таково. Когда говорят, что США не пускают на свою территорию ни японцев, ни китайцев, то имеют в виду переселенцев, иммигрантов. Но ведь для коммерсантов, для торговли с Соединенными Штатами никаких препятствий нет! Как я

уже отмечал в предыдущем номере журнала, ежегодно из США в Японию поступает товаров на 800-900 млн. иен, а навстречу им идет поток наших товаров. Судя по статистике внешней торговли Японии, США сейчас для нас торговый партнер N 1. Тогда почему же США продолжают политику вытеснения японцев со своей территории? Если посмотреть на эту проблему с экономической точки зрения, то поступать так - совершенно бессмысленно.

Однако взглянем на проблему с иной точки зрения. Безусловно, реальное положение дел в этой сфере вызывает всяческие недовольства и жалобы японцев, которые считают себя обделенными. Однако с точки зрения местного населения проблема переселенцев - не такая уж и надуманная. Дело в том, что японцы своими обычаями, нравами и языком сильно отличаются от жителей других стран, что создает проблемы для американцев, сталкивающихся с японцами.

Да, в конце концов, здесь дело не только в том, что они японцы. В любом случае иностранные рабочие - люди низкой культуры, проживающие в поселках, разбросанных по всей стране - не могут не создать беспокойства для местных жителей.

А теперь снова станем на точку зрения японцев. Приехав за границу, они первое время не повышают, а понижают свой жизненный уровень, да к тому же вступают в конкуренцию с местными рабочими. Правильно ли будет стимулировать их отъезд из страны? Как я уже отмечал в предыдущем номере журнала, такая политика не приносит Японии ни славы, ни больших доходов. Если мы действительно хотим повысить эффективность наших связей со США, то мы должны идти не по пути эмиграции, а по пути расширения торговли с этой страной. Вместо того, чтобы посылать рабочего в Америку, лучше продать в ту же Америку произведенную этим рабочим пряжу или иные товары, или завезти из США хлопок, чтобы наши работницы могли прясть из него пряжу. Уверен, что, идя по пути обычной торговли, США не будут скупиться на поставки нам сырья и с удовольствием будут покупать наши дешевые товары (и, конечно, так будет поступать далеко не только одна Америка).

Вывод: у нас сейчас нет никаких причин для беспокойства по поводу того, что страны, обладающие большой территорией, могут закрыть свои границы для отдельных категорий иностранцев.

Далее. Сейчас любая страна может купить недостающие ей товары за границей. Равным образом, любая страна может импортировать из-за рубежа те товары, производство которых внутри страны является по тем или иным причинам невыгодным. А отсюда недалеко и до следующего умозаключения: уже не так важно, обладает ли великая держава обширными заморскими колониями или нет.

Иногда ту или иную продукцию можно производить только за границей, а не в метрополии. В этих условиях особенно нетерпимы те барьеры, которые воздвигают перед иностранцами. Так, например, в некоторых странах ограничивают допуск иностранцев к горнорудным разработкам (или вообще их к ним не допускают). Могут создаваться и другие барьеры, как это, например, имеет место в США, где японцам не дают заниматься сельским хозяйством. Все эти меры становятся основой для многочисленных жалоб и недовольств.

Должна ли Япония делать новые шаги по такому пути? Отнюдь. Вряд ли будет правильным, если Япония выступит пионером в деле ужесточения ограничений на деятельность предприятий, принадлежащих иностранцам. Мне представляется, что наша цель должна состоять в том, чтобы все страны подобные ограничения полностью сняли. А если мы и будем вводить ограничения по отношению к каким-то иным странам, то нужно сделать так, чтобы эти ограничения были четко очерчены, а вне них всем иностранцам предоставлялось бы максимально широкое поле для экономической деятельности.

За несколько лет до начала войны в Европе⁷⁵ Великобритания прямо или косвенно вложила в строительство и эксплуатацию железных дорог в США и в другие подобные проекты свыше 3 500 млн. долларов, другие европейские страны - 2 500 млн. долларов. Таким образом, сейчас на территории США имеются крупные предприятия, которые, пусть и косвенно, но контролируются иностранцами. Этот пример показывает, что все существующие

ограничения не могут помешать при желании получить доступ к управлению предприятиями, расположенными на территории иностранных государств – были бы только средства.

То есть реальность такова, что прежде, чем построенное или приобретенное за рубежом предприятие начнет давать прибыль, в него нужно сделать вложения. Сейчас владельцу не нужно самому выезжать за границу и на месте руководить производством, он может оставаться дома. Главный вопрос лежит в другой, финансовой плоскости: есть ли у владельца предприятия свободные средства или нет. И если таких средств нет, то никакие свободы, никакие преференции ему уже не помогут. Какими бы обширными ни были бы наши владения по всему миру, без соответствующих средств мы все равно не сможем ничего производить и вообще не сможем ступить ни шагу. Поэтому наша главная задача – во что бы то ни стало накопить этот капитал...

Говоря образно, капитал можно уподобить сладкой лепешке, а территории – коробке, в которую можно положить эту лепешку. Глупо искать лепешку в шкатулке, если ее туда еще не положили! С другой стороны, если у тебя много лепешек, то у соседа всегда можно взять займы пару коробочек для их хранения.

Таким образом, только в условиях мира и только накопив достаточно средств, мы сможем использовать энергию народа для обеспечения роста производства, развития науки и техники. Нам нужно строить школы, а не казармы, заводы, а не боевые корабли!

Сейчас на содержание армии и флота уходит около 800 млн. иен в год. Давайте хотя бы половину этой суммы каждый год направлять на мирное строительство – и не пройдет и нескольких лет, как японская экономика радикальным образом изменит свой облик!

Все эти рассуждения приводят меня к единственному выводу: следование идее создания Великой Японии не принесет нашей стране никакой пользы. И, напротив, отказ от нее станет для Японии великим благом.

Только отказавшись от своих владений в Корее, на Тайване, на Сахалине, в Маньчжурии, мы сможем обрести настоящих друзей в Китае и на всех других обширных азиатских пространствах. Поступив таким образом, мы окажем мощную моральную поддержку не только странам Дальнего Востока, но и всем малым и слабым странам мира! Не знаю, какие выгоды и преференции для нашей страны могут сравниться по силе с этими!

В то время, как США чинят произвол, Англия проявляет высокомерие, а обе эти страны вместе угнетают не только народы Дальнего Востока, но и многие другие слабые и малые страны во всем мире, Япония должна стать во главе этого союза угнетенных, должна поставить на место Великобританию и США! А для достижения этой цели нам уже не будут нужны мелкие военные приготовления. Высшей, стратегической целью будущих сражений станет мир во имя человека. И сколь бы высокомерно не вели себя эти две страны, сколь бы масштабными ни были их военные приготовления, им не удастся победить Японию как всемирного лидера движения за освобождение народов Дальнего Востока и всего мира. И даже если нам действительно придется воевать, это будет уже совершенно иная война.

Впрочем, если Япония действительно найдет в себе силы отказаться от своих мелких притязаний, то до сражений дело, скорее всего, не дойдет: страны, которые сейчас открыто демонстрируют свою враждебность, потерпят поражение еще до начала войны. Вот почему я уверен, что первую попытку сделать такие крупные внешнеполитические шаги нужно предпринять уже на нынешней конференции по тихоокеанским проблемам.

= Госпожа Бякурон уходит из дома =

Опубликовано в номере журнала «Тоё кэйдзай симпо» от 29 октября 1921 года под рубрикой «Личное мнение»

= Госпожа Бякурон уходит из дома =

Слово «бякурон» означает «белый лотос»,⁷⁶ так что имя госпожи Бякурон заставляет вспомнить о каких-то древних владычицах. На самом деле Бякурон - это ставший теперь знаменитым псевдоним, который принадлежит супруге господина Ито Дэнъэмон. Недавно она влюбилась в молодого адвоката и, так сказать, оставила семейный очаг, то есть ушла из дома мужа.

Помнится, когда в свое время свели счеты с жизнью супруга наследника графа Ёсикава и ее личный шофер, то в обществе поднялась целая волна слухов, насмешек и упреков в адрес графини. На этот раз люди относятся к поступку женщины на удивление сочувственно. Почему? Что изменилось с тех пор в обществе? Или, может быть, изменилось само общество?

Можно, конечно, противопоставить эти случаи, исходя из формальных признаков: с одной стороны – поэтическая натура, с другой – женщина, не склонная к поэзии чувств. В одном случае – старый богатый муж, в другом – богатое наследство. В первом случае – адвокат, во втором – шофер. Но такие противопоставления никак не помогают прояснить ситуацию. Ясно одно: в обоих случаях на такие поступки пошли не 15-16-летние барышни, а зрелые женщины, которые имели деньги, власть, положение в обществе, но, тем не менее, отказались от денег и власти, пренебрегли мнением общества и ушли за своими возлюбленными – одна из дома, а другая даже из жизни.

Хочу выразить понимание и сочувствие к тем невероятным страданиям, которые они претерпели – причем это в равной степени относится и к госпоже Бякурон, и к госпоже Камако.

Безусловно, в столь запутанных делах менее всего позволительно кого-то порицать или хвалить. Но, тем не менее, я хотел бы обратить внимание и на то, какие невероятные муки претерпели также мужья этих женщин. Достаточно вспомнить о том, что написали про господина Ито, супруга Бякурон, газеты «Осака майнити» и «Токио нитинити» (хотя, наверное, в этих материалах было и немало журналистских преувеличений).

= «... иже есть без греха в вас, прежде верзи камень на ню»⁷⁷ =

Насколько можно судить, в целом общество сейчас не очень занимают подобные случаи, и мало кто пытается анализировать причины, по которым они происходят. Некоторые из комментаторов с сочувствием относятся к героиням подобных историй, другие их осуждают. Но все почему-то свято уверены в том, что подобные эксцессы никогда и ни при каких обстоятельствах не коснутся их семей, их жен и их самих. Каждый почему-то полагает, что семьи, в которых происходят подобные эксцессы – это какие-то особенные, можно сказать, неестественные семьи, а его собственная семья совершенно на них непохожа. Но насколько оправданна такая уверенность?

Даже в более строгие времена, когда действовало правило «всяк, иже воззрит на жену ко еже вождеleti ея, уже любодействова с нею в сердцы своем»,⁷⁸ тоже находились люди, которые вторгались в чужие семьи. Как были и те, кто, несмотря на сказанное «иже есть без греха в вас, прежде верзи камень на ню», все равно бросал камни в таких женщин.

Но в сегодняшнее время трудности отношений между людьми не должны становиться предметом нездорового интереса посторонних. В этой сфере нужно проявлять особую осторожность и благоразумие...

= Разрушение святилища учения Омото⁷⁹ =

Правительство, не удовлетворившись обвинением руководителей движения Омото в нарушении закона о печати, разрушило святилище Омото в городке Аябэ. Говорят, что с юридической точки зрения все было сделано абсолютно правильно. Думаю, юристам следует еще раз внимательно разобраться в случившемся. Но меня в этом случае волнует даже не то, насколько все это юридически безупречно. Более интересно другое.

Я не знаю, когда точно было построено святилище в Аябэ. Но как бы то ни было, и местная полиция, и ее начальство, и другие официальные органы не могли не знать о существовании этого весьма внушительного здания. И если его существование являлось противозаконным, то эти власти должны были заранее принять соответствующие меры, например, еще на стадии строительства обратить внимание ответственных лиц на противоправные действия Омото. Это была их прямая обязанность как государственных чиновников. Почему же вплоть до сегодняшнего дня они в открытую манкировали своими обязанностями, и почему вдруг именно сегодня приказали это святилище разрушить? Мне хочется задать этим чиновникам простой вопрос: почему для того, чтобы разрушить незаконно возведенное здание, нужно откуда-то получать какой-то приказ? В каких правилах и инструкциях это записано? Я лично попытался найти такие инструкции, но мне это так и не удалось. А если они где-то существуют, то кто именно дал этот приказ? Пусть даже Омото - это вредное учение, пусть руководители секты – плохие люди, но даже к ним законы нужно применять аккуратно, правильно и без крючкотворства.

Если бы с самого начала были найдены основательные доводы в пользу того, что само существование секты Омото наносит ущерб общественной нравственности, то нужно было открыто, честно, а, главное, в установленном законом порядке запретить распространение этого учения. А действовать против него коварно, исподтишка, изводить, как свекровь невестку – значит оставлять не выкорчеванными корни, из которых может произрасти огромный ущерб для общественной морали. Поступать так – значит вносить в сознание народа ощущение того, что власти вправе применять закон по своему усмотрению.

= И смерть его – во благо общества =

Опубликовано в номере журнала «Тоё кэйдзай симпо» от 11 февраля 1922 года под рубрикой «Личное мнение»

= И смерть его – во благо общества =

Вчера в возрасте 85 лет скончался князь Ямагата Аритомо.⁸⁰ Он ушел из жизни вслед за маркизом Окума. Прискорбно, что нас покидают самые выдающиеся государственные деятели эпохи Реставрации Мэйдзи.

Как я уже писал по поводу кончины маркиза Окума, сейчас в нашем обществе идут разнообразные процессы обновления. Идут они не быстро, но непрерывно и поступательно. И, говоря об этом, прежде всего и в первую голову следует отметить здоровый прогресс в развитии самого общества.

Уйти в нужный момент – значит тоже в определенной степени послужить общественному благу...

= Нити – в руках князя Ямагата =

В отличие от маркиза Окума, князь Ямагата до последних дней своей жизни обладал большим политическим влиянием. И нет сомнения в том, что влияние, которое имел покойный князь, имело своим источником его постоянное беспокойство о судьбах страны.

Как я уже в свое время говорил, его действия во время известных событий во дворце⁸¹ и в других подобных случаях ясно свидетельствуют о том, что князь превыше всего ставил интересы Императорской фамилии, интересы Японии. Более того, во многих случаях его подход оказывался позитивным. Однако когда человек обладает огромной властью, то даже самые чистые и искренние его намерения нередко наносят непоправимый вред обществу...

Не столь важно, из каких именно кукол состоит труппа кукольного театра. Куклы могут меняться, но если ими управляет тот же самый кукловод, то новых танцев от них ждать не придется...

Думаю, не будет большой ошибкой утверждать, что многие действия в нашем правительстве и вокруг него направлялись с помощью нитей, которые держал в своих руках князь Ямагата Аритомо (хотя, конечно, эти действия могли быть обусловлены и многими другими причинами). А нити – это само по себе зло, даже если человек, держащий их в руках, не имеет никаких злых умыслов.

= Куклы вышли на свободу =

И вот теперь человека, державшего в руках эти нити, не стало. Кукол отпустили на волю, теперь они могут плясать совершенно свободно, безо всяких пут и ограничений. Честно говоря, я не знаю, что с ними произойдет. Будут ли они еще некоторое время как ни в чем ни бывало продолжать свое кривлянье? Возникнет ли среди них сутолока и толчея? А, может быть, их охватит некое воодушевление? Или новые кукловоды найдут какие-то новые приемы игры? Или, может быть, между куклами начнется настоящее соревнование в мастерстве, и в результате будут разыграны новые, самые смелые и неожиданные мизансцены? Но пока что зрители уверены, что эти никудышные куклы вообще сойдут со сцены и исчезнут без следа, ибо они стали участниками представления исключительно благодаря авторитету мастера-кукловода. В этом случае кончина князя Ямагата может стать поворотным пунктом во всем нашем политическом спектакле ...

= Партия Сэйюкай: предложения по сокращению вооружений =

Буквально на следующий день после кончины князя Ямагата партия Сэйюкай внесла в парламент проект закона о сокращении сухопутных вооружений. Возможно, это было случайное совпадение, но у меня сложилось такое впечатление, что между этими событиями существует некая, пусть косвенная, связь. Даже лидеры Кэнсэйкай, партии-властителя Поднебесной, еще никогда публично не призывали к сокращению вооружений (если не считать недавнего выступления председателя этой партии господина Като⁸²).

Почему же они раньше молчали? Да потому, что опасались военных. А почему боялись армии? Да потому, что за ней стоял обладавший огромным политическим влиянием Ямагата Аритомо. До этого момента партийные лидеры игнорировали чаяния всей страны и думали не о том, как учесть в своей деятельности настроения японского народа, а о том, как не испортить настроение князю Ямагата. Вот потому-то предложения о сокращении вооружений доселе и не звучали. Вот потому-то предложения о сокращении вооружений и внесла именно партия Сэйюкай, которая в гораздо большей степени, чем Кэнсэйкай, склонна следовать идеям сохранения мира, спокойствия и всеобщего согласия (исключая, разве что, согласие с собственным народом).

Справедливости ради следует сказать, что у наблюдателей уже были предчувствия того, что после смерти князя Ямагата нечто такое произойдет. Эти предчувствия превратились в уверенность после откровенного выступления некоего господина Ока – смелого экспромта выпущенной на свободу куклы.

= Против государственных похорон князя Ямагата =

3 февраля в палате представителей обсуждались расходы на церемонию похорон князя Ямагата. «Против» выступило всего два человека – депутаты от Осака Минами Тэйдзо и Морисита Камэтаро. Их позиция повергла общество в изумление: не иначе, как началась смена вех, и где – в самом парламенте!

Сразу скажу: я против того, чтобы объявлять князя Ямагата политическим преступником, как это сделали господа Минами и Морисита. Но, при всем при том, их позиция оставляет место для дискуссий. Если говорить о личности князя Ямагата как продукте всей нашей истории от Реставрации Мэйдзи до сегодняшнего дня, то со всей определенностью можно сказать, что он преступником не является. Более того, если спросить, какое положение занимал князь в японском обществе, то ответ будет: «выдающееся». Но в чем я согласен с господином Минами – так это в том, что в нашей стране действительно существует немалое число бедняков, которые не в состоянии даже должным образом похоронить своих родственников. И когда ставится вопрос «Почему налоги, которые платят эти бедняки, должны идти на организацию церемонии государственных похорон князя Ямагата?» - мне на это вопрос ответить нечего.

Я не знаком с депутатом Минами, не знаю, что он за человек. Говорят, что во время его выступления в парламенте с мест, отведенных для депутатов от партии Сэйюкай, слышалась ругань и возгласы «За славой погнался!». Впрочем, все это совершенно неважно: в данном случае существенно не кто говорит, а что говорится. Я считаю, что за такие правильные слова о бедняках ему нужно до земли поклониться. Молюсь за того, кто, может быть, и из эгоистических побуждений, но все-таки произнес эти неслыханные прежде в нашем обществе слова...

= «Обсуждение достоинств» =

Во время выступления господина Минами председатель палаты представителей господин Оку обратил внимание выступающего на то, что «непозволительно обсуждать достоинства других» и дезавуировал часть произнесенной депутатом речи. Спору нет: обсуждать чужие достоинства – дело совершенно недостойное. Однако в данном случае я не могу не спросить господина председателя палаты вот о чем: а разве не задевает «достоинства других» само предложение о проведении государственной церемонии похорон? Речь даже не идет о критике. Просто сама по себе попытка оценить деятельность князя Ямагата, а уж тем более публичное обсуждение подобных вопросов, не может не затрагивать достоинства покойного. Нужны ли иные доказательства абсурдности высказывания господина Оку и самой идеи похорон на государственный счет?

= Возрождение духа =

Опубликовано в номере журнала «Тоё кэйдзай симпо» от 27 октября 1923 года под рубрикой «Личное мнение»

Некоторые утверждают, что первоочередной задачей в деле восстановления страны после землетрясения⁸³ является духовное возрождение нации. С этим можно было бы согласиться, если бы все люди – в том числе, и автор этих строк – вкладывали в слово «духовный» один и тот же смысл. Однако, несмотря на то, что слова «дух» и «духовность» являются широко распространенными, каждый произносящий эти слова вносит в них свои собственные оттенки значений и нюансы смысла. Так, консерватору в слове «дух» слышится «дух реставрации», социалисту - «дух классовой борьбы» и т.п.

С чем однозначно не может согласиться автор этих строк – так это с тем, что духовное

возрождение должно строиться в определенных рамках. Мы не должны вести себя словно упряжные лошади, глаза которых прикрыты шорами, а их самих стегают кнутом, чтобы резвее бежали.

Если идея духовного возрождения состоит только в том, чтобы поднять настроение народа после этих ужасных событий, то тут беспокоиться не о чем. По-моему, мы не очень похожи на вымирающий народ, и те, у кого остались хоть какие-то силы, обязательно преодолеют временный упадок духа, вызванный землетрясением. Для меня это не подлежит обсуждению.

= Возрождение духа свободы =

Итак, у меня нет ни тени сомнения в том, что нам не следует предаваться унынию оттого, что дух нашего народа упал до низкого уровня в результате обрушившихся на него несчастий. Вопрос в другом. Мне представляется, что самое главное сейчас – это внести в настроения людей дух свободы. Более того, если этого не сделать, то тогда душевное здоровье народа действительно придет в упадок, а всех нас будут ждать меланхолия и отчаяние. Не допускать свободу в нашу духовную жизнь, загонять мысли в определенные рамки – это значит не доверять своему народу или, по крайней мере, пресекать всякие попытки выказать это доверие. Такие настроения вызывают у меня самое глубокое беспокойство о ближайшем будущем нашей страны. Уверен, что духовное возрождение нашего народа невозможно без возрождения духа свободы.

= Свободные дебаты =

Дух свободы не может быть ограничен какой-то одной общественной формой. Он не принадлежит ни капитализму, ни социализму, ни милитаризму, ни космополитизму. Следовать духу свободы – значит внимательно, без тени предубеждения, выслушивать чужие мнения и откровенно высказывать свое собственное, значит следовать истинным суждениям и терпимо относиться к прочим. Иными словами, дух свободы – это дух свободных дискуссий. Именно такой настрой сейчас чрезвычайно необходим Японии, именно его нам сейчас больше всего недостает.

Недавно премьер-министр Ямамото,⁸⁴ почувствовал острую необходимость улучшить политику правительства в области образования, принял решение опереться на мнение специалистов в этой области. Теперь важно, чтобы в этой сфере по-настоящему укоренился дух свободы дискуссий. Почему? Да потому, что если философия, наука, искусство избегают свободных дискуссий, то они не только не могут внести свой вклад в прогресс общества, но и прямо препятствуют этому прогрессу.

Хорошей иллюстрацией к этому тезису может послужить, в частности, обсуждение идеи увеличить срок обязательного школьного образования. Сейчас нам, по существу, предлагается просто увеличить на два года длительность обучения в средней школе. Если эта идея реализуется в ее первоначальном виде, то она обернется настоящим бедствием для всей нашей страны. Качество образования гораздо важнее, чем сроки обучения или структура системы обучения. Поэтому именно в улучшение качества образования нам и нужно сейчас вкладывать все свои душевные силы.

= «Корейские бунтовщики» =

Через два дня после землетрясения вся страна была потрясена известиями о так называемых «корейских бунтах».⁸⁵ Вместе с тем, если судить по сообщениям властей, то никакой проблемы нет. Кто же прав?

Правда в том, что в событиях последних дней огульно обвиняют корейцев, тогда как

на самом деле эти беспорядки – на совести нескольких преступных группировок. Более того, судя по сообщениям властей, все слухи о какой-то особой причастности к беспорядкам корейцев являются ложными. В большинстве случаев имена зачинщиков беспорядков установлены не были, но в тех случаях, когда организаторов задержали, среди них оказались как корейцы, так и уроженцы собственно Японии.

Сегодня много говорят о якобы спровоцированных корейцами беспорядках и предаются негодованию и скорби по поводу печальных событий. Следует признать, что эти события действительно могут иметь самые серьезные последствия для судеб Японии. И это не только личное мнение автора этих строк. Знакомство с официальной позицией властей также убеждает меня в том, что я не напрасно опасаясь таких последствий.

После таких событий уже смешно и жалко смотреть на тех политиков, которые продолжают приглашать китайцев или корейцев в Японию, постоянно приговаривая: «Ничего не опасайтесь, успокойтесь и приезжайте». Поедут ли в Японию ее «новые граждане» или иностранцы, если сами японцы теперь считают, что опаснее нашей страны нет?

Прежде, чем приглашать кого-то в Японию, нужно исправить те ошибки, в результате которых в Японии пролились кровь и слезы.

= Опасные отряды самообороны =

Во время недавнего бурного заседания палаты представителей прозвучали заявления, оправдывавшие действия убийц! По моему мнению, на эти выступления следует обратить самое серьезное внимание.⁸⁶

Боюсь ошибиться, но если за подобными высказываниями не последует самое строгое наказание виновных, то в будущем нас будут ждать еще более мрачные события. Сегодня некоторых членов отрядов самообороны пытаются привлечь к судебной ответственности, однако суды необъяснимым образом относятся к ним с непонятным милосердием. Может сложиться такое ощущение, что некоторые из этих людей представляют особую ценность для общества... А кто они на самом деле? В действительности они – самые настоящие преступники.

В связи с этим следует сказать еще вот о чем. В некоторых случаях отряды самообороны обвиняют в противоправных действиях напрасно. Но если их члены действительно нарушили закон, то они должны понести самое серьезное наказание. Иначе лишь с очень большим трудом можно будет поверить в то, что в Японии хоть кого-то по-настоящему волнуют проблемы борьбы с преступностью.

= Заявление Маэда Тосисадако =

Завершая эти разрозненные заметки, хочу сказать вот о чем. Мне представляется совершенно неразумным предоставлять избирательное право лицам старше 25 лет, находящимся на иждивении родителей. Почему? В ответ позвольте спросить: а правильно ли будет, если такой дармоед станет членом верхней палаты парламента или, чего доброго, министром? Боюсь, что смысл этого предложения госпожи Маэда оказался не глубже смысла входящих в него слов...

III. ПРИЗЫВЫ К ПРАВИТЕЛЬСТВАМ И ПОЛИТИЧЕСКИМ ПАРТИЯМ (1924-1931)

= Вовлечь женщин в общественную жизнь! =

= Вопрос о праве женщин участвовать в управлении государством выходит на первый план =

Передовая статья номера журнала «Тоё кэйдзай симпо» от 5 июля 1924 года

По сообщениям газет, член руководства партии Сэйю хонто⁸⁷ господин Накахаси Токугоро заявил, что наши так называемые всеобщие выборы таковыми не являются, ибо в них не участвуют женщины. Он также подчеркнул, что важнейшая задача текущего момента – приложить все усилия, преодолеть все трудности и ответить на единодушное стремление всей нации предоставить равные избирательные права мужчинам и женщинам.

Если мнение господина Накахаси действительно таково, то и его, и партию Сэйю хонто можно поздравить: они сделали огромный рывок вперед. Это заявление - огромное событие не только для всей страны, но, самое главное, для самой партии Сэйю хонто, ибо оно позволяет ей избавиться от сомнительной репутации партии, наспех сколоченной в противовес «партиям – защитникам конституции».⁸⁸

Судя по тем же сообщениям газет, когда-то председатель Сэйюкай господин Хара Кэй⁸⁹ хотел перехватить эту инициативу и при первом удобном случае объявить о том, что в Сэйюкай разработан проект, предусматривающий значительное расширение круга лиц, обладающих избирательным правом и, в частности, включение в их число женщин. Якобы Хара с кем-то такими планами делился и был очень обеспокоен тем, что другие партии могут перехватить идею действительно всеобщих выборов, а Сэйюкай окажется в этом вопросе в положении обороняющейся. По-видимому, Хара вообще не видел иного способа изменить неблагоприятную для Сэйюкай политическую ситуацию и перейти от обороны к наступлению, кроме как отказаться от идеи «всеобщих выборов для мужчин» и неожиданно выдвинуть предложение о распространении избирательного права на женщин.

Мне представляется, что таким же образом строил свои рассуждения и господин Накахаси.

Но если это так, то недавнее унижительное поражение партии Сэйю хонто на всеобщих выборах и последовавшее за ним разочарование в ее деятельности предстают в совершенно новом свете.

Безусловно, попытка улучшить позиции своей партии, провозгласив необходимость введения избирательного права для женщин - не самый чистый метод политической борьбы. Однако стоит ли уж так решительно осуждать партию за то, что она преодолевает собственные трудности именно таким методом? Тем более, что в нашем обществе такие шаги – не редкость... (Говорят, что идея распространить на женщин право участия в выборах в последнее время вообще стала весьма популярна в нижней палате парламента. Если это действительно так, то это - хороший знак, показывающий, что страна наконец-то начинает переходить от всеобщего избирательного права для мужчин к эпохе участия в выборах и мужчин, и женщин).

Вместе с тем, этого мало. По моему мнению, для того, чтобы эффективно использовать силы наших женщин и предоставить им право участия в управлении государством (а такое право, безусловно, должно быть предоставлено), нам еще нужно провести в стране многочисленные реформы. О чем идет речь? Дело в том, что японское общество вплоть до настоящего времени вообще не представляло себе, что женщины – это реальная сила. Причем об этом не догадывались не только мужчины, но и сами женщины. И эта «недогадливость» серьезно тормозит движение нашего общества вперед, по пути общественного прогресса.

Приведу несколько примеров.

Для меня всегда оставалось загадкой, почему способности наших женщин совершенно не используются в такой сфере, как образование. Безусловно, многие женщины работают преподавателями в начальных школах или женских школах высшей ступени. Однако они работают именно как преподаватели, а их женские качества совершенно игнорируются. Бывают случаи, когда их берут на работу только потому, что женщинам-преподавателям можно меньше платить. (Я уже не говорю о том, как используются педагогические способности женщин в других сферах.)

За рубежом давно нашли способ обеспечить матерям доступ к непосредственному управлению школьным образованием. Вне зависимости от того, предоставлено женщинам избирательное право или нет, они могут работать в муниципальных комитетах по делам образования.

Для наших женщин такой путь закрыт. Более того, даже такие организации, как школьные попечительские советы и родительские комитеты, состоят, в основном, из отцов учеников (за исключением тех случаев, когда у ребенка, к несчастью, нет отца). Получается так, что мать, готовая вложить всю душу в воспитание детей, даже при наличии у нее свободного времени не может этого сделать по совершенно формальным причинам. В результате попечительские советы многих школ являются таковыми только по названию. А между тем в семьях воспитанием детей занимаются именно матери, причем эту ношу они несут и когда их дети учатся в начальной школе, и когда занимаются в средней – словом, вплоть до окончания школы и поступления их в училища. У отцов же обычно до воспитания детей просто не доходят руки: они каждый день уходят на работу и напряженно трудятся вне дома.

Таким образом, несмотря на то, что с юридической точки зрения главой семьи и кормильцем чаще всего является именно отец, он совершенно не занимается воспитанием младших членов своей семьи. И здесь дело заканчивается тем, что глава семьи является таковым только по названию...

Замечу, что для того, чтобы исправить это положение, не нужно проводить какие-то глубокие юридические или иные реформы. Достаточно просто поразмыслить о том, кто и почему у нас работает в школе...

И еще один пример. На этот раз речь пойдет о деятельности производственных и, в особенности, торгово-закупочных кооперативов. Нет необходимости говорить, что в каждой японской семье именно женщина хозяйничает на кухне. Казалось бы, деятельность торгово-закупочных кооперативов должна быть направлена прежде всего на то, чтобы облегчить работу на кухне и тем самым облегчить жизнь женщин. Однако наше законодательство устроено так, что и в этой сфере женщина не может шагу ступить без ведома мужа. В частности, она не может участвовать в работе кооператива наравне с мужчинами. Это не значит, что женщины вообще не могут быть членами кооперативов; формально – могут, но существует огромное число ограничений, которые существенно затрудняют эту деятельность.

Безусловно, возможность решения этих проблем связана скорее с реформированием гражданского кодекса, нежели с реформой избирательного права. Но если мы хотим предоставить женщинам реальное право участвовать в управлении государством, то не должны забывать и о подобных частных правах.

И, конечно, дело здесь не только в существующих формальных ограничениях, но и в силе традиций. Показательно, что сейчас ни один всеяпонский кооператив не доверил пост своего руководителя женщине. Более того, говорят, что во все руководящие органы всех торгово-закупочных кооперативов Токио входят всего-навсего две женщины. И это притом, что мы собираемся всячески развивать и поддерживать кооперативное движение! Хочется, чтобы оно действительно дошло до каждого японского дома, до каждой кухни. А для этого нужно привлечь к участию в этом движении женщин, нужно опираться на их сознательность и стремление к сотрудничеству.

Подобных примеров можно привести великое множество. В зарубежных странах, вне зависимости от того, предоставлены ли женщинам избирательные права или нет, они давно работают в городских, сельских, поселковых гражданских комитетах, комитетах по реформе городского хозяйства и других подобных организациях. Нам необходимо привлечь внимание женщин к такой работе и использовать их силы на благо общества...

Итак, приходится констатировать, что в нашей стране женщины почти полностью исключены из общественной системы. Это создает препятствия на пути развития целых отраслей, для улучшения управления которыми как раз и нужно привлекать женщин. Но дело не только в этом. Вопрос еще и в том, что в такой ситуации мужчинам приходится взваливать на себя груз ответственности за работу в таких областях, к которым они совершенно непригодны.

А самое главное – такое положение вещей наносит колоссальный вред делу развития самих женщин. Говоря коротко, наше общество (и даже определенная часть самих женщин) относится к женщинам с откровенным пренебрежением: «А, что с нее взять – женщина!» При этом многие считают, что пока с таким пренебрежительным отношением бороться бесполезно. Может быть. Но чем объясняется такое состояние общества? Общим низким уровнем культуры. А для того, чтобы восполнить недостаток культуры у женщин, у нас нет иного выхода, кроме как стимулировать их общественную активность.

Скажу и о мужчинах. Если бы они сегодня имели достаточный уровень культуры для того, чтобы осознать важность борьбы за равноправие мужчин и женщин, то женщины бы уже не только трудились на ниве просвещения, но и активно действовали в тех областях, для работы в которых у них нет врожденных способностей. Иными словами, женщины оказались бы полностью вовлечены в жизнь общества и наравне с мужчинами носились по бурным волнам житейского моря...

Сегодня в кругу реальных политиков все чаще слышны голоса тех, кто требует предоставить женщинам доступ к управлению государством. Для нашей страны это уже большой шаг вперед. Однако даже сторонникам данной точки зрения необходимо постоянно углублять свои знания о положении женщины в нашем обществе. Вот почему я решил затронуть в своей статье эти вопросы.

= Основные принципы административной реформы =

= От централизации власти к ее децентрализации =

Передовая статья номера журнала «Тоё кэйдзай симпо» от 6 сентября 1924 года

В последнее время чрезвычайно ускорились темпы проводимой в нашей стране административной реформы. И в правительстве, и в обществе выдвигаются самые разные предложения по ее реализации – и это чрезвычайно отрадное явление. Однако если мы хотим, чтобы эта реформа была действительно направлена на удовлетворение нужд народа, то ее нельзя сводить просто к улучшению делопроизводства или к мерам по регулированию финансовой системы (и об этом, кстати, тоже часто говорят в обществе).

Все наши административные учреждения долгое время существовали и развивались в том виде, в котором они были основаны деятелями Реставрации Мэйдзи – в виде, который можно назвать административно-бюрократическим. Эти же институты продолжают управлять народом и в условиях новой общественной системы. Иными словами, народом по-прежнему управляют бюрократы, произрастающие, если можно так выразиться, на ниве чиновничьей деятельности. Именно эти «народные управители» взяли на себя всю полноту ответственности за судьбу страны.

Таким образом, власть у нас является не народной, а бюрократической; чиновники не

служат народу, а, наоборот, управляют им. И в этом же кроется главная причина того, что наша административная система демонстрирует невиданную во всем остальном мире степень централизации и единообразия.

Сказанное не означает, что подобная система является какой-то уникальной и присущей только Японии. Наверное, по такому пути пытается идти часть вождей любой революции. Пример тому – всевластие чиновничества и централизация власти в руках рабоче-крестьянского правительства в сегодняшней России.

Почему это происходит? Наверное, потому, что после революции в новом правительстве страны собираются самые знающие и активные люди, а большая часть народных масс верит своим вождям и не видит иного пути развития страны в новую эпоху. Точно так же и во всех создаваемых после революции учреждениях искренне верят в то, что все новые планы должны претворяться в жизнь только под руководством чиновников из центрального правительства, а частные предприятия в своей работе не могут обойтись без указаний центральных властей.

Но вернемся к Японии. Вплоть до настоящего времени ее развитие действительно было связано с эксплуатацией тех рудников, морских путей и железных дорог, деятельностью тех банков и компаний, которые были созданы правительством после Реставрации Мэйдзи. Тогда в экономике существовало большое число точек, к которым нужно было прилагать усилия правительства: нужно было затрачивать немалые средства на обеспечение работы новых образцовых предприятий; нужно было тратить значительные средства на распространение опыта работы этих образцовых предприятий; необходимо было совершенствовать законодательные и другие основы деятельности предприятий; наконец, нужно было обеспечить налоговые и другие льготы для частных компаний, чтобы не тратить огромные ресурсы на их развитие. Нет необходимости говорить, что для четкого управления государством в таких условиях более других подходила именно централизованная и единообразная административная система.

В последнее время заговорили о том, что эта система начинает расшатываться в самом своем основании. Тому называют две причины. Во-первых, говорят, что люди, имевшие когда-то власть в этой системе, уже отошли от дел и ведут теперь тихую и спокойную жизнь, в результате чего бюрократы стали терять положение «народных управителей». Вторая же причина состоит якобы в том, что благодаря общественному прогрессу теперь простые люди имеют в своих руках больше власти, чем чиновники. Иными словами, если раньше люди по всякому поводу обращались к чиновникам и были зависимы от этих чиновников, то ныне они, дескать, обрели независимость от своих чиновных «родственников» и сами крепко стоят на ногах.

Мне кажется, что те, кто придерживается такой точки зрения, впали в некое подобие старческого слабоумия. Оглянитесь вокруг: на самом деле нами по-прежнему правят состарившиеся бюрократы, которые все так же любят произносить все те же штампы о народе: «настроение масс ухудшается», «настроение масс улучшается», «массы единоклюшны в том, что...» и т.д. и т.п.

Несмотря ни на что, наша административная система остается той же, что и в те далекие времена, когда бюрократы присвоили себе звание «народных управителей». И в этом - главная причина того, что в последнее время политика нашего правительства по всем направлениям замечательным образом движется в тупик.

На самом деле со времен Реставрации в сфере власти произошли лишь самые незначительные перемены. Нам еще только предстоит добиться того, чтобы народ сам определял пути развития общества, чтобы власть действовала в интересах народа, а чиновничество из «народных управителей» превратилось бы в слуг народа. Но это случится лишь тогда, когда власть действительно перейдет в руки народа, ибо он лучше всех знает свои нужды и сможет лучше кого бы то ни было распорядиться этой властью в своих интересах.

Что для этого нужно? А для этого нужно по мере возможности децентрализовать власть и «раздать» ее на места. Иными словами, власть должна принять такую форму, которая позволила бы ей максимально быстро откликаться на местные нужды. Необходимо создать такую систему, которая выдвигала бы на посты руководителей самых одаренных людей, готовых поставить свои таланты и способности на службу обществу. А для этого понадобится провести глубокую и основательную реформу существующей системы, для которой характерны централизация и унификация власти, всеилие чиновничества (особенно это касается многочисленных постановлений и распоряжений, издаваемых гражданскими чиновниками).

Таким образом, Японии жизненно необходима подлинная реформа административной системы. А сегодня – повторюсь – на многих направлениях своего развития страна оказалась в тупике. Мне представляется, что для того, чтобы найти выход из этого тупика и снова вывести Японию на путь прогресса, нам необходимо то, что можно назвать второй Реставрацией. А для того, чтобы осуществить подобную Реставрацию, в первую очередь необходимо максимально эффективно распорядиться интеллектуальными ресурсами нашего общества и поставить их на службу власти.

Сегодня нам нужно не обсуждать в очередной раз, как осуществить поворот к лучшему в той или иной области, а сделать, наконец, хоть один такой поворот. Не стоит впадать в отчаяние оттого, что этих целей нельзя достичь при существующем правительстве и нынешней административно-чиновничьей системе. «Ниже вливают вина нова в мехи ветхи...»⁹⁰ Первый шаг второй Реставрации, которая выведет страну из тупика, должен состоять в сломе централизованной, унифицированной, забюрократизированной административной системы, в осуществлении ее глубокой децентрализации. Именно под такими лозунгами в нашей стране должна произойти великая административная революция.

= Сбор местных налогов нужно возложить на местные власти =

Передовые статьи номеров журнала «Тоё кэйдзай симпо» от 6 июня, 20 июня и 4 июля 1925 года

Развитие местного самоуправления в значительной мере влияет не только на судьбу власти в данной стране, но и на судьбу этой страны в целом. Эту истину люди смутно ощутили уже довольно давно, но споры о ней не утихают и по сию пору.

При всем при том, говоря о необходимости наладить самоуправление, громадное большинство людей не подозревают о том, какая это на самом деле трудная и серьезная работа. Провозглашая необходимость больше работать на местах, они совершенно не думают о реальных префектурах, уездах, городах, поселках и деревнях, а если и размышляют о них, то с совершенно ошибочных позиций. Нередко почему-то считается, что в структуре местного самоуправления префектуры стоят выше уездов, а те, в свою очередь, выше городов, поселков и деревень. Если следовать такой логике, то оказывается, что высшим административным органом в стране является центральное правительство, а все местные администрации и, в частности, администрации префектур, есть не более чем власть второго сорта. Ясно, что сторонники такой точки зрения не заинтересованы и в принципе не могут быть заинтересованы в развитии местного самоуправления.

С моей точки зрения, для эффективной работы системы местного самоуправления необходимо, чтобы территории, на которых действуют те или иные органы власти, были бы сравнительно невелики. Жители небольшой территории тоньше чувствуют достижения местных властей, а каждый из жителей может практически напрямую влиять на проводимую властями политику.

В то же время в такой ситуации местным властям предоставляется немало

возможностей продемонстрировать, что они действительно работают на благо населения, на благо каждого жителя этой местности. Как говорил Джон Стюарт Милль, любое правительство наряду со своей основной функцией играет и еще одну, просветительскую роль: в определенном смысле оно работает на благо просвещения масс и укрепления общественного духа. Центральные власти или власти обширных территорий имеют дело с большими массами людей. В свою очередь, эти массы имеют мало возможностей для того, чтобы непосредственно повлиять на власть. Исключения возникают разве что в предвыборный период, но ведь выборы проводятся только раз в несколько лет. А все остальное время население лишь следит за действиями властей издали, узнавая о тех или иных решениях из публикаций в газетах (а, говоря точнее, населению просто не оставляют никакой иной позиции, кроме позиции стороннего наблюдателя).

Повседневная работа центрального правительства также непосредственно не связана с массами; более того, поскольку последние не имеют возможности оценить плюсы и минусы этой работы, то нередко вообще с трудом понимают, в чем она состоит.

Словом, когда власть распространяет свое влияние на обширную территорию, то она перестает выполнять просветительскую функцию, перестает укреплять общественный дух. В результате интерес простого народа к власти не выходит из сферы зрелищ: на действия власти просто смотрят, как смотрят на поединок борцов *сумо* или на театральное представление.

Отсюда ясно, что народ будет доверять центральной власти только до определенного предела. И именно в этом обстоятельстве кроется необходимость развития системы местного самоуправления. Ведь местная власть осуществляет свою деятельность на небольшой территории, где каждый интересуется действиями власти, понимает, что она делает, словом, чувствует свою причастность к происходящему. В этом случае власть действительно выступает как педагог, укрепляющий общественный дух и просвещающий народ – а можно ли желать большего?

Вывод: чем меньше территория, на которой действует орган местного самоуправления, и чем более он независим в своей работе, тем легче ему содействовать укреплению общественного духа и просвещению народа.

В Японии таким критериям более-менее отвечают только органы власти городов, поселков и деревень; территории префектур уже для этого слишком велики. Конечно, в каждой префектуре существует и действует префектуральное собрание, однако обычно оно гораздо слабее палаты представителей парламента и напоминает ее только тем, что и в нем тоже идет нешуточная политическая борьба.

Не в этом ли причина того, что губернаторы и их подчиненные больше прислушиваются к мнению высокопоставленных чиновников из центральных государственных учреждений и полностью игнорируют органы местного самоуправления? (Кстати, у меня создалось впечатление, что и городские муниципальные образования у нас стали уже очень обширными. Может быть, стоит разрешить создание новых органов местного самоуправления на уровне городских районов?)

Рассматривая нашу систему местного самоуправления в том ее виде, который существует в настоящее время, легко прийти к выводу, что там, где самоуправление нужнее всего – а именно, в городах, поселках и деревнях – оно является таковым только по названию; иными словами, подлинной системы местного самоуправления у нас на самом деле не существует.

Справедливость последнего утверждения яснее всего видна на примере налоговой системы. Так, на уровне префектур существуют префектуральные налоги на предпринимательскую деятельность, налоги на строения и прочие такого же рода сборы. Известно, что в суммарном бюджете всех японских префектур на эти налоги приходится более половины всех налоговых поступлений. Однако какая часть этих поступлений доходит до городов, поселков и деревень?

Надо сказать, что кроме префектуральных налогов, в городах, поселках и деревнях существуют еще и свои особые налоги, однако в действительности основными источниками налоговых поступлений служат государственные и префектуральные налоги – другие на их фоне просто не видны. Говоря точнее, налоговые поступления в поселках и деревнях на 98% состоят из средств, полученных от сбора государственных и префектуральных налогов. Немного иное положение в городах, где в последнее время были введены особые дополнительные налоги, но и там государственные и префектуральные налоги обеспечивают более 80% всех налоговых поступлений (изменения в местной налоговой политике, принятые на 51-й сессии парламента, внесут в эти цифры некоторые коррективы, которые, впрочем, легко оценить).

Как бы то ни было, результат очевиден: сколь бы напряженно ни работали сегодня люди в городах, поселках и деревнях, они все равно не имеют доступа ни к централизованно распространяемым финансовым ресурсам, ни к главным источникам важных для всякой власти налоговых поступлений и сборов. А, значит, можно смело сказать, что самостоятельности и независимости у наших местных властей нет ни на гран! Если органы местного самоуправления действительно хотят делать свое дело, то у них нет иного выхода, кроме как идти на поклон к государственным или префектуральным властям. Более того, местные власти могут строить любые планы по поддержке населения – государству или префектуре ничего не стоит разрушить эти планы. В этом обстоятельстве и состоит главная причина застоя в нашей системе местного самоуправления; здесь же кроется и главный резерв развития этой системы: налоги, собираемые на той или иной территории, нужно отдавать этой же территории!

Передавая в систему местного самоуправления поступления от сборов нынешних государственных и поземельных налогов, а также от налога на предпринимательскую деятельность (промысловый налог), мы создадим независимый источник финансирования системы местного самоуправления. Эти средства можно будет использовать для стабильного развития местного самоуправления, а, значит, и местной промышленности.

Не думаю, что это мое предложение вызовет массовые протесты на местах. Вопрос, скорее, будет состоять в другом: как успешно справиться с колебаниями и противодействием лиц, ответственных за реализацию этого предложения, если оно будет принято? Последний вопрос, в свою очередь, влечет за собой еще два. Во-первых, как изменятся в связи с этим расходная и доходная части бюджета центрального казначейства? Во-вторых, есть опасность, что налоговые поступления на местах будут использоваться недостаточно эффективно.

Что можно на это ответить? Только то, что у меня, по правде говоря, тоже есть на этот счет некоторые опасения...

Но оставим пока в стороне первый вопрос и сосредоточимся на втором. И тут я хочу сказать вот о чем. В последнее время я положил немало сил на изучение нашей системы местного самоуправления. И чем дольше я ее изучал, тем сильнее становилось у меня ощущение, что нам не нужно поддаваться ложным страхам. Местное самоуправление, особенно самоуправление в поселках и деревнях, сейчас не просто развивается, но идет вперед семимильными шагами, несмотря на большое число препятствий и трудностей - и этому можно только радоваться. Как мне представляется, нужно оседлать существующие положительные тенденции, подкрепить развитие системы местного самоуправления из независимых финансовых источников и сделать так, чтобы эти позитивные тенденции стали главенствующими. Тем более, что независимые финансовые источники, призванные решить эту задачу, финансистами давно уже найдены: лучше всего подходят на эту роль все те же поземельный и промысловый налоги.

Проблема передачи налогов местным органам власти имеет и еще несколько аспектов, на которые нужно обратить особое внимание.

Во-первых, как уже говорилось, если уж передавать на места поступления от налогов,

то передавать их нужно в города, поселки и деревни, ибо именно их органы власти составляют ядро всей системы местного самоуправления. Если мы хотим, чтобы местное самоуправление действительно развивалось и готовы выделить на его укрепление определенные средства, то выплачивать их нужно в адрес городов, поселков и деревень. Передавая поступления от поземельного и промыслового налогов на места, мы создадим независимый финансовый источник, питающий всю систему местного самоуправления.

Немного иная ситуация в префектурах. Обычно префектуры тоже относят к системе местного самоуправления, однако на самом деле префектуры, в отличие от городов, поселков и деревень, к этой системе не принадлежат.

Безусловно, как уже отмечалось, в префектурах тоже существуют выборные органы власти – это префектуральные собрания, избираемые жителями городских и сельских населенных пунктов данной префектуры. Однако реальная власть в префектурах принадлежит не им, а префектуральным управлениям, представляющим собой не более, чем ответвления центрального правительства, которые надзирают за деятельностью префектуральных собраний. И губернаторы, которые фактически возглавляют префектуральные собрания, и подчиненные им начальники префектуральных управлений внутренних дел, начальники полиции и т.п. – все они связаны по рукам и ногам распоряжениями центрального правительства. Все они ориентируются на решения центрального правительства и, что бы они сами ни говорили, не имеют ни желания, не возможности работать на благо местных жителей. Такое положение дел наблюдается в 99 случаях из 100, и именно в нем кроется основная причина того, что у нас не развиваются ни местное самоуправление, ни местная промышленность.

В последнее время заговорили о том, что такое положение можно исправить, сделав должность губернатора выборной. Мне представляется, что проблема в ином. Дело в том, что само существование префектур противоречит основным принципам действия системы местного самоуправления. Поэтому передача поступлений от поземельного и промыслового налогов в руки префектуральных властей приведет к деградации самоуправления. Это не тот путь, по которому нужно идти.

Почему это так? Префектуральные власти сейчас ведут два рода деятельности. Первую можно условно назвать настоящей работой на местах; к ней, в частности, относятся инженерно-строительные работы, обеспечение деятельности учебных заведений, поощрение местной деловой активности, а также некоторые иные функции – например, те, которые выполняет местная полиция. Деятельность второго рода связана с отправлением всякого рода юридических функций. Традиционно она считается более важной, чем первая.

Мое предложение состоит в том, что деятельность первого рода нужно доверить непосредственно городам, поселкам и деревням, либо, при необходимости, специальным новым органам власти, объединяющим представителей этих населенных пунктов. Что же касается деятельности второго рода, то на местах ее с успехом может вести либо сильно сокращенный штат тех же префектуральных управлений, либо специальные представительства центрального правительства. Проще говоря, я считаю, что префектуральные управления в их нынешнем виде следует упростить, как это было сделано с уездными управлениями, а осуществление функций местного самоуправления доверить самим населенным пунктам или (если отдельным населенным пунктам будет трудно вести такую работу) – неким новым объединенным органам самоуправления.

Я совершенно твердо убежден в том, что осуществление подобного плана устранил все препятствия на пути развития деловой активности на местах. Примеры тому есть: ликвидация уездных органов власти и передача их функций в префектуры и населенные пункты дали положительные результаты. Теперь настала пора сделать следующий шаг – ликвидировать префектуры и передать большую часть их функций в города, поселки и деревни, а оставшиеся поручить центральному правительству. Местные источники финансирования также нужно предоставить в распоряжение населенных пунктов. Только

тогда наша система местного самоуправления обретет новые силы для своего развития, а мы сможем заложить прочную основу для проведения других, давно ожидаемых в Японии, реформ: реформы административной системы, реформы системы образования, модернизации промышленности.

Но смогут ли в населенных пунктах должным образом организовать сбор поземельного, промыслового и иных подобных налогов? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, посмотрим, как обстоит дело сейчас. В настоящее время значительная доля налоговых поступлений в населенные пункты приходит от так называемых добавочных, или дополнительных, налогов, размер которых определяется префектурами, а собираются они на местах. А как обстоит дело с общегосударственными налогами? Оказывается, центральное налоговое управление лишь определяет размер этих сборов, а непосредственное взимание налогов также осуществляется властями населенных пунктов. При этом система устроена так, что власти городов и сел практически полностью отстранены от распределения средств, собранных с жителей этих населенных пунктов.

Так, в частности, для того, чтобы должным образом организовать взимание жилищного налога и налога на хозяйство, власти населенных пунктов ежегодно сообщают в префектуру данные о числе налогоплательщиков, а префектура на основании этих данных сообщает, где и сколько налогов нужно собрать. Каждый из населенных пунктов имеет право решением своего законодательного органа перераспределять налоговое бремя в зависимости от положения дел на том или ином участке, т.е. имеет право ранжировать налогоплательщиков в рамках спущенной сверху общей квоты.

Иными словами, в том, что касается функционирования системы налогообложения в целом, общих сумм сборов, а также префектуральных налогов (например, промыслового), власти населенных пунктов ориентируются на решения префектур. Но если речь идет о процедуре взимания налогов с конкретных плательщиков, то здесь власти городов (особенно крупных), поселков и деревень пользуются значительной самостоятельностью.

Резюмируя, можно сказать, что власти муниципальных образований уже сегодня проводят большую и совершенно конкретную работу по взиманию налогов, поэтому передача в их ведение поземельного и промыслового налогов не создаст для этих властей больших проблем. Напротив, лучше других зная конкретные местные условия, они вполне могут уменьшить налоговое бремя отдельных налогоплательщиков, но зато увеличить поступление налогов в целом.

Представляется естественным, что прежде всего в ведение муниципальных образований нужно передать поземельный налог. Одновременно необходимо полностью изменить существующую систему учета земель (земельный кадастр) и ввести дополнительное налогообложение нетрудовых доходов. При этом основные принципы подобной реформы необходимо сформулировать законодательно.

Безусловно, нынешний застой – явление сложное, его нельзя свести к какой-то одной причине. Но главную из этих причин назвать можно, и состоит она в том, что сквозь существующую административную систему лишь с очень большим трудом можно разглядеть лица конкретных людей, проживающих в тех или иных городах и селах. Нынешняя система устроена так, что власти муниципальных образований (а уж тем более – больших городов) и не должны вглядываться в лица конкретных людей – не это составляет суть их работы. Как уж говорилось, основная цель местных властей – разыскивать и эксплуатировать источники финансовых поступлений, а эта цель, согласитесь, не имеет ничего общего с идеей местного народовластия.

Теперь я хочу затронуть проблему, которая ранее фигурировала в нашем анализе под N 1, а именно: как скажется передача поземельного и промыслового налогов в ведение муниципальных властей на бюджете центрального правительства?

На мой взгляд, здесь имеют право на существование два подхода. Первый состоит в том, чтобы оставить систему распределения финансовых ресурсов (а, следовательно, и

административных функций) в ее нынешнем виде. Надо сказать, что немалое число людей считает, что так и надо поступить и что не стоит утруждать себя дальнейшими размышлениями на этот счет. Однако если просто передать эти два налога на места и не предпринимать никаких иных действий, то в бюджете центрального правительства образуется дыра.

Для людей, которые взяли на себя труд чуть глубже погрузиться в эту проблему, скоро становится очевидным и другое обстоятельство. Когда речь заходит о вливании в систему местного самоуправления дополнительных поступлений от поземельного и промыслового налогов (а это более 100 млн. иен!), кажется крайне неразумным обеднять смысл этой акции и сводить ее только к перераспределению налогов. На проблему нужно смотреть шире. Суть предлагаемых мер – не в том, чтобы найти новые источники финансирования муниципальных образований, а в том, чтобы создать на местах подлинное самоуправление. Передача двух налогов на места и призвана стать средством для достижения этой цели. Соответственно, и центральное правительство, преследуя цели развития местного самоуправления, должно отказаться от курса на унификацию и строго воздерживаться от любого – и позитивного, и негативного – вмешательства в дела территорий. Под «негативным» вмешательством я имею в виду запреты («того не делать, этого не предпринимать»), а под «позитивным» – указания («делай это, делай то»).

Пока же, насколько можно судить, центральное правительство постоянно вмешивается в работу системы местного самоуправления. В результате местная система образования, транспорт, водоснабжение, канализация, полиция – да буквально все предприятия и сферы деятельности – вынуждены следить за каждым вздохом центрального правительства, а, главное, постоянно ходить к нему на поклон за всяческими ассигнованиями, субсидиями и дотациями.

Для иллюстрации достаточно обратиться к цифрам бюджета за нынешний, 1925 финансовый год. Расходы государственного казначейства на поддержку системы образования составят в этом году 40 млн. иен (на 1926 год запланировано увеличение до 70 млн. иен, на 1927 год – до 75 млн. иен). На ремонт дамб, портов, дорог по всей стране запланировано 26 млн. иен. На поддержание же в действующем состоянии водопроводов и канализации, зарплату учителям и тому подобные местные расходы ассигнуется около 30 млн. иен (сюда не включены расходы на восстановление столицы Империи в размере около 120 млн. иен; они выделены в отдельную статью). Общая сумма всех вышеупомянутых ассигнований составляет, таким образом, около 96 млн. иен. На деятельность местных администраций и полиции из бюджета выделяется еще 32 млн. иен. Соответствующие цифры на 1926 и 1927 годы мне разыскать не удалось, однако их порядок можно оценить по тому, насколько планируется увеличить ассигнования на систему образования. В результате оказывается, что общая сумма финансовой поддержки, которую центральное правительство планирует оказать провинции, не превышает 150 млн. иен. При первом взгляде на эту цифру кажется, что провинция должна от всего сердца благодарить центральную власть за такую мощную финансовую помощь, но на самом деле – ничего подобного, это совершенно мизерная величина!

Но дело даже не в абсолютных цифрах. Дело в том, что своими действиями центральные власти создают чрезвычайно труднопреодолимые препятствия для развития системы местного самоуправления и, более того, унижают людей, составляющих опору этой системы. Возникает порочный круг: раз центральное правительство так относится к людям, живущим в провинции, то стоит ли им самим предпринимать какие-то усилия, проявлять инициативу? Все равно для решения любого вопроса придется обращаться к центральным властям. Самым отчетливым образом этот порок бросается в глаза во время выборов: так, выбирая мэров Токио и других крупных городов, люди судят о кандидатах прежде всего по тому, насколько у них хорошие связи в центральном правительстве.

Еще одна особенность существующей системы – обилие мелких, разобщенных,

неэффективных предприятий и, как следствие, излишние финансовые затраты на их содержание. Пример: кроме государственных дорог, проложенных в городах, поселках и деревнях, у нас существуют также префектуральные и муниципальные дороги, находящиеся, соответственно, в ведении префектур и населенных пунктов.

Такая структура очень хороша для эффективной организации перевозок, и все эти дороги активно эксплуатируются. Но – только до тех пор, пока не возникает необходимость их отремонтировать. Компании, которые выполняют этот ремонт, работают за счет субсидий, поэтому они относятся к полученным от государства средствам с гораздо меньшим пиететом, чем к своим собственным – проще говоря, не считаются с расходами вообще. Результат: эти компании идут на какие угодно уловки, чтобы получить деньги от центрального правительства и тут же их как можно быстрее «освоить». Центральное правительство, естественно, стремится проконтролировать эти расходы и потому активно вмешивается в деятельность подобных компаний, но толку от этого вмешательства обычно нет никакого. (Недавний пример – растраты в ряде мест разнообразных дотаций и субсидий, выделенных на ликвидацию последствий разрушительного землетрясения 1923 года).

Как уже говорилось, одна из целей предлагающейся передачи поземельного и промыслового налога в ведение территорий как раз и состоит в том, чтобы дать им независимый источник финансирования для развития системы местного самоуправления. Но такую реформу нужно обязательно осуществить и еще по одной причине: она лишит местные предприятия возможности бесконтрольно использовать государственные субсидии.

В Великобритании для того, чтобы улучшить работу органов образования, коммунальных служб и других подобных структур, пошли на постепенный отход от системы государственных субсидий при одновременной передаче функций контроля на местах в ведение центрального правительства (при специальной оговорке, что делается это лишь в том случае, если это не наносит ущерб местному самоуправлению). Наверное, даже Англия, где всегда были сильны традиции местного самоуправления, почувствовала необходимость каких-то перемен в этой области.

В нашей стране также долгое время полагали, что система государственных дотаций является наиболее действенным механизмом для повышения уровня жизни в провинции. Наверное, вначале так оно и было, однако со временем компенсационные выплаты превратились в серьезное препятствие на пути местного самоуправления. Сейчас настало время реформировать эту систему.

Бесспорно, предлагаемая передача поземельного и подоходного налогов в ведение местных властей приведет к тому, что центральное правительство недосчитается части средств, поступавших к нему в виде этих налогов. Однако важно учесть, что вместе с тем уменьшатся и его расходы, ибо теперь правительство будет избавлено от необходимости выделять территориям те или иные субсидии. Сейчас на эти цели под разными предлогами ежегодно расходуется более 100 млн. иен. С переходом на новую систему все эти выплаты можно будет прекратить.

Теперь рассмотрим те средства, которые государство сейчас ассигнует на содержание местных префектуральных управлений, а также на содержание полиции. Если, как я это снова и снова предлагаю, распустить префектуры и часть функций префектуральных чиновников переложить на плечи центрального правительства, то отпадет необходимость в выделении соответствующих финансовых средств. По моей оценке, подобного рода расходы составляют сейчас от 10 до 20 млн. иен в год. Поступления же от сборов поземельного и промыслового налогов образуют гораздо большую сумму – около 130 млн. иен в год. Таким образом, если предоставить два налога в распоряжение территорий и одновременно отменить дотации, то центральное правительство получит возможность существенно сэкономить.

В свою очередь, территории, получив возможность распоряжаться поступлениями от этих налогов, обретут дополнительные степени свободы. А если сделать следующий шаг и

передать в ведение территорий поступления не только от этих двух налогов, но и от других, скажем, от так называемых нетрудовых налогов, то налоговые сборы на местах выросли бы в несколько раз по сравнению с нынешними.

И еще. Отказавшись от компенсационных выплат из центра, на местах получают новые возможности для наведения порядка во взимании разнообразных местных налогов. Вместе с поступлениями от двух вышеупомянутых налогов это, с очевидностью, позволит заметно улучшить финансовое положение муниципальных образований. Я уже не говорю о том, что прекращение компенсационных выплат приведет к усилению экономических рычагов воздействия на местные предприятия, сократит разбазаривание средств и, наконец, принесет значительные моральные дивиденды, ибо будет способствовать повышению культуры самоуправления.

= Рассмотрение дела военнослужащего в военно-полевом суде и проблема «особых поселений»⁹¹ =

Опубликовано в номере журнала «Тоё кэйдзай симпо» от 3 декабря 1927 года под рубрикой «Хроника»

19 ноября во время специального общего смотра войск, походившего на учебном плацу Хигаси в городе Нагоя, рядовой второго разряда 68-го пехотного полка 3-й дивизии Китахара Тайсаку предпринял попытку подать жалобу Императору.⁹² Этот инцидент вызвал крайнее замешательство среди армейских чинов. О дискриминации в армии так называемых *буракумин* было известно давно, но чтобы из-за этого произошел инцидент в конкретном полку и дело дошло до подачи петиции - такого еще никогда не было. Немудрено, что армейские власти оказались в замешательстве; более того, думаю, это хорошо, что они оказались в замешательстве.

Впрочем, то возбуждение, с которым автор пишет об этом инциденте, не должно заслонять сути случившегося. Проблемы так называемых спецпоселений (а на самом деле проблемы дискриминации людей в Японии) исключительно сложны, и одними теоретическими рассуждениями их не решить. Но очевидно одно: раз случившись, такие инциденты будут повторяться. Однако если ответственность за подобные случаи будут снова и снова возлагать только на армейских командиров, только на руководство данного конкретного полка, то, помяните мое слово, скоро армейские чины от своего смущения избавятся!

На произошедшее нужно смотреть шире. Данный инцидент должен заставить сначала армейских начальников, а потом и весь народ обратить самое пристальное внимание на проблему так называемых *буракумин* и начать поиски путей ее решения. Это хорошо, что военные сейчас оказались в замешательстве. Но главное не в этом, а в том, чтобы случившееся дало повод для более серьезных размышлений.

К моему глубокому сожалению, военно-полевой суд при 3-й дивизии, рассматривая дело рядового Китахара, не предоставил подсудимому достаточных средств для защиты своих интересов, как того требует закон. Судя по сообщениям газет, к обвиняемому Китахара даже не допустили адвоката. Более того, суд вообще попытался спешно закрыть дело после единственного заседания 25 ноября, причем защите «за недостатком времени» не дали даже внести подготовленное ею заявление. Когда же заседание было продлено и защита попыталась снова внести свое заявление, то суд снова его отклонил. Кроме того, судя по тем же газетным сообщениям, и на заседании 25 ноября, и на заседании 26 ноября было несколько моментов, когда судьи не позволили подсудимому свободно высказать свое мнение.

Как известно, суд по самой своей сути призван нести высшую справедливость.

Искренне хочется верить в то, что и в ходе заседаний данного военного суда справедливость восторжествовала. Однако, как мне представляется, в этом случае важна не только суть, но и форма. Суд призван не только вынести справедливый приговор, но и облечь его в такую форму, чтобы любой человек сразу увидел, что принято действительно авторитетное и справедливое решение.

Наверное, именно с этой целью закон предусматривает проведение открытых судебных заседаний и предоставление подсудимому адвоката. Но было ли решение данного суда всесторонне обдуманым и взвешенным?

Впрочем, вне зависимости от того, каким будет ответ на этот вопрос, можно сказать, что прошедший судебный процесс имеет большую важность, ибо он привлек внимание к проблеме дискриминации жителей так называемых спецпоселений. Судебное разбирательство также показало, что необходимо более тщательно прорабатывать форму судебных решений. Но главное, что показал этот случай - люди не должны мириться с дискриминацией и несправедливостью в армии и в обществе в целом.

Главный же недостаток состоявшегося процесса мне видится в том, что подсудимому не дали возможности свободно высказать свое мнение, ему не был предоставлен адвокат. Все это не только выставило в невыгодном свете командование дивизии, но и поколебало доверие к армии в целом, ибо последняя в очередной раз продемонстрировала, что ее совершенно не волнуют подобные проблемы. Было ли решение суда справедливым? Лично у меня существуют серьезные сомнения в том, что принятое решение поможет исправить ошибки, допущенные командованием полка, равно как и послужит делу предупреждения подобных случаев в будущем.

Но, как бы то ни было, справедливо одно: состоявшееся разбирательство ярко высветило то обстоятельство, что и армии, и обществу в целом нужно обратить самое пристальное внимание на эту проблему и форсировать поиски ее решения.

= Истинное лицо коммунизма =

= Не нужно бояться дискуссий =

Передовая статья номера журнала «Тоё кэйдзай симпо» от 28 апреля 1928 года

История дает немало примеров того, как рост интереса к новому учению, рост его популярности влекут за собой рост противодействия этому учению. Для того, чтобы подтвердить справедливость данного тезиса, достаточно открыть любой учебник истории. Оставим в стороне такие примеры из далекого прошлого, как история Джордано Бруно или дело Галилея. Вот более свежий пример: как пробивала себе дорогу идеология Реставрация Мэйдзи? Находившееся тогда у власти правительство Токугава⁹³ стремилось во что бы то ни стало уничтожить эту опасную для него идеологию и потому оказывало долгое и ожесточенное сопротивление ее распространению. Достаточно вспомнить печально знаменитые репрессии годов Ансэй,⁹⁴ когда в застенки было брошено более двухсот человек, или напомнить о гибели таких провозвестников новых взглядов, как Умэда Гэндзиро или Раймики Сабуро. Однако, как известно, эти репрессии не смогли остановить рост влияния новой идеологии, который в конце концов вылился в революционные изменения, получившие название Реставрации Мэйдзи.

Безусловно, когда известен результат противостояния, то очень легко рассуждать о том, что противники новой идеологии были неправы. Как говорится,

*«Мятеж не может кончиться удачей,
В противном случае его зовут иначе».⁹⁵*

Но когда идет ожесточенная борьба с непредсказуемым исходом, когда противники бьются не на жизнь, а на смерть, то вряд ли один из них будет сомневаться в собственной правоте. Каждый верит, что он бьется за правду, а противник – за кривду. И именно эта уверенность заставляет противников сражаться так, что в поединке, как говорится, стачиваются мечи...

Сегодня, с высот исторического опыта, многие такие конфликты кажутся бессмысленными, а их исход - очевидным. Почему? Во-первых, потому, что властям так и не удалось подавить набирающую силу новую идеологию, а, во-вторых – потому, что эти конфликты сопровождались совершенно ненужными смутами и беспорядками. Но так ли это на самом деле?

Снова обратимся к Реставрации Мэйдзи. Произошла бы в нашей стране Реставрация, если бы тогдашнее военное правительство *бакуфу* и его противники проявили немного мудрости и не допустили бессмысленных междоусобиц? Думаю, что, скорее всего, в Японии все равно бы произошла революция, но только на этот раз более мощная и тщательно подготовленная. В ходе этой смуты на Японию все равно обрушились бы бедствия войны, только в этих столкновениях пролилось бы еще больше крови. Однако в итоге этих столкновений вполне мог бы родиться компромисс между правительством *бакуфу*, выступавшим за открытие японских портов для иностранцев, и антисёгунскими силами, ратовавшими за почитание Императора. Так что лозунг Реставрации Мэйдзи «почитание Императора, изгнание варваров» вполне мог бы превратиться в другой – скажем, «почитание Императора, открытие страны».

Нечего и говорить, что такая «прозорливость» автора недорого стоит. Наверное, смуты начала эпохи Мэйдзи действительно были бессмысленными, но еще более абсурдно рассуждать о том, как было бы замечательно, если бы в годы Ансэй и в период Бункю⁹⁶ чиновники сёгунского правительства и самураи разных кланов думали так, как думаем сегодня мы. И наоборот: было бы по меньшей мере неразумно предполагать, что деятели *бакуфу* и мудрецы из Киото⁹⁷ смогли бы не пойти по тому, полному ошибок и разочарований, пути, который они тогда выбрали. Именно подобная «неразумность» заставляет нас учиться на ошибках прошлого, именно она придает осмысленность научным исследованиям.

Некоторые философы, например, Маркс, с каким-то особенным фатализмом верят в прогресс человеческого общества, искренне полагают, что существуют какие-то объективные законы, управляющие ходом его развития. По-моему, подобные рассуждения есть ни что иное, как просто попытки как-то скрасить тяготы нашей жизни. Разве в самом богатом и развитом обществе нет людей, занятых в буквальном смысле слова поисками пропитания? Разве нет тех, кто прилагает все силы, чтобы не повторять прошлых ошибок? Неужели от них ничего не зависит? Как вообще развитие общества может идти по каким-то объективным законам, действующим без участия людей? Получается, что люди, отдававшие все силы своему делу, теперь должны сказать: «Ничего не поделаешь, начали действовать объективные законы» - и отойти в сторонку? Да разве люди могут оставить любимое дело - пусть даже иным оно кажется бесполезным?

Размышляя с этих позиций над недавними событиями, связанными с арестами коммунистов,⁹⁸ автор не может не испытывать сожаления. Если они действительно тайно вынашивали агрессивные планы, хотели нарушить общественный порядок и стремились противопоставить себя государству, то этим людям, безусловно, следовало воспрепятствовать. Но даже и в этом случае нельзя удовлетворяться только предъявлением обвинений конкретным заговорщикам. Необходимо по крайней мере ответить на вопрос, что именно толкнуло их на организацию подобного заговора.

Говорят, что премьер-министр Танака⁹⁹ докладывал Императору об этих событиях с тяжелым сердцем, что он чуть ли не *харакири* хотел сделать. Думаю, если бы премьер с подобными же чувствами обратился к размышлениям о положении дел в японском обществе, то он открыл бы для себя много нового...

Позволю себе высказать свое скромное мнение по этому вопросу. Оно таково: если группа злодеев под общим названием «коммунисты» действительно замышляла подобный заговор, то тому, с очевидностью, должны были быть какие-то причины.

Для иллюстрации снова обратимся к временам правления сёгунов Токугава. Тогда думающие люди, недовольные своими правителями, выдвинули теорию возрождения императорской власти. Однако правительство Токугава лишило их всякой возможности публично высказывать свои взгляды. Результат? Обсуждение переросло в заговор. И, между прочим, вовлечены в него оказались люди высокого долга, истинные патриоты Японии.

Наверное, нынешних коммунистов отбирают совсем по иным критериям. Гадать не буду – здесь нужен трезвый и спокойный анализ. Но если вернуться к тому же историческому примеру, то можно с уверенностью сказать, что среди патриотов эпохи Токугава было немало достойных людей, поступки которых сегодня справедливо превозносят и воспевают. Однако столь же очевидно, что среди ближайшего окружения этих героев, среди тех, кто вместе с ними участвовал в антисёгунском движении, было немало бродяг, мошенников и вообще сомнительных личностей.

Прошлое всегда кажется лучше настоящего – не в последнюю очередь благодаря тому, что сейчас для нас стало явным то, что в прошлом оставалось тайным. Всем, кто пытается судить о прошлом с позиций сегодняшнего дня, следует обратить на это самое пристальное внимание...

Нет, автор вовсе не считает, что коммунизм – это хорошо, а люди, входящие в группу заговорщиков – это сплошь патриоты и ходячие носители добродетели. Автор просто хочет подчеркнуть следующее. Сейчас человек, слышав слово «коммунисты» (даже не зная никого из них в лицо), сразу решает: «А, это те, кто проповедует опасные мысли, кто хочет гибели государства. Говорить с ними не о чем, вести какие-то дискуссии – бесполезно». И вот это-та уверенность по настоящему опасна!

Что такое коммунизм? Наверное, для ответа на этот вопрос нужно написать куда больше, чем одну статью... Но если говорить коротко, то коммунизм – это не более, чем некий идеал общественного устройства. Старый коммунистический лозунг гласит: «От каждого – по способностям, каждому – по потребностям». Иными словами, коммунисты пытаются создать из общества некое подобие дружной семьи, единый семейный очаг. Или, если привести немногим более живописное сравнение, хотят сделать из страны и мира некое подобие современной армии, только без присущего ей авторитета силы.

По логике коммунистов, идеальное общество должно подчиняться вовсе не власти силы. Идеальное общество коммунистов – это такое общество, в котором царит строгий порядок, но сохраняется он исключительно за счет того, что каждый работает в меру своих сил, а материальные блага распределяются между людьми в меру их потребностей. Когда-то китайские правители видели идеал правления в недеянии. Насколько можно судить, некий подобный привкус несет в себе и коммунистический идеал.

Уверен, что многие люди, прочитав эти строки, сразу же придут к выводу, что коммунистический идеал – это не более, чем прекрасная мечта. Да, это мечта, но мечта и должна быть прекрасной. Разве это плохо – мечтать, тем более, мечтать о чем-то хорошем? Ведь мечта – это мать всех высших достижений человечества.

Но почему же тогда люди смотрят на коммунизм со страхом и отвращением, словно на змею или на скорпиона? Наверное, дело здесь не в самой чистой мечте как таковой. Попробуем разобраться.

Философы Древнего Китая пытались построить здание идеального общества с помощью учений, проповедующих мораль и человеколюбие. Современным коммунистам такие инструменты не нравятся. Они намерены действовать по-иному: перво-наперво произвести революцию и установить так называемую диктатуру пролетариата, а затем властью этой диктатуры перевоспитать всех членов общества таким образом, чтобы они приобрели высокие моральные качества, отвечающие идеалам коммунистического

общественного устройства. Поэтому главная опасность коммунизма состоит не в идее, а в методах и средствах, которыми они собираются строить свое идеальное общество. Вопрос не в цели, к которой они стремятся, а именно в способах, выбранных коммунистами для достижения этой цели.

Насколько можно судить, коммунисты считают, что в определенных исторических условиях применение таких средств является неизбежным. Но будет ли созданный такими методами идеал отвечать человеческой природе? Это еще большой вопрос, и от обсуждения этого вопроса коммунистам не уйти. Непонятно только, почему мы сами уходим от дискуссий на такие темы. Нужно не бояться коммунизма, а обращаться с ним так же, как и с любым другим политико-экономическим учением.

= Помнить о павших =

= Военная экспедиция – не повод для шуток. Народ должен потребовать вывода войск! =

Передовая статья номера журнала «Тоё кэйдзай симпо» от 15 мая 1928 года

Отправка наших войск в Китай повлекла за собой самые тяжелые последствия.¹⁰⁰ В Цзиннани решение о направлении войск было воспринято так, что между Японией и Китаем начались военные действия. В настоящий момент переброска многочисленного воинского контингента продолжается; планируется направить в Китай по меньшей мере 25 тыс. военнослужащих. Только для того, чтобы перевезти такой контингент на материк, потребуется более 10 млн. иен, а месяц пребывания наших войск в Китае будет обходиться примерно в 5 млн. иен.

В свое время нынешний премьер-министр господин Танака, будучи военным министром, уже выбросил на ветер несколько сотен миллионов иен государственных средств, направив японские войска в Сибирь. Тогда это решение повлекло за собой обострение множества внутренних проблем, таких, как проблема золотовалютных резервов, проблема так называемого скрытого финансирования и т.п. (Добавьте сюда обострение иных проблем, вызванное ростом недоверия части населения к проводимой политике).

Не думаю, что экспедиция в Китай будет столь же длительной, как Сибирская экспедиция, однако глубокое беспокойство вызывает уже сам факт повторения прошлой ошибки с отправкой экспедиционного корпуса за рубеж.

Следует отметить, что выбросив на экспедицию 10 млн. иен государственных средств, власть сама занесла в нашу жизнь грибок политической гнили, последствия развития которого не заставят себя долго ждать. А наши бедные люди в результате очередного «инцидента» снова будут невыносимо страдать, наблюдая за тем, как за границей льется кровь их соотечественников...

Правительство пока не опубликовало никаких официальных данных о потерях, но, судя по сообщениям газет, только в Цзиннани уже погибло более двухсот наших солдат.

Легко раненых еще можно вылечить. Хуже судьба тех, кто получил серьезные ранения и стал инвалидами. Но вот погибшие... Их к жизни не вернуть, и не помогут здесь ни слезы, ни причитания... Нет слов, чтобы описать несчастную долю этих людей. А каково их близким – отцам, матерям, женам, детям, братьям и сестрам?..

Вспоминается такой случай. После окончания русско-японской войны генерал Ноги¹⁰¹ совершал поездку по стране. В ходе поездки была запланирована встреча с одной старушкой, потерявшей на войне своего единственного внука. Невзирая на то, что перед ней был боевой генерал, пожилая женщина встретила его градом упреков. Помрачневший Ноги не нашел, что ей ответить...

Думаю, что среди погибших сейчас в Китае немало тех, кто был единственной опорой своей жене и детям. А смерть такого человека – это не только его смерть, это смерть целой

семьи.

Размышляя о судьбах погибших, я снова и снова задаюсь вопросом: а зачем она нам, эта война? Нет, я готов признать, что иногда войны просто невозможно избежать – но это бывает только в особых обстоятельствах, когда речь идет о самом существовании нации. В таком случае действительно приходится мириться с неизбежностью войны, мириться, независимо от своего личного к ней отношения...

Однако такая ли ситуация сложилась перед вводом наших войск в Китай? Можно ли сказать, что мы имели дело с особыми обстоятельствами, что речь шла о самом существовании Японии? Может быть, премьер-министр Танака действительно считает, что дело обстоит именно так, но на публике он приводит совершенно иные объяснения – например, говорит о защите жизни и имущества наших соотечественников в Китае...

Но ведь все эти проблемы вполне можно было решить с помощью обыкновенных полицейских сил! Сомнительно, чтобы для выполнения подобной задачи более других оказались пригодны именно подразделения Императорской армии, причем состоящие из призывников-новобранцев. А если уж японский народ был столь обеспокоен создавшимся положением, что захотел возложить на армию чисто полицейские функции, то, может быть, стоило привлечь для решения поставленных задач хорошо обученные регулярные части?

На самом деле все обстоит ровно наоборот. У меня сложилось такое впечатление, что пока что народ вообще наблюдает за отправкой войск в Китай с ледяным безразличием, если не сказать – с холодным, мрачным юмором. Примеры тому можно найти в каждой ежедневной газете; приведу только один. Несколько дней назад в одной крупной газете была помещена заметка, в которой говорилось буквально следующее: «Смута в Цзиннани продолжается. Глубокий вздох разочарования вызвало сообщение о боях между японскими и китайскими войсками. Теперь у нас на Севере – Чжан Цзолин,¹⁰² на Востоке – премьер Танака». Можно спорить о том, что именно хотел сказать автор сего витиеватого пассажа, но очевидно одно – он смотрит на отправку войск в Китай с некоей отстраненной саркастической усмешкой. Подумайте: с ухмылкой рассуждать о войне, на которой гибнут молодые парни! И автору даже в голову не приходит их пожалеть!

Да, похоже, что японское общество пока совершенно не затронула отправка войск в Китай. Но сможет ли оно с такой же холодной улыбкой пройти мимо судеб тех наших соотечественников, которые будут ранены и убиты во время этого «инцидента»?

Журналисту легко беззаботно шутить, когда он отсиживается в полной безопасности на родине. А каково сейчас тем, кто должен идти в армию или провожает туда своих родных?

Будет ли в нашем обществе и далее сохраняться подобное безразличие? Пока хочу упомянуть по крайней мере три категории людей, действия которых могут стать предметом недовольства.

Первая – это, с очевидностью, сам премьер Танака и возглавляемое им правительство. Именно эти люди развязали войну, которая на самом деле совершенно не отвечает нуждам народа, войну, в ходе которой выбрасываются на ветер огромные государственные средства, войну, в которой льется кровь наших соотечественников.

Может быть, они смотрят на народ как на невежественную толпу и надеются, что он и дальше будет молчать, что с помощью этой войны удастся решить крупные государственные проблемы при полном безмолвии общества? Так этого все равно не будет. В нынешнем мире государственные деятели уже не могут вершить свои дела втайне от народа. Сегодня нельзя тайно ввести даже какой-нибудь местный налог – об этом сразу же становится известно. Что уж говорить о трагических событиях, в результате которых льется кровь? Так что сохранить покров тайны над подобными действиями могут надеяться лишь сам премьер Танака, несколько военных, затеявших кровопролитие в чужой стране, да еще некоторые носители современной политической мысли, упорно не желающие замечать очевидное.

Во-вторых, действия правительства должны были вызвать острую критику в

парламенте. Но, к сожалению, наша Конституция устроена так, что депутаты парламента по своему собственному решению собраться на сессию не могут, а сама сессия длится весьма непродолжительное время. Нынешняя военная экспедиция в Китай началась во время работы внеочередной сессии парламента, которая даже успела обсудить вопрос о выделении средств на эту экспедицию. Однако в силу скоротечности сессии саму отправку войск депутаты серьезно обсудить не успели. Сессия кончилась ничем, ибо с закрытием заседания весь поднявшийся было шум стих, а громкие обличения действий премьера прекратились.

При обсуждении вопроса о выделении средств на военную экспедицию лишь Демократическая партия (Минсэйто) устами своего депутата огласила заявление, в котором говорилось следующее: «Правительство, придерживаясь курса на защиту прав и интересов наших граждан за границей и направляя войска в провинцию Шаньдун, должно было более тщательно продумать последствия этого шага. Как и следовало ожидать, в результате этого решения большое число японцев, проживающих за границей, оказалось вовлечено в кровопролитные беспорядки, тогда как сами экспедиционные войска были изолированы от места событий... Поспешная и непродуманная политика, проводимая нынешним кабинетом в отношении Китая, создает опасность для жизни и имущества наших соотечественников за рубежом».

Кстати говоря, из этого заявления остается совершенно непонятным, одобряет ли Демократическая партия саму идею отправки войск в Китай или нет. Судя по тональности этого заявления и постоянным заверениям некоторых членов этой партии, Минсэйто – против отправки войск в Китай. Но почему тогда Демократическая партия не выступила с таким предложением в парламенте? Если партия так решительно настроена против военной экспедиции, то почему, сказав «А», она не захотела говорить «Б»? Занимая столь двусмысленную позицию, Минсэйто по существу одобряет бессмысленную гибель наших соотечественников за границей, то есть, по существу, пособничает убийцам, становясь на одну доску с членами нашего преступного правительства.

И, наконец, третий аспект отправки войск в Китай. Он связан с событиями, которые произошли уже после закрытия сессии парламента. Да, парламент прервал свою работу, но ведь политические партии никуда не исчезли, они продолжают действовать! И каковы же эти действия? Понятен шаг партии Сэйюкай, которая поспешила одобрить действия кабинета. Но почему молчат все остальные партии? Какая им польза от молчаливого согласия с действиями правительства? Ее нет и быть не может. Тогда что же заставляет их своим молчанием фактически поддерживать отправку войск в Китай? Может быть, они действительно видят в этой экспедиции какую-то пользу для страны?

На самом деле глубоко в душе эти партии, конечно, против направления войск за границу. Но что-то мешает им открыто выразить свой протест. Разве нельзя было, скажем, попытаться собрать внеочередную сессию парламента для обсуждения этого вопроса? Почему это не было сделано? Ответ в том, что на самом деле их меньше всего волнуют радости и горести японского народа – и такая позиция заслуживает самого серьезного осуждения.

Но что вызывает у меня еще большее возмущение – так это позиция наших газет. Я уже говорил о том, что одна наша крупная газета сообщила о боях между японскими и китайскими войсками с какой-то ухмылкой. Не утверждаю, что саркастическая улыбка – это обязательно плохо. Я вовсе не против сарказма и улыбок вообще. Но стоять в стороне и усмехаться, когда наши бедные солдаты в чужой стране рискуют жизнями и проливают свою кровь...

Да, нынешняя военная экспедиция в Китай, равно как и прошлая – в Сибирь, должны вызывать насмешки. Но – насмешки над умственным уровнем тех политических деятелей, которые отправили наших солдат за границу, которые заставили их смотреть в лицо опасности и проливать свою кровь.

Все эти деятели сейчас отсиживаются дома, в тепле и уюте, ожидая новых

повышений, новых орденов и нового дождя из золотых монет. А газеты позволяют себе шутить над солдатами или, в лучшем случае, демонстрировать полное безразличие к их судьбам.

Если вы против отправки японских войск за границу, то не лучше ли взять в руки кисть и прямо потребовать немедленно вывести японские войска из Китая, остановить бессмысленную гибель наших солдат?

= Бездействие – примета нашего времени =

Передовая статья номера журнала «Тоё кэйдзай симпо» от 18 апреля 1931 года

Застой, наблюдавшийся в нашей политической жизни после того, как премьер-министр Хамагути второй раз оказался в госпитале, где ему была сделана третья операция, внезапно сменился новым движением: было принято решение об отставке кабинета Хамагути и формировании нового правительства во главе с господином Вакацуки, которому был присвоен титул барона.¹⁰³

В связи с этими событиями я хочу сказать несколько слов.

По моему мнению, премьер-министру Хамагути следовало бы подать прошение об отставке гораздо раньше, сразу после покушения. Однако он этого не сделал, чем создал в нашей стране ситуацию неопределенности, чреватую большими проблемами. Политические круги Японии впали в состояние безвременья, страна оказалась без работающего парламента. И виноват в таком развитии событий, кто бы что ни говорил, прежде всего сам премьер, растерявшийся после совершенного на него покушения.

Да, при всем моем сочувствии к господину Хамагути, пострадавшему в результате покушения, я должен со всей определенностью сказать, что именно он довел страну до такого состояния, что она оказалась без правительства и без парламента. И за этот проступок ему еще, наверное, предстоит держать ответ после смерти...

Теперь немного о другом: о крупнейшем политическом скандале нашего времени, в котором оказались замешанными министр финансов Иноуэ и нескольких депутатов от партии Сэйюкай.

Десять дней назад министр финансов Иноуэ выступал в парламенте. Отвечая на вопрос депутата от оппозиции об исполнении бюджета за 1930-й год, он сообщил, что, по его оценкам, поступления в бюджет в истекшем году были недостаточны, так что бюджет был сведен с дефицитом. Вместе с тем министр отметил, что оснований для беспокойства нет, поскольку разница была покрыта за счет выпуска займа.

Однако через четыре дня после закрытия сессии парламента выяснилось, что, несмотря на выпуск займа, призванного покрыть дефицит средств в бюджете, последний все равно остался дефицитным, и дефицит этот составляет ни много ни мало, как 48 млн. иен.

Что произошло дальше? Группа членов руководства партии Сэйюкай при личной встрече потребовала от министра, чтобы он взял на себя ответственность за произошедшее. Министр, в свою очередь, не дал никаких внятных объяснений случившемуся, но и в отставку уходить отказался.

Я что-то не припомню в истории мирового парламентаризма другого такого случая, чтобы лидеры оппозиционной партии, представленной в парламенте, собрались вместе вне стен парламента и публично потребовали бы от одного из членов кабинета министров уйти в отставку, взяв на себя ответственность за заявление, сделанное в парламенте.

Непонятно? Я тоже далеко не сразу понял, что произошло.

Если говорить о самом факте встречи министра финансов и лидеров оппозиционной партии, то, насколько можно судить, таких случаев в истории было немало, но обычно они по необходимости носили закрытый характер.

Что действительно было уникально – так это то, что Сэйюкай попыталась превратить эту встречу в акцию, призванное пропагандировать ее позицию. И, кстати сказать, само по себе проведение в Японии такой невиданной в истории мирового парламентаризма акции ясно показывает, что она не является случайной, что за ней стоят не капризы судьбы, а нечто иное. Лидеры Сэйюкай не только основательно подготовились к этой встрече, но и сделали ее открытой, пригласили к участию в ней множество репортеров.

Нет необходимости говорить, что и руководство Сэйюкай, и, конечно, журналисты на этой встрече буквально обрушились на потерявшего доверие министра финансов с невиданными по резкости словами гнева, ярости и возмущения.

За министром финансов Иноуэ весьма давно установилась репутация человека, готового при всяком удобном случае подшучивать над парламентом. Сейчас, когда сессия парламента завершилась, он мог бы спокойно вернуться к своей обычной манере, а мог бы, наверное, совсем забыть об этой истории, выбросить ее из головы, как выбрасывают вон старую обувь, и вообще некоторое время не вспоминать о том, что где-то на свете существует японский парламент. Тем более, что на первый взгляд в истории этой нет ничего необычного: в парламенте нередко ставят в неудобное положение представителей правительственных органов, но обычно на подобные выпады никто ничего не отвечает, а если отвечает, то несет какой-нибудь ничего не значащий вздор. Потом сессия парламента закрывается, а заявления забываются – словом, все, как и у простых смертных.

Вообще, по большому счету, у нас никто не может помешать поиздеваться над парламентом, Конституцией или над японским народом в целом. Так поступает правительство, так поступает правящая партия, и всем приходится терпеть. Но в данном случае произошло невиданное: депутаты от оппозиционной партии, которые прежде безропотно сносили все нападки, наконец, решили, что очередное оскорбление нельзя оставлять без ответа. Вот почему лидеры Сэйюкай заняли исключительно жесткую позицию на встрече с министром финансов, вот почему они открыто возложили на него ответственность за издевательства над парламентом. Подобными прямыми и непосредственными действиями они не только открыто заявили о своей позиции. Важнее другое: они показали, что прошли те времена, когда правительству было позволено насмеяться над парламентом безнаказанно.

А что же другие партии? Демократическая партия (Минсэйто) уважает парламент. Настолько уважает, что в прошлом даже возникали определенные проблемы, связанные с ее ярко выраженным парламентаризмом.¹⁰⁴

А как обстоит дело сейчас? Кабинет Хамагути, созданный на основе партии Минсэйто, сначала делает в парламенте правительственное заявление, а потом, через несколько дней после закрытия сессии парламента, его отзывает, что вынуждает лидеров оппозиционной партии возложить на членов кабинета ответственность за случившееся и прибегнуть к внепарламентским действиям. Это ли не насмешка над парламентом и парламентаризмом?

Честность всегда была знаменем премьера Хамагути. О кабинете Хамагути говорили, что он будет выступать за укрепление дисциплины, порядка и законности, что он пойдет навстречу чаяниям простых людей и т.п. И что же? Почти сразу же после формирования кабинета его знамя оказалось забрызгано грязью: один из членов нового правительства был вынужден срочно его покинуть из-за обвинений в коррупции.¹⁰⁵ Затем были чехарда вокруг бюджета, попытки проигнорировать изменения расстановки сил в парламенте, и, наконец, в течение почти пяти месяцев после покушения (а на это время пришлась и исключительно важная трехмесячная сессия парламента) – период полного небрежения государственными делами и служебными обязанностями, время расцвета нерадивости и нарушений служебной дисциплины. Это ли не издевательство над всем и вся?

В этих условиях попытка оппозиционных депутатов возложить на правительство ответственность за обман парламента стала закономерным итогом роста недоверия к правительству. А глубинные причины это недовольства – просты: в правительстве, как

говорится, дела – есть, а дела – нет.

Действительно, ведь что происходит в стране? Премьер-министр не выполняет свои обязанности; заявления правительства нельзя доверять; парламент подвергается насмешкам; народные избранники сбиваются в какие-то хулиганствующие группы... Если попытаться охарактеризовать создавшееся положение в двух-трех словах, то, как мне кажется, самыми точными будут такие: настало смутное время.

Как мы дошли до жизни такой? Безусловно, такое положение начало складываться не сегодня и не вчера; его породили источники, которые действуют уже весьма длительное время. Но правда и то, что кабинет Хамагути пальцем о палец не ударил для того, чтобы хоть что-то противопоставить данным негативным тенденциям. Напротив, в этих условиях большая часть членов кабинета Хамагути, к сожалению, начала действовать исключительно в своих собственных интересах – так, по крайней мере, мне представляется.

Что нужно сделать для того, чтобы восстановить политические принципы, разрушенные в это смутное время, в период хаоса в политической жизни и беспорядочного столкновения различных интересов? Для этого нужно выявить следы деятельности кабинета Хамагути и подвергнуть их самой строгой оценке.

Древние говорили: «Народ может прожить без еды, но не может – без веры». Иными словами, вера побеждает смерть. Мне кажется, что перевод этих слов на современный язык должен звучать так: «Нарушил данное слово – уйди в отставку» (это, наверное, и значит в наше время отказаться от еды)...

До тех пор, пока мы не будем следовать этому принципу, порядка у нас не будет. Моральным принципам нужно следовать всегда и всюду. И дело не в том, что партия Минсэйто потерпела неудачу при проведении в жизнь неких политических решений, и не в том, что возглавляемый ею кабинет фактически прекратил работу. Проблема состоит в том, что партия Минсэйто своими действиями подрывает самые основы морали. Нельзя допустить, чтобы эта партия снова сформировала кабинет министров, пусть даже она имеет большинство в парламенте. Да, она имеет большинство, но по моральным соображениям не может, не имеет права формировать кабинет!

Мне представляется, что если оставить все произошедшее в последнее время без последствий, то страна неизбежно скатится к насилию и тирании. В обществе, игнорирующем моральные нормы, начинается править страх. А что будет, если наш народ потеряет веру в разум? Мне даже подумать об этом страшно. Вот почему я самым серьезным образом обеспокоен сложившейся сейчас ситуацией.

IV. ПРОТИВ ВОЙНЫ (1931-1945)

= Основные пути решения проблем Маньчжурии и Монголии =

Передовые статьи номеров журналов «Тоё кэйдзай симпо» от 26 сентября и 10 октября 1931 года

= 1 =

В определенном смысле я согласен с утверждениями наших военных и политиков о том, что теперь, после убийства капитана Накамура,¹⁰⁶ настало время окончательно решить маньчжурский вопрос.

Китай – страна, с которой Японии издавна поддерживает дружеские отношения, старший товарищ, который открыл для Японии сокровищницу мировой культуры. Правда, в истории были периоды, когда наши страны воевали между собой, но конфликты происходили чрезвычайно редко: почти все полторы с лишним тысячи лет японо-китайских отношений (а их история начинается в III в. н.э.) – это годы дружбы. Нет никакого сомнения в том, что для обеих стран и можно, и нужно сохранять такую приязнь и в будущем – как говорится, на вечные времена.

Однако те отношения, которые сложились между Китаем и Японией в последние десять лет, к сожалению, никак нельзя назвать дружескими. События же последних двух месяцев вообще накалили настроения в двух странах до крайности: если Япония взбудоражена инцидентом с капитаном Накамура, то китайцы возмущены тайной деятельностью японцев в их стране. Коротко говоря, возмущение последними событиями оказалось так велико, что едва не привело к настоящему взрыву.

Почему же отношения между нашими странами в последнее время оказались столь далеки от идеальных? Истоки противостояния нужно искать в так называемом маньчжурском вопросе. Полностью и окончательно решить этот вопрос – значит вернуться к прежним отношениям дружбы между двумя нашими странами, что пойдет на пользу не только Японии и Китаю, но и делу мира во всем мире.

Если японский народ действительно хочет полностью и окончательно решить проблему Маньчжурии, то ему нужно прежде всего продемонстрировать серьезность своих намерений и решимость двигаться к поставленной цели. Но столь же ясно и другое: если наша страна будет, как и раньше, проводить курс на ограничение суверенитета Китая в Маньчжурии и на сохранение так называемых особых интересов Японии в этом районе, то как бы ни стремилась она к окончательному решению маньчжурского вопроса, ей так никогда и не удастся достичь этой цели. Ни китайское правительство, ни китайский народ никогда не согласятся с такими требованиями. А если даже Китай под давлением извне и пойдет на какие-то формальные уступки, то это лишь создаст новые проблемы. Для того, чтобы понять это, достаточно вспомнить о «21 требовании», которое мы выдвигали в 1915 году.¹⁰⁷ А уж если сегодня, в отличие от 1915 года, мы начнем применять силу, то вообще никаких результатов не добьемся.

Почему же, в конце концов, так трудно решить маньчжурскую проблему? Да по той простой причине, что на свете существуют люди, которые совершенно искренне не понимают, по какому такому закону Маньчжурия, являющаяся частью территории Китая, должна быть передана в руки Японии.

Нечего и говорить, что даже если нам неким образом удастся осуществить такое своеволие, китайский народ все равно никогда не примирится с подобным способом решения маньчжурской проблемы. Справедливо и более сильное утверждение: Китай вообще вряд ли когда-нибудь согласится на «продвижение» Японии в Маньчжурию в какой бы то ни было

форме. Равным образом, мне представляются совершенно бесперспективными попытки остановить антияпонские выступления в Китае.

Японцы могут сколь угодно долго апеллировать к историческим примерам, пытаться договориться, прославлять свои прошлые подвиги, обвинять коварных китайцев в нарушении всех принципов морали и нравственности – китайцы все равно будут протестовать против такого решения вопроса, все равно они будут по-прежнему ненавидеть японцев, которые считают Маньчжурию своей, и Японию, которая хочет распространить на нее свой суверенитет. У китайцев это не в теории – у них это в крови...

Говорят, что среди отданных недавно под суд молодых японских коммунистов немало таких, кто преклоняется перед Советской Россией и не любит Японию. Мне они напоминают избалованных детей, которые не ценят внимания родителей. Замечу, что они могут позволить себе иметь такую точку зрения только потому, что живут в стране, которая строго охраняет свою независимость, стране, не терпевшей над собой никакого иноземного владычества (хотя, конечно и недостатков у этой страны немало). Но мне кажется, что если спросить этих молодых коммунистов, сожалеют ли они о том, что Япония сохранила свою независимость, действительно ли они хотят, чтобы она подчинилась России, то (независимо от того, что они скажут вслух) в душе каждый подумает: «Нет, не жалею. Нет, не хочу». И уж подавно так ответят простые японцы.

Наверное, с точки зрения высокой теории вообще неразумно, что наш такой маленький, такой удобный для общения земной шар разделен на Японию, Китай и еще несколько десятков стран. Наверное, настанет такое время, когда весь мир сольется воедино. Но сегодня реальность такова, что японцы не испытают ни малейшего восторга, если ими вдруг начнут править неяпонцы, пусть даже это будет трижды правильное, справедливое и мудрое правление. Почему же мы не хотим понять, что подобные чувства может испытывать и китайский народ? Однако те, кто у нас любят рассуждать о маньчжурском вопросе, почему-то совершенно не верят в возможность существования сходных чувств у китайцев...

После Реставрации Мэйдзи японцы осознали, что в каждой стране есть свои патриоты. Почему же они не могут без предвзятости взглянуть на свою собственную позицию? Почему они методично игнорируют наличие патриотизма у китайцев?

Мне кажется, происходит это потому, что японцы до сих пор ошибочно отождествляют нынешних китайцев с китайцами конца династии Цин,¹⁰⁸ времени распада и катастрофы китайского государства. Но молодые китайцы, занятые сегодня строительством Китайской Республики – это далеко не китайцы периода Цин. Мыслить так – это все равно что отождествлять нынешних японцев, деятельно строящих после Реставрации Мэйдзи новую Японию, с теми, кто впустую растрачивал свои силы в затхлые годы конца правления сёгунов Токугава.

Сегодняшние китайцы – совершенно иные. Они полностью распрощались с эпохой Цин и возродили в стране на удивление сильное национальное самосознание. Эти люди строят новую Китайскую Республику: они уделяют большое внимание народному просвещению (причем делают это с умом и часто в тех же формах, что и создатели новой Японии после Реставрации Мэйдзи), они пропагандируют в широких народных массах патриотизм – словом, каждому очевидно, что они прилагают все силы для объединения и возрождения своей страны.

Здесь нет необходимости приводить конкретные примеры или перечислять огромные достижения китайцев в деле такой пропаганды. Важен результат: патриотические идеи, которые раньше занимали умы лишь сравнительно немногочисленной прослойки передовых китайцев, сейчас охватили массы китайской молодежи. Насколько можно судить, в Китае дело с невероятной быстротой идет к созданию единого прочного государства (замечу, впрочем, что в истории страны можно найти и немало случаев, когда подобные возможности оставались нереализованными).

Надо честно сказать, что процесс просвещения в Китае сопровождается многочисленными нападками на японцев. В ходе этого процесса китайскому народу вообще внушается немало антииностранных и, в частности, антияпонских идей, что, конечно, неправильно. Бюро по изучению экономики Восточной Азии при Маньчжурской железнодорожной компании недавно опубликовало Белую книгу «Антияпонская политика Китая», в которой приводится множество откровенно антияпонских пассажей из различных китайских источников.

Все это так. Однако нужно ли укорять современных китайцев за подобные выпады? Как уже было сказано, все, что происходит сегодня в Китае, делается под знаком патриотического воодушевления. Но ведь ровно такие же прогосударственные и патриотические настроения приходилось внушать после Реставрации Мэйдзи японскому народу, чтобы подвигнуть его на великие дела! Так стоит ли удивляться тому, что в нынешнем Китае просветители, которые хотят привить народу патриотические взгляды, публикуют учебники истории, рассказывающие о том, как иностранные державы способствовали падению и распаду цинского Китая? Ведь в наших учебниках истории тоже есть немало глав, посвященных японо-китайской и русско-японской войнам.

Китайцы сожалеют о том, что история отношений их страны с иностранными государствами в последние годы представляет собой период сплошных поражений, годы, когда не было одержано ни одной серьезной победы. Так нужно ли нам удивляться тому, что главы китайских учебников просто пылают патриотическим гневом и негодованием? (Не защищая Китай, должен сказать, что немало подобных примеров можно найти и у нас.)

При всем при том нельзя утверждать, как это делают некоторые наши авторы, что все антияпонские высказывания в китайских учебниках истории являют собой полный вымысел. В действительности они содержат в себе элемент преувеличения – и это вполне объяснимо. Но, например, события новой истории излагаются в них без прямых искажений и подлогов. Дело, скорее, в другом: китайские авторы преувеличенно много внимания уделяют ошибкам, допущенным прошлыми правителями Китая. Более того, если внимательно вчитаться в тексты учебников, то оказывается, что многие так называемые антияпонские пассажи на самом деле не направлены ни против японцев, ни против иностранцев вообще.

= 2 =

Говорят, что на войне нужно «знать противника и знать себя».¹⁰⁹ Наверное, это важно и в мирное время. Но если говорить о наших отношениях с Китаем, то мы не знаем ни его, ни себя, и потому постоянно совершаем необдуманные действия. И одним из примеров нашего полного незнания Китая является недовольство японцев так называемыми антияпонскими книгами, о которых шла речь в предыдущем номере журнала.

Из этого же примера видно, что и самих себя, свою историю мы тоже знаем недостаточно. Китайский народ сейчас прилагает все силы для объединения страны. И те «антияпонские» пассажи, которые попали в учебники, есть не более, чем инструмент для такого объединения, средство укрепления самосознания китайского народа. После Реставрации Мэйдзи в Японии стояла точно такая же задача – объединить страну, и для решения этой задачи также использовались самые разные средства (а некоторые из них применяются и по сей день). Иными словами, я хочу сказать, что в определенном смысле нынешний Китай является копией Японии времен Реставрации. Поэтому и появляются на свет те самые «антияпонские» книги. У японцев они не могут вызвать никаких иных чувств, кроме раздражения и беспокойства (хотя, повторяю, явной лжи в этих книгах нет, и потому протестовать против их публикации – дело совершенно бессмысленное). Но с точки зрения китайцев их появление на свет было совершенно необходимо. С нашей точки зрения эти «антияпонские» книги нужно уничтожить. С точки зрения китайцев, отказаться от выпуска

таких книг – значит, по существу, остановить движение за восстановление единого Китая, что, конечно, невозможно. Но если мы пришли к такому выводу, то нам придется пересмотреть все наши действия в отношении Китая.

В самом деле, сейчас среди наших, скажем так, знатоков Китая, превалирует мнение, что нынешнее ухудшение японо-китайских отношений связано с тем, что японские политики не разбираются в особенностях китайского характера и относятся к китайцам так же, как к «своим», японцам, то есть относятся по-джентельменски. А между тем, дескать, китайцы – это совершенно другие люди. Они по самой своей природе являются неблагодарными и коварными, они ни во что ни ставят достигнутые договоренности, к ним неприменимы никакие нормы международного права, и разговаривать с ними нужно только с позиции силы.

С моей точки зрения, такая теория ошибочно приписывает всему китайскому менталитету те особенности, которые на самом деле были рождены исключительно логикой борьбы за воссоздание единого китайского государства.

Что я имею в виду? Возьмем, к примеру, пренебрежительное отношение китайцев к договоренностям – качество, вызывающее особый гнев и ярость в Японии и других странах. С точки зрения китайцев, всякий договор – это не более, чем досадное препятствие, которое мешает восстановлению суверенитета Китая и воссоединению китайского государства. И потому до тех пор, пока данный договор отвечает чаяниям китайского народа, стремящегося к созданию единого государства, этот договор будет неукоснительно соблюдаться. Но если в интересах китайцев будет нарушить этот договор, то они это непременно сделают. Иными словами, жаловаться нам нужно не на менталитет китайцев в целом, а на особенности движения за восстановление единого китайского государства.

Мне кажется, нам очень важно понять следующее. Если Япония хочет полностью и окончательно решить маньчжурский вопрос, то она должна выполнить одно необходимое условие, а именно: решение это должно в полном объеме соответствовать требованиям создания единого китайского государства. Только осознав этот факт, мы сможем найти адекватные средства для решения этой проблемы.

Какие это могут быть средства? Рассмотрим два возможных подхода.

Метод N 1. Нужно со всей определенностью заявить, что если движение за создание единого китайского государства (а, точнее говоря, успехи этого движения) начнет угрожать спокойствию и процветанию японского народа, то у нас не будет иного выхода, кроме как решительно подавить это движение с помощью военной силы. И если наш народ примет такое решение, то его нужно без лишних слов претворить в жизнь, невзирая на все договоры, антияпонские высказывания, причитания и жалобы. Иными словами, ради защиты интересов японского народа придется применить силу по отношению к китайскому народу – и об этом нужно заявить со всей определенностью.

Однако при реализации такого подхода на практике возникают следующие группы вопросов:

1) Действительно ли восстановление единого китайского государства может угрожать безопасности и процветанию Японии?

2) Почему мы уверены в том, что движение за создание единого китайского государства вообще можно подавить военной силой? Кроме того, китайский народ может выдвинуть иные требования. Где гарантия, что мы применением военной силы сможем дать ответ и на эти требования? А что, если они дадут начало новому движению, несущему угрозу японскому народу? Что делать в этом случае? Игнорировать новое движение?

3) Допустим даже, что мы в принципе можем полностью и окончательно подавить движение за создание единого китайского государства. Но где гарантия, что Японии в нынешней (а тем более в будущей) международной обстановке будет позволено беспрепятственно применять силу для решения подобных проблем? Не повторит ли наша страна в этом случае судьбу кайзеровской Германии?

Мне представляется, что до тех пор, пока мы не получим благоприятные для Японии ответы по крайней мере на две последние группы вопросов, о решении главной проблемы методом N 1 нельзя вести и речи.

Метод N 2. Мы признаем, что движение за создание единого китайского государства (а, точнее, успехи этого движения) создает определенные неудобства для Японии, но оно отвечает чаяниям китайского народа, и потому народы других стран, в конце концов, должны принять его как данность. Тогда, выступая не на словах, а на деле за улучшение японо-китайских отношений, мы должны согласиться с требованиями китайского народа, но одновременно изыскать иные способы обеспечения безопасности и процветания для народа Японии.

Здесь тоже есть с чем поспорить. Прежде всего, что это за такие «иные способы»? На это обычно отвечают, что мы отказываемся от идеи оказывать политическое влияние на Маньчжурию, гарантируем ей самостоятельность, но способствуем подъему жизненного уровня ее жителей экономическими методами.

А что можно возразить тем, кто считает, что Японии без Маньчжурии вообще не выжить? На это сторонники применения метода N 2 обычно либо отвечают что-то типа «тут уж ничего не поделаться», либо предлагают перейти к методу N 1, то есть оказать давление на Китай и забрать Маньчжурию силой. «Наш народ полон жизненных сил. Он не будет сидеть сложа руки и ждать смерти от перенаселенности», - говорят они.

Хочу подчеркнуть, что я не согласен ни со сторонниками применения метода N 1, ни с приверженцами метода N 2. В самом деле, ведь к чему, в конце концов, сводятся все их аргументы? «Население Японии велико, - заявляют они, - а земли у нас мало, поэтому нам совершенно необходим рынок сбыта на материковом Китае». Но можно ли решать проблему перенаселенности за счет расширения территории?

Судите сами. После 1904-1905 годов мы поставили под свой контроль Тайвань, Корею, Сахалин, Квантунскую область, острова в южной части Тихого океана. Сколько сил и средств было вложено только в управление Маньчжурией! А приблизились ли мы в результате хоть на шаг к решению демографических проблем? Нет. И в будущем вряд ли к этому решению приблизимся – вот что надо хорошенько уяснить тем, кто сегодня ратует за расширение нашей территории.

Но обратимся к другим доводам, которые приводят сторонники «теории перенаселенности». Что они говорят? А говорят они следующее: «Япония бедна железной рудой, углем и другими природными ресурсами, - и потому мы должны во что бы то ни стало удержать за собой земли Маньчжурии и Монголии как своего рода сырьевую базу. Эти территории жизненно необходимы для развития национальной экономики!»

Однако подобные аргументы также не выдерживают столкновения с действительностью. И вопрос даже не в том, насколько Маньчжурия или Монголия подходят на роль японской сырьевой базы. Даже если они подходят для этой цели, все равно гораздо проще достичь своих целей не военными, а политическими методами, развивая мирные экономические связи с этими территориями, укрепляя торговлю и т.п. Иными, силовыми методами нам этих целей не достичь.

Существует, впрочем, и подход N 3. Он проповедуется людьми, которые считают, что Япония без Маньчжурии и Монголии беззащитна перед лицом внешней военной угрозы, что Маньчжурия и Монголия должны стать для нас первой линией обороны. Но говорить так – это все равно, что утверждать, будто Англия ради обеспечения своей обороны должна занять обширные территории на Европейском континенте. Лично мне эта идея представляется крайне сомнительной. По-моему, будет вполне достаточно, если наша линия обороны будет проходить по акватории Японского моря. Более того, берусь утверждать, что если эта линия нас не защитит, то уж маньчжурская и подавно окажется бесполезной. Я уж не говорю о том, что маньчжурская линия обороны будет охранять нас со стороны материка, но не с других направлений. Иными словами, ее строительство представляется мне делом совершенно

бесполезным.

На базе трех вышеупомянутых подходов можно развернуть великое множество дискуссий. Можно, например, порассуждать о том, что без Маньчжурии и Монголии нашу страну ждет верная гибель, о том, какие военные и экономические выгоды сулит нам обладание данными территориями, или, в крайнем случае, о том, что если нам не удастся получить их в собственность, то нужно установить над ними хотя бы политический контроль и т.п.

Конечно если бы нам удалось получить Маньчжурию и Монголию в свое пользование без особых хлопот, то это было бы не так плохо. Недаром говорится, что дареному коню в зубы не смотрят (хотя и в этом случае есть о чем поспорить). Но только не будет такого. Подобное приобретение будет для нас полезным в одном-единственном случае: если мы вдруг из каких-то соображений захотим заполучить себе множество врагов в лице китайского народа и всех мировых держав впридачу.

И в этом я совершенно убежден.

= Что стоит за призывами к укреплению служебной дисциплины¹¹⁰ =

= И что действительно мешает улучшению политической ситуации в Японии =

Передовая статья номера журнала «Тоё кэйдзай симпо» от 3 марта 1934 года

Итак, история с публикацией очерка «Асикага» обрела совершенно неожиданный финал: получив тяжелую моральную травму, министр торговли Накадзима ушел в отставку со своего поста.¹¹¹ Сразу после этого в другую историю, связанную с нарушением служебной дисциплины, оказался втянут министр просвещения господин Хатояма.¹¹²

Но этими случаями дело не ограничится. В обществе говорят, что следующий, разгорающийся сейчас, скандал будет связан с именем министра финансов господина Мицуты. Многие хорошо информированные политические обозреватели уже поговаривают и о том, что скоро даже у негнибаемого премьера Сайто не останется иного выхода, кроме как уйти в отставку. Мне тоже кажется, что если события будут развиваться естественным образом, то именно это и произойдет.¹¹³

Под «естественным» я имею в виду такое развитие событий, при котором формирование следующего кабинета начнется еще до того, как упадет предыдущий, т.е. вне зависимости от позиции партии Кэнсэйто будет сохраняться определенная преемственность при формировании нового правительства. Впрочем, пока политическая история Японии показывает нам, что обычно правительство просто отправляют в отставку в полном составе, а обеспечить политическую преемственность в таких условиях бывает очень и очень нелегко; наоборот, нередко в такие моменты возникает полный политический хаос. Боюсь также, что в нынешних условиях обеспечить подобную преемственность будет еще сложнее, чем раньше, ибо сейчас мы сталкиваемся с новыми, невиданными раньше препятствиями. Так или иначе, сейчас на вопрос, будет ли следующий кабинет формироваться на основе нынешнего кабинета Сайто или нет, скорее всего, не может ответить никто.

Просматривая свежие газеты в поисках оценок вероятности достигнуть согласия по вопросу о формировании преемника нынешнего кабинета, испытываешь разочарование: ни намеков на такое согласие, ни исторических примеров достижения такого согласия, ни даже слухов о возможности достижения такого согласия в прессе нет. Иными словами, у общества нет ясного мнения о том, кому можно было бы поручить формирование следующего правительства. О чем это свидетельствует? Мне кажется, это свидетельствует о том, что пресловутая «твердость» премьера Сайто дает ему возможность эффективно работать и с нынешним правительством. А, может быть, и о том, что само правительство уже преодолело

все трудности и рассчитывает продолжить свою работу...

Естественно, приведенные выше соображения есть не более, чем мысли автора, который ни в коей мере не является знатоком нынешней политической обстановки. Понятно, что страницы журнала – не место для детального анализа, но попробуем все-таки выяснить, каких результатов достигло правительство за два года своей деятельности.

Автор, как и многие другие наблюдатели, остро критиковал деятельность этого правительства. Но, вместе с тем, он никогда не считал, что итог этой деятельности – чистый и полный нуль. Однако, согласитесь, и 100%-ного успеха этому правительству достичь не удалось. И если уж рассуждать о процентах успеха и сравнивать правительство Сайто с немощными правительствами прошлых лет, то я бы оценил его успех как 70-80-балльный, или, может быть, даже дал ему 90 баллов из 100.

Иными словами, я весьма высоко оцениваю работу кабинета Сайто. Другое дело, что если бы некоторые фигуры покинули этот кабинет, то, быть может, оценка подскочила бы и до абсолютной – и тогда бы я очень сильно порадовался, а со мною вместе, возможно, порадовался бы и весь японский народ.

Вместе с тем мне представляется, что сейчас выдвигать на первый план проблему служебной дисциплины – это не лучший способ добиться смены правительства. Мне кажется, здесь нужна иная тактика: резко, но по существу раскритиковать в обеих палатах парламента финансово-экономическую деятельность правительства, вытащить на суд общественности все его просчеты и под давлением обстоятельств добиться ухода правительства в отставку. Только в этом случае следующее правительство, вне зависимости от его кадрового состава, будет застраховано от повторения ошибок прошлого кабинета. Только тогда смена кабинета гарантированно приведет к повышению эффективности государственной системы управления.

Что происходило до сих пор? Обратимся к предшественникам правительства Сайто, деятельность которого я только что сопоставил с работой других кабинетов и дал ему 90 баллов из 100. Почему? Кабинет, сформированный Демократической партией (Минсэйто), занимался в основном тем, что пытался сократить государственные расходы. Сменившее его правительство Инукаи поначалу работало вяло (и справедливо заслужило титул «кабинета старейшин»), но позднее, под воздействием народного недовольства, начало проводить более активную политику и, в конце концов, добилось определенных результатов.

По-видимому, некие внешние причины заставили правительство также активизировать так называемую «борьбу за укрепление служебной дисциплины». На этой кампании хочется остановиться подробнее.

Безусловно, нельзя позволять всем и каждому творить всяческие беззакония. Однако и попытки огульно упрекать всех во всяких грехах тоже, в конце концов, приводят к негативным результатам. По-моему, в нашем случае большая часть усилий тратится на то, чтобы использовать вскрывшиеся злоупотребления и тем самым заставить данное правительство уйти в отставку (причем имеет место порочная практика после того, как правительство пало, рассказывать об истинных целях такой кампании). Что же касается возможности улучшить деятельность правительства, которая предоставляется при каждой смене кабинета, то такая возможность не реализуется, а реформы откладываются на неопределенный срок в будущем.

Уверен, что те, кто сейчас поднимает шум вокруг проблемы служебной дисциплины, на самом деле не очень хорошо понимают, для чего эта проблема муссируется. Воспользоваться малейшей оплошностью политического противника, подставить ему подножку и извлечь политическую выгоду из создавшейся ситуации – вот какие цели на деле преследуют инициаторы кампании против «злоупотреблений служебным положением».

Не хочу этим сказать, что мы вообще не должны обращать внимания на проблемы дисциплины, но мне все же кажется, что политические дебаты должны вестись политическими методами и по политическим вопросам. Во главу угла нужно ставить

политический прогресс – если он пойдет, то и улучшение служебной дисциплины не заставит себя долго ждать. А у нас пока лозунг укрепления служебной дисциплины чаще всего используется для того, чтобы под его прикрытием сбросить правительство или, по крайней мере, побольнее лягнуть политического противника, обвинив его в аморальности. И до тех пор, пока все будет ограничиваться такого рода «разоблачениями», наша политическая жизнь будет пребывать в состоянии застоя.

Можно еще долго говорить о том шуме, который поднят вокруг нарушений служебной дисциплины, и приводить многочисленные детали таких нарушений. Так, судя по документам, предоставленным палате представителей, деньги сахалинских предприятий получал от некоего господина Фудзита не только нынешний министр просвещения Хатояма. Главная сенсация оказалась в том, что одним из получателей был человек, которого все считали главным борцом за моральную чистоту и против всяческих злоупотреблений, - а именно покойный премьер Хамагути Осати.

Сейчас те, кто передавал деньги, защищают Хамагути: якобы он, в отличие от господина Хатояма, получал деньги от третьих лиц и не догадывался об их происхождении. Так это или нет – я не знаю, но на самом деле это не так уж важно. Даже если Хамагути действительно ничего не знал, это отнюдь не обеляет его, так сказать, моральный облик. Тем более, что речь идет, худо-бедно, о сумме примерно в 100 тыс. иен... Если он со спокойной душой брал такие деньги, то о каком моральном облике вообще можно говорить?..

Приводя подобные данные, я ни в коей мере не хочу нанести ущерб репутации покойного или его ныне здравствующих коллег. Мое намерение в другом: я хочу, чтобы наши борцы за укрепление дисциплины наконец-то осознали истинное положение дел. Наверное, господин Хамагути был действительно на редкость честным политиком. Но именно политиком. Его пример ясно показывает, что в нашем политическом мире никакой ответственный пост без денег занять невозможно...

Какова была логика действий господина Хамагути? Возможно, ему нужны были деньги, а может быть, денег у него было достаточно – не в этом суть. Главное, что на определенном этапе господин Хамагути решил, что без дополнительной финансовой поддержки ему как политику не выжить. И, наверное, почти сразу же в окружении господина Хамагути появились его истинные и бескорыстные почитатели, готовые совершенно безвозмездно принести ему свои скромные добровольные пожертвования...

Но так уж устроен человек: даже жертвуя деньги храму, он обязательно что-то попросит взамен. Не думаю, что в каком-нибудь из предоставленных парламенту документов можно прочесть слова типа «сегодня я жертвую эти средства, потому что уверен: завтра все они пойдут на благо общества». Наоборот, не могу себе представить, что обществу перепал хоть ломаный грош от всех этих «пожертвований на деятельность правительства».

Нет, не случайно в наших политических кругах действует «железное» правило: нет у тебя крупного личного состояния – уходи из политики. Править и управлять у нас доверяют исключительно толстосумам.

Но тогда почему такой шум поднимается вокруг «нарушений служебной дисциплины»? Думаю, вряд ли кто из наших политиков станет утверждать, что он пришел в политику исключительно в поисках счастья...

Мне кажется, что нарушения служебной дисциплины не есть результат какого-то злого умысла или тщательно выношенного плана. Проблема в другом. Наше общество уверено в том, что участие в выборах невозможно без денег, а, точнее, без больших денег. В последнее время эта проблема действительно приобрела особую остроту, и в правительстве предлагается множество способов ее решения. Но само по себе изменение общественного мнения не приведет к тому, что политикам перестанут давать деньги.

Может быть, стоит изменить саму основу общественной организации, создать, как это предлагают некоторые, структуры наподобие фашистских ячеек? Мне кажется, на дискуссии с многоречивыми сторонниками укрепления дисциплины можно потратить очень много

времени, но проблемы это все равно, по большому счету, не решит. Исстари так ведется: где власть, там и деньги. И ни фашистские ячейки, ни так называемая диктатура пролетариата не смогут изменить это положение. Примеры, иллюстрирующие справедливость подобного утверждения, можно в изобилии найти и в прошлом, и в настоящем, и в нашей стране, и за рубежом. Правда, все эти примеры вряд ли прибавят благоразумия нашим борцам за укрепление служебной дисциплины...

= За политику открытости миру =

= Проложим дорогу мировым державам =

Передовая статья номера журнала «Тоё кэйдзай симпо» от 19 сентября 1936 года

В предыдущем номере журнала я формулировал два принципа, которым должны следовать все страны мира, если они хотят сохранить мир и добиться эффективного решения стоящих перед ними проблем. Они таковы:

I. Мировые державы должны предоставить своим колониям самостоятельность в проведении внешнеторговых операций. Иными словами, перед всеми странами должны быть в равной степени открыты двери на мировой рынок (под колониями я в данном случае имею в виду и самоуправляемые территории).

II. Если экспорт из страны А в страну Б существенно превышает импорт (с учетом неторговых операций), то страна А не должна ставить барьеров на пути импорта из страны Б. При возникновении любых подобных проблем стороны должны начать переговоры с целью достижения взаимоприемлемых соглашений.

Одновременно с публикациями в основном выпуске через журнал «Тоё кэйдзай симпо» на английском языке с этими предложениями были ознакомлены и иностранные читатели, однако сейчас речь пойдет только о материалах японского номера.

Должен сразу сказать, что мои предложения не имеют ничего общего с тем курсом, который сейчас проводит японское правительство. Равным образом, ни в коем случае нельзя считать, что в них слышится «единый глас» японского народа.

Честно говоря, я не верю также и в то, что если сформулированный мною подход найдет отклик за рубежом, то наша общественность или наше правительство сразу же выразят полное согласие с этими двумя принципами. Публикуя свои предложения, я, прежде всего, рассчитывал продемонстрировать, что и в Японии готовы выслушивать различные точки зрения...

Начнем со второго пункта. Фактически он представляет собой простое обязательство не применять никаких драконовских мер по ограничению импорта из тех стран и территорий, в которых собственный экспорт превышает импорт. Думаю, у Японии никаких особых трудностей с реализацией подобных обязательств быть не должно - ясно, что для Японии сегодня вообще нет смысла вводить какие-то ограничения на импорт из любой страны мира. Вместе с тем для практической реализации подобного принципа нам придется пересмотреть ряд законов, принятых в совершенно других условиях - например, закон о защите торговли, направленный против Австралии.

Что касается первого пункта моих предложений, то здесь ситуация далеко не так проста. Для того, чтобы колонии смогли проводить «политику открытых дверей»¹¹⁴ в отношении мировых держав, и Япония, и другие страны должны взять на себя определенные обязательства. Более того, если, скажем, Япония этого не сделает, то о ней нельзя будет

говорить как о стране, придерживающихся принципов законности и справедливости.

Если говорить о колониях применительно к Японии, то речь должна идти, прежде всего, о Корее, Тайване и Сахалине - хотя безусловно, эти территории не являются колониями в буквальном смысле этого слова. С экономической точки зрения их нужно рассматривать скорее как части основной территории Японии, поскольку между метрополией и этими тремя территориями давно сняты таможенные барьеры и потому никаких препятствий для торговли между ними нет. С точки зрения торговли с иностранными государствами между этими тремя территориями и основной территорией Японии также нет никаких различий. На всем этом пространстве действуют совершенно одинаковые таможенные правила и прочие меры, накладывающие определенные ограничения на внешнюю торговлю, причем правила эти были введены довольно давно. Трудности, которые возникают при торговле трех территорий с метрополией, носят не таможенный, а, скорее, общеэкономический характер. Таким образом, и при реализации второго из моих предложений нам и здесь, по большому счету, не придется ничего менять.

Вернемся к пункту I. Допустим, что все великие державы согласились этому пункту следовать. Что в этом случае должна будет сделать Япония? Думаю, самое важное – это предоставить возможность проводить экономическую политику «открытых дверей» для Маньчжурии и Китая. При этом следует учитывать, что, безусловно, и Маньчжоуго,¹¹⁵ и Китайская Республика являются независимыми государствами, а никак не нашими колониями. Речь идет о том, что Япония приняла на себя обязательства обеспечивать проведение политики «открытых дверей» вместе с другими мировыми державами». Формально для этого нет никаких препятствий, однако в действительности дело обстоит не так просто: после Маньчжурского инцидента 1931 года страны мира весьма неадекватно понимают наши планы в этом вопросе (нельзя отрицать и того факта, что и Япония своими неадекватными заявлениями и действиями дала повод для подобных ошибочных интерпретаций).¹¹⁶

Изо всех мировых держав именно Японию непосредственно и в максимальной степени затрагивает положение дел в Восточной Азии; именно она должна быть сильнее прочих заинтересована в мире и стабильности в этом районе – в этом, по-моему, ни у кого в мире не должно быть никаких сомнений. Однако когда Япония, исходя из таких соображений, полностью отказывается допускать другие государства к решению проблем Восточной Азии, когда она с порога отвергает все их предложения о совместных действиях, то эти страны, имеющие с Восточной Азией давние, глубокие и выгодные связи, начинают испытывать беспокойство, если не сказать опасения. Поэтому если, паче чаяния, наша страна и дальше будет проводить в Восточной Азии подобный курс, то, в конце концов, эти страны не смогут удержаться от прямого столкновения с Японией.

Нельзя исключить, что поводом для такого столкновения вполне может стать «закрытие дверей» в одной из контролируемых ими территорий, вытеснение оттуда Японии и, в конце концов, попытки силового разрешения возникших проблем. А кто может поручиться, что подобным поводом не сможет послужить один из многочисленных ныне случаев бойкота японских товаров?

Итак, Япония встает перед очень непростым выбором. Либо, как я предлагаю, она должна будет открыть свои колонии для внешней торговли с другими странами и тем самым сделать шаг на пути к международному освоению наших территорий и к обеспечению мира и относительной свободы торговли; либо по-прежнему придерживаться стратегии монопольного владения Дальним Востоком. Этот выбор представляет собой отчетливую альтернативу: если мы пойдем вторым путем, то от первого придется раз и навсегда отказаться, а если пойдем по первому, то нужно поставить крест на втором. И делать этот выбор все равно придется.

Какой же путь более выгоден для Японии? Если речь идет о выгодах, то я без колебаний отвечаю: первый! Хочу подчеркнуть, что, выбирая этот путь, мы сохраняем те

преимущества, которые сейчас имеем на Дальнем Востоке; отказаться придется только от монопольного обладания этими преимуществами. Пространства Восточной Азии должны быть открыты для освоения всеми народами мира и на равных для всех условиях.

Но почему только Восточной Азии? Последовательно проводя в жизнь этот подход, следует признать, что весь мир должен быть равным образом открыт для всех стран этого мира. Иными словами, последовательная реализация этого принципа откроет перед нами весь мир! Правильно ли будет не воспользоваться столь благоприятным случаем для развития экономики Японии?

А что произойдет, если Япония пройдет противоположным курсом, направленным на монопольное главенство на Дальнем Востоке? Наверное, на Дальнем Востоке мы действительно получим определенные выгоды. Однако весь остальной мир окажется для нас закрыт - ну, может быть, не полностью закрыт, но многочисленные препятствия и барьеры появятся обязательно. Но, строго говоря, и на Дальнем Востоке дивиденды нам далеко не гарантированы. Для того, чтобы это понять, достаточно обратиться к последним событиям в японо-китайских отношениях.

Можно, конечно, спросить автора: а почему, собственно говоря, он так уверен в том, что после того, как Япония откажется от курса на главенство в Восточной Азии, остальные страны тоже «откроют двери» своих колоний и позволят всем беспрепятственно вести экспортно-импортные операции? А вдруг этого не произойдет?

Отвечаю: безусловно, это не тот случай, когда проблему могут решить обязательства одной-единственной страны; подобные обязательства должны взять на себя все. Но, как мне представляется, страны мира сейчас уже настолько устали от нынешних ограничений внешней торговли, настолько опасаются обусловленной этими ограничениями неустойчивости международного положения, что без колебаний пойдут на такой шаг. Иллюстрациями к справедливости этого тезиса могут служить многочисленные заявления государственных деятелей, например, высказывание (а, точнее, наверное, не высказывание, а в буквальном смысле слова крик души) одного из руководителей американской администрации, процитированное в предыдущем номере журнала.

Другое дело, что страны мира до сих пор пока так и не смогли найти ту путеводную нить, которая гарантированно бы вывела мир из создавшегося трудного положения. Иными словами, они ожидают, что кто-то если не укажет им выход из создавшегося положения, то хотя бы объяснит, в какую сторону следует двигаться. Поэтому я просто уверен: если сейчас Япония поставит во главу угла своей дальневосточной политики открытость, то это, несомненно, найдет широчайший отклик во всем мире. Таким образом, именно Япония сейчас имеет шанс повести за собой весь мир.

До сих пор Япония в своей внешней политике ориентировалась на действия западных стран. Фигурально выражаясь, пока мы двигались по пути, проторенному другими (идея главенства нашей страны в Восточной Азии тоже, по сути своей, является заимствованной). Пора, наконец, Японии выйти из положения догоняющего, пора своим примером воодушевить и повести за собой все страны мира! Такие светлые перспективы открываются перед нашей страной впервые.

= Уроки германской измены =

= Не усвоив их, нельзя рассчитывать на успех в дальнейшем =

Опубликовано в номере журнала «Тоё кэйдзай симпо» от 2 сентября 1939 года под рубрикой «Мнение редакции»

Как уже отмечалось в заметке, опубликованной в предыдущем номере журнала под рубрикой «Финансовый обзор», нынешнее германо-советское сближение, вне всякого сомнения, нужно рассматривать как удачный ход Германии.¹¹⁷ Если бы фюрер Гитлер безучастно наблюдал за сближением между СССР, Англией и Францией, то он тем самым только нанес непоправимый ущерб своей стране.

Вместе с тем, Гитлеру не избежать обвинений в том, что предпринятые им действия вошли в противоречие с декларируемым Германией антикоммунизмом, а также в том, что предпринимая подобные шаги, он не проконсультировался с Японией. Сам же Гитлер продолжает настаивать, что его цель состоит в изоляции Англии и обеспечении на этой основе всемирного господства арийской расы.

Некоторые наблюдатели теперь утверждают, что нужно было быстрее создавать военный союз Германии Японии и Италии, что это якобы могло помешать сближению между Германией и СССР. Идея представляется весьма заманчивой, тем более, что, судя по ситуации в Европе, Германия вела себя так, что можно было подумать, будто она колеблется в поисках союзников и не решается сделать выбор между СССР и Японией. Однако правда состоит в том, что сейчас не существует причин, по которым Германия должна выбрать в союзники именно Японию. Более того, в состоянии нынешней самовлюбленности и самодостаточности Германия, вероятнее всего, будет продолжать решать все внешнеполитические вопросы самостоятельно. Факт заключения японо-германо-итальянского военного союза на эту самостоятельность повлиять не мог – по-моему, это очевидно и без комментариев.

Безусловно, сейчас никто не сможет сказать, будут ли события и дальше развиваться по германскому сценарию. Но что совершенно очевидно – так это то, что проблема Данцигского, или Польского коридора¹¹⁸ с заключением советско-германского пакта быстро двинулась к своему полному и окончательному разрешению. И в этом смысле намерения Германии угадываются безошибочно.¹¹⁹

В свете последних событий наши ответственные лица по необходимости узнали для себя много нового. В самом деле, почему Германия должна была игнорировать собственные интересы и оказывать какие-то благодеяния Японии? Некоторое время назад Германия, исходя из тогдашней международной обстановки, пришла к выводу, что ей будет выгодно заключить антикоминтерновский пакт. Наши власти, исходя из выгод, которые это сулило Японии, также приняли решение подписать это соглашение. Но сегодня этот договор перестал быть выгодным Германии, и она нам изменила. Нужно ли нам негодовать по этому поводу?

Почти два с половиной года, с тех пор, как в 1936 году был заключен антикоминтерновский пакт, наши власти, потупив взор, заискивали и раболепствовали перед Германией. Вот когда нужно было негодовать! Разве такое положение дел отвечало японским интересам? Но я не помню, чтобы наш народ высказал за все это время хоть слово упрека или порицания.

Что же ждет нас в будущем? Что думают по поводу произошедшего наши государственные деятели? Какова будет наша внешняя политика? И, наконец, что предстоит пережить японскому народу?

= 2 =

Прежде всего, мне хотелось бы обсудить следующий вопрос: нужно в сложившейся международной обстановке снова протягивать руку дружбы какой-либо иностранной державе? Лично я в этом не уверен: уж очень не хочется повторять печальный опыт общения с Германией.

В последнее время на фоне военного союза Японии, Германии и Италии в нашей

стране получили широкое распространение антибританские настроения и даже антибританские движения. Во множестве осуждаются настроения своеобразной «англобоязни», царившие в нашей стране после Реставрации Мэйдзи, как и вообще наши слабодушие и самоуничижение перед иностранными державами.

Я также не считаю подобные взгляды полностью ошибочными. Однако не нужно впадать в другую крайность и считать их единственно правильными. Как мне представляется, тот повышенный интерес к дипломатии вообще и отдельным странам в частности, который наблюдался у нас в первые годы после Реставрации Мэйдзи, то пристальное внимание, которое уделялось этим темам (вплоть до публикаций в газетах сообщений телеграфных агентств) - все это объяснялось необходимостью дать нашему народу представление об истинном положении дел в этих странах. В определенном смысле это действительно был период некоей робости перед границей, но этот период, по-моему, закончился.

Говорят, что не в меру кланяющийся выставляет себя на посмешище. То же и в политике: потеряв чувство меры, легко оказаться в дураках. Только в данном случае в неприглядном виде предстал перед иностранными державами японский народ. Настоящая политика так не делается.

= 3 =

Второе: нужно немедленно прекратить заигрывать с иностранными державами. Подобное кокетство представляет собой жалкое и уродливое зрелище. Одновременно нам нужно немедленно перестать порочить отдельные страны и вообще убрать импульсивные и эмоциональные оценки из нашей внешнеполитической деятельности. Пора прекратить разыгрывать безобразные сцены, напоминающие приснопамятные времена «изгнания варваров» - а именно обилие таких сцен есть оборотная сторона нашего дипломатического кокетничания.

Международные отношения на современном этапе представляют собой очень сложную и тонкую материю. Примером тому – нынешнее германо-советское сближение. Сегодня, когда интересы разных стран тесно переплелись между собой, ни от кого нельзя ожидать постоянства: состояние непримиримой вражды может внезапно смениться крепкой дружбой и наоборот. Немало примеров справедливости подобного утверждения можно найти и в истории японской внешней политики первых лет Мэйдзи.

Дипломатия – это та же торговля. Сколь бы ни была выгодна сегодня сделка с партнером А, она не может помешать заключить завтра еще более выгодную сделку с партнером Б. Что же касается моральной стороны дела, то, по моему глубокому убеждению, отход от прежних договоренностей нельзя рассматривать как нанесение морального ущерба предыдущему партнеру.

В последнее время у нас вошел в моду термин «моральная дипломатия» (правда, никто так ясно и не определил, что это такое). Но если под моральной дипломатией подразумевается такая дипломатия, которая не позволяет пересматривать достигнутые ранее договоренности вне зависимости от того, как много неприятностей эти договоренности принесли – то это никакая не моральная, а просто застойная дипломатия.

Почему некая страна должна, пусть даже в угоду соображениям морали, выслушивать обвинения в том, у ее кормила власти стоят сплошь плуты и мошенники? По-моему, это очень опасная позиция.

Даже у самого отпетого негодяя можно найти положительные черты. То же можно сказать и о странах мира: среди них нет ни совершенно никчемных, ни с ног до головы аморальных. И в Германии, и в Англии живут обыкновенные люди, и каждый из них имеет свои недостатки. Но и плюсы у них тоже есть. Умело использовать эти плюсы и минусы – в этом, наверное, и состоит искусство дипломатии. И в этом смысле я с большим неодобрением смотрю на антианглийское движение, охватившее в последнее время всю нашу страну. Я не

против атак на Англию в том случае, если она проводит неправильную политику. Но нападать на то, что, так сказать, окружает эту политику: на английскую систему государственного управления, на характер британцев и даже на историю Англии – это значит, на мой взгляд, идти против правил приличия. Англичане могут казаться нам сколь угодно заклятыми врагами, но мы все равно не должны проводить столь близорукую политику.

= 4 =

Наверное, сказанное можно оспорить, утверждая, что упомянутое антианглийское движение носит общенародный характер и не связано с курсом, который проводит правительство. Что на это можно возразить? Прежде всего, то, что мне так не кажется. Почему? Хотя бы потому, что я не вижу причин, по которым правительство может отказать в содействии такому общественному движению. И потом: если у правительства никогда не было и в мыслях поддерживать столь мощное антианглийское движение, то почему оно тогда так равнодушно по отношению к другим таким движениям? Можно ли представить себе ситуацию, когда правительство одобрительно относится к противоположному по целям движению (но в остальном совершенно проправительственному)? Вряд ли.

И здесь мы подходим к третьей проблеме, понимание важности которой зреет в нашем народе. Проблема эта не сводится к простому желанию дипломатической самостоятельности и состоит в гораздо более серьезном требовании: быть терпимыми в повседневной жизни, обеспечить свободу слова и свободу распространения информации.

Почему обществу так необходимы свобода слова и свобода распространения информации? По нескольким причинам, главная из которых – в том, что давая людям доступ к разным мнениям и разнообразной информации, мы тем самым подпитываем их способность давать критические оценки. А сопоставление разных точек зрения – это единственный способ выработать сбалансированное общественное мнение.

Безусловно, складывающееся таким образом общественное мнение не всегда совпадает с мнением правительства. Однако именно существование такого различия дает возможность правительству избегать односторонних решений и продвигаться вперед, придерживаясь принципа «золотой середины».

Здесь не место для детального изложения и анализа подобных вопросов, поэтому ограничусь лишь общим замечанием о том, что, по моему мнению, многочисленные промахи, допущенные нашей дипломатией в последнее время, как раз и были, по большому счету, связаны с порочными попытками ограничить свободу слова и свободу распространения информации.

= 5 =

В-четвертых, не могу не сказать еще об одной проблеме, урегулирование которой отвечало бы чаяниям всего японского народа. Речь идет о том, что можно назвать централизацией или унификацией японской дипломатии. Несмотря на все разговоры о необходимости исправить создавшееся положение, оно продолжает стремительно ухудшаться, смывая в своем движении все следы прежних реформ.

В качестве примера можно привести случившуюся не так давно приостановку проходивших в Токио японо-английских переговоров по Северному Китаю.¹²⁰ Причина остановки состояла в том, что прямо в ходе работы встречи ее покинули армейские офицеры. Возможно, ничего существенного там и не произошло, но почему тогда офицеры позволили себе делать какие-то заявления? Пусть даже противная сторона насмерть стоит на своей позиции, считая это единственно верным средством достижения соглашения – все равно никто не в праве публично обсуждать позиции сторон на переговорах. Суть свободы

слова и свободы распространения информации состоит в том, что каждый имеет право высказывать свое личное мнение. Но такую свободу ни в коем случае нельзя предоставлять правительственным учреждениям, а, точнее, лицам, занимающим ответственные посты в этих учреждениях (по крайней мере до тех пор, пока эти люди продолжают исполнять свои служебные обязанности). Такой подход нельзя рассматривать как какое-то ограничение свобод в отношении этих лиц; напротив, это - свидетельство того, сколь важные посты люди занимают.

А пока нам остается только удивляться. Правительство какой страны может одновременно высказывать несколько точек зрения на ход продолжающихся переговоров? Где еще чиновники, принимающие участие в таких переговорах, могут публично делать «важные» заявления и при этом оставаться на своих постах? Где еще участники переговоров могут заявлять о правильности своей позиции и не слушать никаких аргументов партнера? Я не нахожу примеров подобного административного хаоса ни в истории Японии после Реставрации Мэйдзи, ни в новой истории других стран мира.

Но вернемся ко встрече в Токио. Заявления о ходе этих японо-английских переговоров исходили также от военных, находящихся в Северном Китае. Причем тексты этих заявлений изобилуют оборотами типа «Англия уходит от обсуждения...», «затягивание переговоров...», «лукавая политика...» и т.п., которые не оставляют у читателя сомнений в том, что сами переговоры между Японией и Англией являются совершенно бесполезными. Все это наводит на мысль, что таких же взглядов придерживается и правительство, но оно пока не считает нужным обнародовать свою точку зрения...

= 6 =

Приведу и еще один, самый свежий пример: это так называемое мнение по текущему моменту, опубликованное военным министерством 26 июля. В документе, в частности, отмечается, что Имперское правительство в своих отношениях с Европой исчерпало все имевшиеся в его распоряжении средства и возможности и теперь начинает строить отношения с европейскими странами с чистого листа. Надо сказать, что эти слова в целом не противоречат опубликованному за день до этого заявлению начальника канцелярии кабинета министров. Но уже следующий пассаж заявления военных - «при любых изменениях международной обстановки действия Империи в Китайском инциденте¹²¹ не претерпят ни малейших изменений» - претендует на то, чтобы отражать позицию всего государства. Такого рода заявления вправе делать лишь премьер-министр или, на худой конец, министр иностранных дел (то же справедливо и в отношении заявления, сделанного командованием японских войск, расквартированных в Северном Китае).

Имеет ли право военное министерство делать подобное заявление? Попробуем разобраться. Если предоставить военному министерству право высказываться по внешнеполитическим вопросам, то тогда нужно предоставить точное такое же право и военно-морскому министерству, и всем другим министерствам и ведомствам. А что будет, если каждое из десяти с лишним министерств в каждый удобный момент начнет публиковать свои заявления о том, каким внешнеполитическим курсом должна следовать Империя?

Пока, насколько можно судить таких проблем нет – у всех министерств существует единая точка зрения по этому вопросу. Но где гарантия, что такое единодушие сохранится и в будущем? И потом: хорошо еще, если в роли авторов подобных заявлений будут подвизаться руководители военного министерства или иных правительственных структур. А что будет, если с подобными заявлениями начнет выступать допустим, командование армии?

Часть никогда не должна подменять собой целое. Именно поэтому государство должно на корню пресекать подобные нарушения. Такие действия прощать нельзя, какие бы благие побуждения за ними ни стояли. Разве не такими же нарушениями были вызваны те многочисленные несчастья, которые обрушились на нашу страну в последние годы? Как

патриот своей Родины я просто обязан решительно выступить против подобного рода практики.

= 7 =

Выше я уже писал о том, что германо-советское сближение является совершенно естественным, и, упрекая Германию за этот шаг, наш народ должен сохранять хладнокровие и спокойствие.

Вместе с тем, записывая эти слова, я с трудом сдерживал слезы. На самом деле речь о невиданном в мировой истории позоре, о колоссальном дипломатическом поражении, после которого стыдно показываться людям на глаза! Было ли когда-нибудь хоть нечто подобное в 2600-летней истории Японии?!

«Союзные государства! Антикоминтерновский пакт! Тоталитаризм!» - Мы столько раз и с таким восторгом повторяли эти слова. И почему только они не застряли у нас в горле?

Но кто же, в конце концов, навлек такой позор на нашу страну? Германия? Кто-то другой? Нет, это сделала сама Япония! Это мы сами совершили все эти ошибки! И народ в них быстро разобрался, хотя и не стал говорить об этом открыто. Что и говорить, властям нужно внимательнее прислушиваться к голосу народа...

Но нет худа без добра. Япония еще возблагодарит небо за его неслыханное благодеяние. Ведь что было бы, если бы Германия нам не изменила и мы бы вместе с ней оказались втянутыми в какие-то крупные события? Какая бы судьба ожидала Японию в таком случае? Меня бросает в дрожь от одной мысли об этом...

Сегодня наша страна наконец-то получила возможность иметь собственную точку зрения на международные проблемы. Япония вырвалась из пут материальных и моральных обязательств и снова обрела свободу! Сейчас самый подходящий момент для того, чтобы начать совершенно новую внешнюю и внутреннюю политику. И подарил нам этот момент Японии пакт о ненападении между Германией и СССР.

Воистину, Япония – это страна, хранимая богами! Боюсь только, что если мы проигнорируем знамения, посылаемые нам свыше, если мы по-прежнему будем скверно управлять своей страной, то небеса сменят свою милость на гнев.

Настало время проявить свои патриотические чувства и потребовать от властей переоценки проводимой ими политики!

= О так называемом вмешательстве военных в политику =

= Все дело в бессилии самих политиков =

Опубликовано в номере журнала «Тоё кэйдзай симпо» от 25 февраля 1940 года под рубрикой «Мнение редакции»

На днях в ходе обсуждения бюджета в нижней палате парламента между депутатами Макино и Кита с одной стороны и военным министром Хата - с другой несколько раз вспыхивала дискуссия по вопросу участия военных в политической деятельности.

Насколько можно судить, эта дискуссия окончилась безрезультатно. Обычно так бывает в том случае, когда ни тот, кто задает вопросы, ни тот, кто на них отвечает, по настоящему не разбираются в предмете полемики.

Отвечая на вопрос депутата Макино, военный министр Хата, в частности, заявил: «По краеугольным политическим вопросам свое мнение может высказывать только военный министр. Однако часть служащих военного министерства, действуя на основе указаний военного министра или под общим ведомственным контролем, также может сформировать

свое мнение по тем или иным политическим вопросам и затем это мнение высказывать. Думаю, это вполне естественно».

Чрезвычайно спокойное и здравое высказывание! Если бы вся наша армия действовала бы подобным образом, то вопрос о вмешательстве военных в политику вообще никогда бы не возник! Подчиненный формирует и высказывает свои политические взгляды по указанию министра или «под общим ведомственным контролем» - да такое у нас происходит в каждом министерстве, а сейчас и в парламенте, где заседает множество чиновников.

Когда по политическим вопросам высказывается чиновник министерства иностранных дел или служащий министерства торговли и промышленности, то никаких вопросов не возникает. Почему? Да потому, что заявления этих лиц, будь то заместитель министра или советник, отражают сложившееся в ведомстве мнение, проясняют профессиональные взгляды - и не более того. Подобные заявления никогда не отражают личного мнения выступающих чиновников. Однако когда с заявлениями выступают военные, то это моментально создает проблемы. В чем причина? Для ответа на этот вопрос вновь обратимся к уже упоминавшейся дискуссии с участием военного министра Хата - стенограмма этой дискуссии может служить неиссякаемым источником размышлений на заданную тему.

Так, отвечая на один из вопросов господина Кита, военный министр Хата заявил следующее: «Перечитайте сообщения в газетах, отражающие так называемую общеармейскую точку зрения на ту или иную проблему. Вы увидите, что в этих сообщениях чаще всего приводится моя точка зрения. Но я никогда не заявлял, что моя точка зрения – это и есть точка зрения всей армии!»

Стоит обратить внимание и еще на одно высказывание генерала: «Армия – организация демократическая, и в ней не может быть ни одной, обязательной для всех точки зрения, ни, тем более, общеармейской точки зрения. Поэтому мое мнение как военного министра никак не может совпадать с мнением всей армии, я просто никогда не берусь говорить от имени всей армии!»

Последний комментарий также представляется мне естественным. Безусловно, ни министр Хата, ни любой другой военный министр никогда не выражал точку зрения всей армии. Это абсолютная правда.

Далее. Рассуждая о понятиях «армия» или «военные», мы обычно имеем в виду личный состав от маршала до солдата. Но не нужно забывать, что нашу армию изволят возглавлять Его Величество Император Японии. Это ясно следует из «Императорского рескрипта военным служащим армии и флота» от 1882 г. И нет необходимости говорить, что это обстоятельство сразу обесценивает многие рассуждения об общеармейском мнении и тому подобных материях...

Но все-таки, почему у нас снова и снова говорят о некоей «общеармейской» точке зрения на те или иные проблемы? Почему газеты упорно твердят о том самом общеармейском подходе, существование которого не признает военный министр Хата? Думаю, дело здесь в том, что простые люди не очень хорошо представляют себе, что такое армия, и потому отождествляют ее с группой военных, имеющих влияние в военном министерстве. Именно о мнении этой группы военных и говорят как о мнении армии в целом.

Впрочем, дело, конечно, не только в подмене понятий. Вопрос в том, что это так называемое мнение армии в последние годы стало движущей силой нашей политической жизни (или, по крайней мере, складывается впечатление, что оно стало такой силой). Хорошо это или плохо, но это – так. Примеров тому можно привести великое множество.

Среди действий, предпринятых в угоду этому так называемому мнению армии, называют даже формирование кабинета министров или роспуск парламента. Некоторые из этих действий открыто обсуждаются в обществе, другие остались на уровне слухов, но факт остается фактом: исключив из анализа это так называемое мнение армии, нельзя понять очень многие из произошедших в последнее время событий.

Безусловно, можно стать и на другую точку зрения и объявить все эти рассуждения о мнении армии обыкновенными домыслами. Но даже если это действительно слухи и домыслы, то тогда тем более стоит отметить возникновение опасной тенденции, которая состоит в следующем: и в Японии, и за рубежом широко распространилось мнение, будто в японском обществе «армия» стала движущей силой политической жизни.

В качестве иллюстрации к сказанному можно привести «дело» Сайто Рокуо, рассматривавшееся недавно в палате представителей.¹²² Как отмечала 14 февраля газета «Токио Асахи симбун», военные и правительство настроены решительно, и потому господин Сайто, скорее всего, все-таки будет исключен из числа депутатов парламента. Высказывается даже мнение, что если парламент не сможет лишить депутата его статуса, то правительство в назидательных целях может подать петицию Императору с просьбой распустить парламент. Подобные сообщения поместила не только «Асахи симбун», но и многие другие газеты.

Безусловно, никто не может сказать, сколько в этих сообщениях правды, и кто конкретно стоит за словом «военные» - военный министр или кто-то иной. Но самое поразительное в этой истории – это сам факт того, что, оказывается, влияние то ли премьер-министра, то ли военного министра, то ли какого-то правительственного органа простирается вплоть до дисциплинарной комиссии органа законодательного. Но главное - у читателей подобных заметок остается прочное впечатление, что некие «военные» имеют возможность очень активно вмешиваться в политическую деятельность. Нет необходимости говорить, сколь неблагоприятно это сказывается на представлении о военных в подлинном смысле этого слова.

Впрочем, как мне представляется, было бы ошибкой винить в создавшемся положении исключительно тех, кого называют «военные». Если они действительно вмешиваются в политику, то вина за это лежит в первую очередь на правительстве и на наших политиках. Если бы правительство имело реальную силу, если бы политики были людьми высокого ума, если бы они твердо держали в своих руках бразды правления и не оставляли никаких лазеек в законах – разве смогли бы военные вмешиваться в нашу политическую жизнь?

Может ли солидный хозяин позволить, чтобы его надувал собственный приказчик? Может ли достойный глава семейства быть под каблуком у своей жены? Вот и здесь – точно такая же ситуация...

Независимо то того, вмешиваются ли военные в политические дела или нет, распространение такого рода слухов явно свидетельствуют о том, что наши политики окончательно потеряли доверие людей.

Если бы народ был уверен, что наши политики обладают достаточной силой для того, чтобы успешно управлять государством, то разве осталась бы в Японии хоть одна щель, из которой могли бы выползти такие слухи?

Это ясно видно на примере того же «дела» Сайто. Не знаю, что именно он сказал во время своего выступления в парламенте, но ясно, что слова депутата были признаны крамольными – иначе не повела бы дело с такой невиданной быстротой дисциплинарная комиссия парламента. Машина завертелась: председатель палаты изъял слова выступавшего из протокола заседания, сам он предстал перед дисциплинарной комиссией, а партия Минсэйто... А Минсэйто не была бы Минсэйто, если бы безо всяких разбирательств не исключила из своих рядов одного из старейших своих членов. Я уж не говорю о том, что формально господин Сайто вышел из партии по собственному желанию, хотя, насколько можно судить, такого желания никогда не испытывал...

Удивительно ли, что нижняя палата парламента, состоящая из таких беспринципных и бесхребетных политиков, оказалась готова заискивать перед теми, кого называют «военными», оказалась готова мгновенно исключить депутата из числа членов парламента, - словом, оказалась готова на все? Именно такое впечатление о ней и сложилось в обществе.

Беда нашей сегодняшней политической жизни не в том, что в нее вмешиваются

военные. Беда в том, что политики допускают такое вмешательство. Хорошо известно, что болезнетворные бациллы – это еще не болезнь. Болезнь начинается тогда, когда организм позволяет этим бациллам беспрепятственно размножаться.

= В ожидании Столетней войны =

*Редакционные статьи номеров журнала «Тоё кэйдзай симпо» от 5, 12 и 19 июля 1941 года
= 1 =*

Эта подборка представляет собой тезисы лекции, прочитанной недавно в Экономических клубах районов Кансай и Тюбу, а также города Кобэ. Вначале мне показалось, что такое название лекции будет только отпугивать людей, но, трезво поразмыслив, я решил все же его оставить, поскольку оно наиболее точно отражает содержание лекции. Рассчитываю на то, что читатели также одобряют мое решение.

= Положение на фронтах обостряется =

Сейчас на фронтах англо-германской войны сложилось крайне тяжелое положение. И это – не фигуральное выражение. Это – вывод, к которому приходишь, анализируя ход событий. До сих пор Германия одерживала одну победу за другой. Но Англия не выглядит страной, готовой легко покориться противнику...

Вступят ли в войну Соединенные Штаты? Этот вопрос обсуждается уже довольно долго. Как Вам известно, в последнее время в стране особенно усилились настроения в пользу участия в войне, фактически сложилась предвоенная ситуация. Но пока США не направили свои войска в Европу (и вообще флот в военных действиях используется далеко не в полную меру).

Как я уже много раз говорил, если Германия и другие державы оси захотят поставить Америку на грань войны, то у нее, по большому счету, не останется места для колебаний. Но пока, насколько я могу судить, Германия и ее союзники не собираются идти на открытую конфронтацию со США. Иными словами, им придется еще некоторое время терпеливо сносить вызывающее поведение Соединенных Штатов. Впрочем и США, которые пока не видят необходимости вступать в войну, могут в силу внутренних причин достаточно быстро изменить свою позицию. Так или иначе, меня не покидает ощущение, что нынешняя война вполне может расширяться до масштабов войны германо-американской.

Но при таком развитии событий должен будет измениться сам характер этой войны. Насколько можно судить, война между Германией и Англией много времени не потребует. Однако если в войну с Германией вступят Соединенные Штаты, то она неминуемо примет исключительно затяжной характер.

Началась также война между Германией и СССР. До сих пор только Советский Союз не был вовлечен в военные столкновения, и это ставило его в исключительно выгодное положение. Но теперь, насколько можно судить, ситуация резко изменилась. Словом, положение на театре военных действий на самом деле усложнилось чрезвычайно.

До тех пор, пока продолжается война в Европе, а ситуация на ее фронтах остается сложной, будет сложно урегулировать и японо-китайский инцидент,¹²³ да и в целом положение в Восточной Азии будет оставаться нестабильным. Иными словами, в мире по-прежнему продолжается смутное время...

Когда-то, давным-давно, между Англией и Францией велась так называемая Столетняя война. Она действительно продолжалась сто с лишним лет, с 1338 по 1453 годы. Мне кажется, что сейчас мир также стоит на пороге Столетней войны.

= Столетняя война. В каком смысле? =

Когда я давал своей лекции странное название «В ожидании Столетней войны», я вовсе не имел в виду, что новая война будет обязательно длиться сто лет. Собственно говоря, и война между Англией и Францией не шла непрерывно каждый день с 1338 по 1453 годы. Речь идет о том, что все это время оставались враждебными отношения между этими странами, в результате чего между ними снова и снова вспыхивали военные действия.

Тем более не может непрерывно продолжаться сто лет современная война, война, в которой стороны используют самое совершенное оружие, а от бедствий страдают огромные массы людей. Наверное, в новой войне будут и периоды перемирий, и множество разных иных событий. Говоря о столетней войне в современных условиях, я имел в виду, что в нынешнем политически нестабильном мире война, единожды начавшись, не сможет быстро закончиться, хотя будет иногда казаться близкой к своему завершению. «Столетняя» - это не более чем фигуральное выражение, призванное показать, что нынешняя нестабильность в мире имеет долговременный характер.

Что же касается конкретной, уже идущей войны, то она по существу представляет собой продолжение предыдущей мировой войны, с момента начала которой в 1914 году не прошло и 30 лет. Взяв начало той войны за точку отсчета, получаем, что нам предстоит пережить еще 70 лет общемировой смуты.

Хочу отметить, что все, о чем я буду говорить, пока нигде публично не сообщалось, не публиковалось и вообще систематически не излагалось. Иными словами, заявив такую тему лекции, я буду вынужден строить аргументацию и приходиться к определенным выводам прямо на ваших глазах. Поэтому заранее прошу меня извинить за такой стиль изложения. Буду также рад выслушать ваши критические замечания.

= Немного о мировой войне =

Когда мы размышляем о современных экономических и политических проблемах, то нас обычно волнует то, что происходит сегодня, та война, которая идет сейчас. Но правильно ли это?..

Сейчас много говорят о том, как нынешняя война скажется на ценах, на снабжении товарами, о том, какова будет новая экономическая система и т.п. Но все это, как мне кажется, не так важно. Важнее то, каким станет в будущем мир и какое место займет в нем Япония. Однако для того, чтобы ответить на эти вопросы, необходимо понять, из чего выросла нынешняя ситуация. Не разобравшись в этом вопросе, мы не сможем решить наши сегодняшние проблемы, ибо проблемы эти, как выясняется, тесно связаны с прошлым.

Делая подобный анализ, необходимо рассмотреть многие и многие события, произошедшие в прошлом, но прежде всего, конечно, нужно обратиться к итогам прошлой войны. А итоги эти таковы: в мире в результате прошлой войны произошли огромные изменения и в политике, и в экономической сфере. Таких перемен, вообще говоря, никто не ожидал.

Надо сказать, во время той войны также широко дебатировался вопрос о том, окажется ли мировая экономика после войны в состоянии истощения или нет. Я тоже, помнится, внес свою скромную лепту в эту дискуссию, опубликовав работу об экономическом положении в мире после наполеоновских войн и о тех ожиданиях, которые были после их окончания.

Но, повторяю, в результате мировой войны произошли поистине колоссальные изменения. За примерами далеко ходить не надо: достаточно назвать создание в России коммунистического государства или вспомнить о чудовищной инфляции, которая обрушилась на Германию и полностью уничтожила ее экономическую и политическую системы. Более того, в результате войны рухнула вся мировая финансовая система, основанная на золотом

стандарте, так что мировая экономика оказалась в состоянии полного хаоса. Иными словами, война совершенно изменила существовавший миропорядок.

Во время войны, конечно, никто не ожидал подобных изменений. Находились, правда, люди, которые предрекали, что длительная война приведет к гибели всей европейской цивилизации, но, думаю, теперь всем ясно, что сделанные ими выводы оказались недостаточно глубокими. Но верно и то, что большинство полагало, будто после периода послевоенной экономической депрессии мировая экономика вернется в прежнее состояние и в нем стабилизируется. А этого не случилось.

= Каким будет мир после войны? =

Ну, а что же будет после нынешней войны? Теперь многие наблюдатели уверены в том, что после этой войны в мире также произойдут огромные политические и экономические перемены. При этом они полагают, что нынешняя война примет еще более общий характер, нежели предыдущая, а главным средством для изменения мира станет тоталитаризм того типа, который уже имеет место в Германии.

Мне эти прогнозы кажутся преждевременными. Несмотря на то, что сейчас множество людей считает своим долгом рассуждать о глобальных изменениях, которые произойдут в послевоенном мире, на самом деле в ясном виде эти изменения пока никто себе толком не представляет. Сказанное относится, естественно, и к рассуждениям о будущей экономической системе.

В Японии сейчас тоже во множестве выходят статьи и заметки на эту тему – правда, я не могу избавиться от ощущения, что никто эти статьи не читает. Но даже если кто-нибудь возьмет на себя труд специально прочитать все такие статьи и суммировать сделанные в них оценки, то, боюсь, и для него останется неясным лицо этой новой экономической системы. Будет ли мир по-прежнему разделен на экономические блоки? Сохранится ли зональный характер мировой экономики? Будет ли мир, как сейчас, разделен на четыре экономических зоны?¹²⁴ Сохранится ли это деление после войны?

Сейчас высказываются самые разные мнения на этот счет, но, повторюсь, мне не кажется, что кто-то у нас совершенно отчетливо представляет, какие контуры и какие характерные черты будут у послевоенных экономических зон. За границей на этот счет также высказываются самые разные предположения, однако, насколько я могу судить, там дело также еще не дошло до каких-то конкретных планов и проектов. Правда, Германия и ее союзники говорят о том, что в будущем мире везде и всюду будут господствовать принципы тоталитаризма, однако и истинный характер этого термина пока, по существу, остается неясным.

В противоположность Германии, в Великобритании и США декларируется приверженность к так называемой демократии (*democracy*), но это также не более, чем термин, ибо что такое демократия и в чем ее сущность, также, по существу, остается неясным.

Надо сказать, что и в прошлую войну Англия и США вступили под тем же лозунгом защиты демократии, который используется ими и в нынешней обстановке. Иными словами, эти страны уже достаточно давно отстаивают то, что они называют демократией. Однако им, как известно, противостоит другой подход, согласно которому демократия не может служить основой для будущего миропорядка.

Итак, с чем можно согласиться – так это с тем, что после нынешней войны мир, по-видимому, действительно ждут большие изменения. Многие наблюдатели предчувствуют эти перемены, но каковы они будут на самом деле – этого, по-видимому, не знает никто. Когда же будущее обретет ясные очертания? Когда станет понятно, какие именно перемены нас ожидают?

Как уже отмечалось, говоря «Столетняя война», я вовсе не имею в виду, что эта

война будет продолжаться ровно сто лет. Это просто образное выражение, и его, между прочим, можно понимать и так, что изменения, произошедшие в ходе такой войны, будут сказываться в мире еще очень длительное время.

Напомню, что экономические и политические потрясения, вызванные началом прошлой мировой войны, сказались на нас очень сильно и практически сразу после начала военных действий. Ход нынешней войны пока такого воздействия не оказал, и экономическая ситуация остается относительно спокойной. Почему? Может быть, потому, что и сама война еще по существу не началась? Но что несомненно – так это то, что начавшаяся (или начинающаяся) война уже раскачивает мировую экономику и будет раскачивать ее еще длительное время. И в этом смысле я тоже могу назвать данную войну Столетней.

= История развития капитализма =

Прошу меня извинить за повторение старых и известных вещей, но я не могу не сказать вот о чем.

В современном мире существует множество структур, возникших на основе таких базовых идейных концепций, как индивидуализм, либерализм, капитализм и т.п. Но когда начинаешь размышлять о том, почему именно к этим идеям общество проявляет столь большой интерес, то рано или поздно приходишь к выводу, что, по большому счету, движущими силами этого интереса были технический прогресс и обусловленный им переход к массовому производству товаров.

Материальные потребности человека всегда были, есть и будут почти безграничными. Однако до наступления эпохи технического прогресса и развитых технологий у нас не было никакой возможности хотя бы частично удовлетворить эти потребности, поскольку производство товаров тогда росло исключительно медленными темпами. Обществу приходилось искусственно подавлять эти потребности или, говоря иными словами, искусственно ограничивать свободу. По этой же причине средневековая мораль декларировала воздержание и аскетизм, то есть ставила во главу угла подавление страстей и желаний.

Однако и в те эпохи наблюдались периоды мира и спокойствия, когда технический прогресс мог сделать шаг вперед, когда удавалось произвести и накопить большое число тех или иных товаров. В эти периоды времени уже не было необходимости столь жестко подавлять человеческие потребности, поскольку поставляемые на рынок товары эти потребности до определенной степени могли удовлетворить.

В нашей стране подобный ход событий имел место, например, в период Гэнроку.¹²⁵ Напомню, что именно тогда военное правительство, долгое время боровшееся с роскошью, было вынужденно временно прекратить такую борьбу.

Подобными же причинами можно объяснить и возникновение в Европе XV-XVI веков так называемого Ренессанса - периода расцвета идей, основанных на принципах индивидуализма.

Далее. Как вам известно, в середине XVIII века на Западе началась так называемая промышленная революция, суть которой состояла в том, что на производстве стали использоваться машины и механизмы. Сначала появились хлопкопрядильные машины, затем – ткацкие станки, потом, спустя еще некоторое время – паровые машины. Благодаря промышленной революции начался расцвет производства.

В нашей стране хлопкопрядильные машины начали использоваться еще до японо-китайской войны. Но это были простейшие механизмы, которые приводил в движение один работник. К тому же каждый из этих механизмов давал единственную нить. Между тем еще в середине XVIII века англичанин Харгривс изобрел 8-веретенную хлопкопрядильную машину, с помощью которой один человек мог прясть сразу восемь нитей.¹²⁶ Считается, что одним из стимулов к созданию этой машины послужила премия, которую Британское техническое

общество установило для изобретателя, прядильная машина которого будет скручивать более шести нитей. Конечно, с точки зрения сегодняшней техники эта машина кажется весьма примитивной, но нельзя забывать, что производительность этой машины была в восемь раз выше, чем у ее предшественниц. Поэтому на самом деле изобретение такого устройства знаменовало собой настоящий промышленный переворот.

= Изобретение машин и формирование класса капиталистов =

В результате промышленной революции начался бурный рост производства. Как следствие, отпала существовавшая прежде необходимость сдерживать рост потребностей людей, что, в свою очередь, вылилось в предоставление им значительной личной свободы. На этом фоне и начался расцвет либерализма и капитализма.

Но здесь я хотел бы обратить ваше внимание вот на какое обстоятельство. Сама по себе техника – это только техника. Без людей, которые эту технику применяют и эксплуатируют, никакой прогресс невозможен. Напомню, что на начальном этапе промышленной революции ремесленники отказывались пользоваться машинами, а нередко и преследовали их изобретателей. Протесты ремесленников объяснялись тем, что с появлением машин они теряли работу и возможность зарабатывать себе на жизнь.

В этих условиях появились люди, которые поняли, что одними только изобретениями прогресс обеспечить не удастся. Проявив недюжинную смелость, эти люди стали вкладывать в модернизацию производства свои средства. Не будь этих предприимчивых людей, изобретения остались не более, чем забавными игрушками, и никогда не нашли бы практического применения. Но, повторяю, к счастью, такие люди нашлись – и именно их сейчас называют капиталистами или промышленниками.

Позднее, в социалистических писаниях, слово «капиталист» приобрело смысл «богач», но на самом деле в начале периода Нового времени капиталисты представляли собой не более, чем горожан, чаще всего - неблагородного происхождения. Эти люди, имея определенные средства, начали финансировать изготовление машин. Капиталисты первыми поняли, что только широкое использование машин обеспечит создание новых производств и гарантирует общественный прогресс. Так начал складываться новый общественный класс.

Примерно таким же образом проходила промышленная революция в Японии после Реставрации Мэйдзи. Здесь также быстро появился класс капиталистов и предпринимателей, основу которого составили выходцы из бывших самураев и землевладельцев, причем и те, и другие были людьми незнатного происхождения. Что же касается технического обеспечения, то наша промышленная революция совершилась, в значительной степени, благодаря технике, ввезенной с Запада.

Надо сказать, что капиталисты и предприниматели, затеяв промышленную революцию с использованием машин, менее всего думали о благе общества. С очевидностью, они работали исключительно ради собственной выгоды, ради преумножения своего капитала. Однако именно в результате их работы развернулась активная деятельность народных масс. Поначалу она была направлена на выражение протеста: как я уже говорил, в результате промышленной революции заметно ухудшилась жизнь ремесленников. Во многих местах дело доходило до бунтов и восстаний, участники которых протестовали против применения машин и механизмов.

Однако самыми примечательными особенностями переходного периода, обусловленного промышленной революцией, стало увеличение объемов выполняемой в обществе работы и, соответственно, рост объемов производства. В результате к труду стали привлекать женщин и детей.

Сейчас в обществе уделяется немало внимания тем ужасным условиям труда, которые сложились на промышленных предприятиях, вопросам охраны здоровья работающих и т.п. Эти проблемы, что называется, на слуху. Но все они – продукт более позднего времени. На

первых этапах промышленной революции люди искренне радовались тому, что у женщин и детей появилась возможность работать. Ведь если раньше ребенок не мог ничего заработать и являлся «лишним ртом», иждивенцем, то теперь он мог получать деньги за свою работу. Гораздо больше, чем прежде, стало рабочих мест для женщин – и, надо сказать, тогда это тоже только приветствовали.

Сходные процессы шли и в нашей стране. С ростом числа прядильных машин росло и число рабочих мест для женщин и детей, и этот рост, очевидно, встречали с радостью – особенно в крестьянских семьях. Безусловно, впоследствии этот процесс дал и неприятные следствия, но на начальном этапе он принес пользу практически всему обществу.

Полностью оправдалось предсказание Адама Смита, который в своей работе «The Wealth of Nations»¹²⁷ отмечал, что при уважении принципов свободы в обществе, состоящем из отдельных людей, преследующих собственную выгоду, в конце концов преумножается и общественная польза.

= 2 =

= Промышленная революция и повышение производительности труда =

Я уже несколько раз говорил о том, что изобретение и использование машин и механизмов привело к росту объемов проделанной работы и увеличению объемов производства. Для производства того же объема продукта человек предпринимал теперь гораздо меньше усилий, тратил меньше труда, чем в прежнем, семейном производстве. На фабриках стали использоваться высокопроизводительные механизмы – прежде всего, паровые машины. Постепенно эти фабрики превратились в крупные промышленные предприятия, на которых трудилось огромное число рабочих.

В прошлом каждый из людей, занимавшихся ремеслом, был, так сказать, хозяином собственной судьбы, то есть работал и содержал себя сам, на свой страх и риск. Кроме того, каждый сам набирал себе небольшое число учеников и подмастерьев, которые работали под его присмотром.

Теперь же структура производства полностью изменилась. Основными центрами производства стали заводы – сосредоточение огромного числа рабочих. При этом знания, квалификация, производительность труда каждого рабочего были несравненно ниже тех, которыми обладали ремесленники. То же наблюдалось и в торговом деле: здесь также возникли крупные компании, в которых работало большое число служащих, причем труд каждого из них был гораздо менее эффективен, чем работа, которую делали хозяин и его приказчики в частной лавке. Можно сказать и иначе: новые служащие работали гораздо меньше, чем раньше, поэтому с точки зрения традиционного хозяйствования новые промышленные предприятия казались образцами бесхозяйственности и расточительности.

Но так ли это было на самом деле? Нет, не так. За кажущейся бесхозяйственностью промышленных предприятий Нового времени скрывались огромные достоинства. Несмотря на невысокий уровень производственных навыков отдельного работника, производительность труда предприятия в целом оказывалась достаточно высокой. За счет чего? За счет применения техники. Именно для повышения производительности труда предприятия оснащались машинами, именно в применении машин состояла суть той промышленной революции, которой было ознаменовано Новое время.

Итак, изобретение машин и оснащение ими предприятий стали главными факторами, обеспечившими прогресс. Без этого промышленная революция никогда бы не состоялась. Сама по себе погоня капиталистов и предпринимателей за прибылью никогда бы не привела ни к росту производства, ни к увеличению общественной пользы.

= Упадок капитализма и поиск новых принципов управления =

Капитализм и либерализм успешно развивались почти весь период Нового времени, но в последние годы пришли в упадок. Почему? Детально ответить на этот вопрос довольно трудно, но если говорить о главной, основополагающей причине такого упадка, то я бы назвал все ту же мировую войну.

Некоторые исследователи полагают, что мир с окончанием мировой войны вернулся в свое довоенное состояние. Это, конечно, далеко не так. В действительности в мире произошли колоссальные изменения. Обратного хода для него нет – это видно хотя бы из того факта, что попытки вернуть мир к прежнему состоянию с помощью Лиги наций и других подобных инструментов международного сотрудничества потерпели полную неудачу. Если же говорить об экономике, то основной чертой послевоенного мира стал глубокий экономический кризис.

Нового в этом мало: такой же кризис наблюдался и после наполеоновских войн. Но последний кризис имел свои особенности. Так, в условиях экономической блокады, связанной с долгой мировой войной, в ряде государств (причем как воевавших, так и нейтральных) возникли новые, нехарактерные для них прежде отрасли промышленности. В частности, в Японии в ходе мировой войны бурное развитие претерпели такие отрасли, как сталелитейная промышленность или производство красителей. И так было не только в Японии.

Если говорить о красителях, то до войны и Англия, и США, и Франция импортировали их из Германии. С началом войны поставки красителей из Германии прекратились, что поставило эти государства в исключительно трудное положение. И сразу же во всех перечисленных странах началось строительство собственных заводов по производству красителей. Необходимость такого строительства диктовалась, прежде всего, потребностями военного времени: как известно, производство красителей тесно связано с производством взрывчатых веществ. Подобным же образом толчок к развитию получили металлургия, машиностроение и другие отрасли.

В некоторых секторах с окончанием войны международные экономические отношения действительно вернулись к своему довоенному состоянию. В частности, все снова стали закупать недоступные во время войны немецкие красители. Но, скажем, в металлургии или машиностроении ситуация сильно изменилась: страны, в которых во время войны действовали ограничения на экспорт, после ее окончания выбросили на мировой рынок большой объем продукции. В результате те государства, в которых данные отрасли получили развитие только во время войны, сейчас стремятся защитить своих отечественных производителей и повышают импортные пошлины.

Подобные явления наблюдались и после наполеоновских войн. Но после прошедшей мировой войны в мире вспыхнули не только таможенные, но и иные баталии. Сейчас для того, чтобы не допустить в свою страну импортные товары, применяют самые разнообразные ухищрения: вводят импортные квоты, налагают санкции, требуют всяческие разрешения и т.п.

Иными словами, в мире набрал большую силу так называемый экономический национализм (economic nationalism). Более того, разрушительные тенденции добрались и до мировой финансовой системы, основанной на золотом стандарте. В результате весь мировой экономический порядок, созданный за многие годы господства капитализма, в одночасье рассыпался.

Выяснилось также, что капитализм не в состоянии восстановить прочный мир во всем мире: после почти двадцатипятилетнего периода хаоса началась нынешняя, вторая мировая война. Иными словами, капитализм и его политическая ипостась – демократия показали свою полную несостоятельность.

На смену потерпевшему поражение капитализму пришли сначала коммунизм, а затем тоталитаризм. В России обретенную капитализмом власть подобрали коммунисты; в

Германии и Италии было провозглашено торжество тоталитаризма. Надо сказать, что тоталитаризм в своих главных положениях заметно отличается от коммунизма, но по выдвинутым целям – прийти на смену капитализму – он коммунизму идентичен.

Человечество не может жить и развиваться без путеводных идей. Как оказалось, прежняя путеводная идея – капитализм - себя исчерпала, и значит, ее нужно было заменить на новую. Людям понадобились новые идеи – и в ответ в мире возникли коммунизм и тоталитаризм.

То же наблюдалось и в нашей стране: одно время среди молодежи распространилось поветрие на коммунистические идеи, в последние ходы получили хождение идеи тоталитаризма. И это тоже вполне объяснимо: если люди психологически настроены на ожидание новых направляющих идей, то такие новые идеи возникают, быстро проникают в их сознание и легко в нем закрепляются. Такова реальность.

= Плановая экономика и эффективность производства =

Как я уже несколько раз говорил, становление капитализма и либерализма как идейных концепций было тесно связано с техническим прогрессом. Для эксплуатации новой техники нужны были люди. Люди и техника – вот те два элемента, которые составили базу капиталистической эпохи. Как мне представляется, эти же элементы останутся базисными и в дальнейшем.

Сейчас на роль преемников капитализма претендуют коммунизм и тоталитаризм. Сумеют ли они должным образом распорядиться этими двумя базисными элементами?

Как известно, и для коммунизма, и для тоталитаризма характерен плановый подход к экономике. Правда, в настоящее время экономике тоталитаризма не присуща такая степень плановости, которая характерна для коммунизма. Более того, сейчас в тоталитарных странах говорят не о плановой, а о так называемой контролируемой, или регулируемой экономике. Не берусь предсказывать общие тенденции, но все-таки, как мне представляется, в ближайшей перспективе плановое начало в тоталитарной экономике будет усиливаться.

Но в состоянии ли плановая экономика (или регулируемая экономика) эффективно использовать новую технику? Мне кажется, нет - просто потому, что в плановой экономике нет той структуры, с помощью которой это можно сделать. То же можно сказать и об использовании квалификации работников: в плановой (или регулируемой) экономике отдельный человек будет работать хуже, чем в капиталистической – точно так же, как рабочий на капиталистической фабрике трудится хуже, чем ремесленник на семейном предприятии.

= Новый миропорядок и новая техника =

С давних времен известно, что частные предприятия всегда оказываются эффективнее государственных. Те же самые машины, то же самое оборудование государственные предприятия используют хуже, чем частные – причем так дело обстоит не только в Японии, но и в других странах мира. И главная причина здесь – не в машинах, а в людях: на государственных предприятиях производительность труда работающих оказывается ниже, чем на частных.

Рассмотрим плановую экономику, которая в определенном смысле очень похожа на государственное предприятие. Производительность труда отдельного работника здесь низкая. За счет чего можно обеспечить рост производства? Наверное, только за счет применения новой, более совершенной техники. Без применения все более новой и современной техники плановая экономика в мирное время развиваться не сможет. Одно дело – военное время. В ходе войны все усилия любой экономики, в том числе плановой или регулируемой, нужно направлять на достижение военных целей. Безусловно,

рост производства и в этот период остается важной задачей, но все-таки самое главное для любой экономики в военное время – это сконцентрироваться на решении чисто военных задач; ради этого можно смириться даже с падением эффективности. Именно это мы и наблюдаем сейчас во всех воюющих государствах: они перестали обращать внимание на чисто экономические показатели, главное сейчас – обеспечить всем необходимым армию.

Совершенно иначе будет выглядеть ситуация в мирное время. Если предприятие не будет постоянно повышать эффективность производства, то оно просто не выживет. А если же эта эффективность начнет уменьшаться, то его будет ждать не просто смерть, но быстрая и неминуемая смерть.

Однако именно это и происходит в плановой или регулируемой экономике. Как мы видели, производительность труда отдельного работника там оказывается низкой. Чем можно компенсировать этот эффект? При капитализме в качестве такого компенсирующего механизма выступал технический прогресс и, прежде всего, использование новых машин и механизмов. Но плановая или регулируемая экономика по самой своей сути плохо согласуется с техническим прогрессом.

Чтобы показать, почему это так, нам придется обратиться к несколько иной теме – методам управления экономикой.

Как я уже говорил, если до начала первой мировой войны капитализм вполне успешно справлялся с управлением мировой экономикой, то после войны он показал свою полную несостоятельность в этом вопросе. На смену капиталистическим способам управления экономикой должны были прийти новые методы. Ими стали принципы плановой, или регулируемой экономики, которые как мне кажется, займут в мире главенствующее положение - просто потому, что они отвечают потребностям эпохи.

Более того, как мне представляется, эти принципы уже в определенной степени доказали свою эффективность, однако для того, чтобы окончательно возобладать, им еще потребуется некоторое время. Напомню, что капиталистические принципы стали базовыми принципами развития человечества только после того, как капитализм победил в мировом масштабе. Поэтому для того, чтобы идея плановости экономики действительно стала ведущим принципом мирового развития, ей также нужно приобрести всемирный характер. Но в современной международной обстановке сделать это не так просто - думаю, именно в силу этого методы плановой экономики не получили пока широкого распространения.

= Чиновники: герои новой эпохи? =

Вернемся к «человеческому фактору». Как мы помним, в становлении капитализма ведущую роль сыграли финансисты и предприниматели, которые догадались использовать новые, недавно изобретенные машины для извлечения собственной выгоды (а, как потом оказалось, и для пользы общества).

Кто может сыграть роль этих финансистов и предпринимателей в плановой или регулируемой экономике? Ответ не лежит на поверхности, но мне кажется, что если тщательно проанализировать все категории нынешних трудящихся, то главными кандидатами на эту роль окажутся чиновники.

Правда, коммунистическое учение отводит эту роль самим рабочим, но, с очевидностью, они с этой ролью справиться не смогут: у нынешних рабочих нет ни знаний, ни средств для такого рода деятельности. Рабочие в условиях демократии – это то же самое, что народные массы, а массы, как любит повторять германский фюрер, не имеют ни сил, ни знаний. Именно поэтому при демократии реальная власть оказывается в руках финансистов и предпринимателей.

А кому сейчас принадлежит власть в СССР? Никак не рабочим, а Сталину и его соратникам, то есть, в конечном счете, тем же чиновникам. Гитлер в Германии и Муссолини в

Италии тоже, по существу, являются чиновниками. Чиновники набирают силу и в Японии.

Правда, такие выдающиеся люди, как Гитлер или Муссолини, появляются на свет раз в сто или, может быть, даже раз в двести лет. А смогут ли сыграть эту роль обычные чиновники, по силам ли им будет управлять национальными экономиками и международными экономическими отношениями? Ответ на это вопрос тем более важен, что не имея сил для управления экономикой, вряд ли можно доминировать и в политике...

= 3 =

= В ответе за все =

И в политике, и в экономике первое требование, предъявляемое к людям, которые берут на себя руководящую роль, состоит в том, что эти люди должны быть готовы взять на себя и связанную с этой ролью ответственность. Финансисты и предприниматели Нового времени в случае разорения созданных ими предприятий теряли значительные капиталы, а иногда даже были вынуждены расставаться с жизнью. Они несли всю полноту ответственности за свое предприятие, а, значит, плохо ли, хорошо ли, но были вынуждены всерьез и по-настоящему заниматься своим делом. Капиталисты – по крайней мере с экономической точки зрения – головой отвечали за свою работу.

В силу этого класс капиталистов оказался очень тесно связанным с экономической и, косвенно, с политической жизнью общества. В этом смысле справедливо утверждение, что при капитализме государством управляют капиталисты.

Политикам в условиях капиталистического строя также приходится брать на себя значительную долю ответственности и серьезно заниматься проблемами государственного управления. Почему? Дело в том, что они находятся под постоянным контролем тех же финансистов и предпринимателей. И если проводимый политиками курс начинает создавать препятствия на пути развития капиталистической экономики, то такие деятели немедленно оказываются под угрозой ухода в политическое небытие.

Как мы уже говорили, капиталистическая система устроена так, что она приносит определенную пользу не только капиталистам, но и всему обществу в целом, а выгода конкретного капиталиста оборачивается, в конце концов, и общественной выгодой. Мне кажется, было бы правильно, если бы такое положение сохранилось и в дальнейшем, а для этого нужно, чтобы люди, взявшие на себя ответственность за экономику, несли полную ответственность за свое дело.

Однако как обстоит дело в той бюрократической системе, которая существует сегодня в Японии и за рубежом? Готовы ли чиновники взять на себя всю полноту ответственности? Думаю, нет. А можно ли добиться такого уровня ответственности в странах с однопартийной системой, например, в Германии или Италии? Это тоже вопрос.

Повторяю: возложить на человека всю полноту ответственности – это значит сделать так, чтобы он почти в буквальном смысле слова головой отвечал за порученную работу. Но может ли так обстоять дело при плановой экономике, когда власти сами пытаются контролировать все и вся? Правительство в этом случае представляет собой пестрый конгломерат бюрократов разных уровней, в нем отсутствует индивидуальная ответственность, ибо человек, проваливший порученное ему дело, всегда может переложить вину за это на кого-то другого. Иными словами, в такой системе реальное управление экономическими и политическими процессами попросту отсутствует – что, кстати сказать, очень похоже на состояние, которое наблюдается сейчас и в нашей стране.

Подобная ситуация складывается во всех странах с однопартийной системой. В них политика и экономика находятся в руках одной партии, у которой внутри страны нет конкурентов, и, значит, нет ни малейшей опасности потерпеть поражение во внутривнутриполитической борьбе. Но поражения нужны – нужны хотя бы потому, что у них всегда

есть виновник. Есть поражение – значит, кто-то плохо делал свою работу. Когда же поражения не может быть в принципе, то у людей притупляется чувство ответственности. И - если оставить в стороне случай, когда во главе стоит совершенно выдающийся лидер - финал подобной истории хорошо известен: система «одна страна - одна партия» неминуемо разлагается и рушится подобно тому, как это происходило с древними деспотиями.

Таким образом, анализ элементов нового миропорядка, который идет на смену капитализму, показывает, что ни с помощью техники, ни с помощью «человеческого фактора» ему не удастся в ближайшее время преодолеть существующий хаос. Единственное, что можно сейчас с уверенностью сказать - что такая новая устойчивая система, безусловно, образуется, но на ее формирование в мировом масштабе потребуется очень много времени.

Заметим, что и идеи либерализма и капитализма не сразу завоевали мир, им на это потребовалось годы и годы. Даже если вести отсчет не с эпохи Ренессанса, а со времени промышленной революции в Англии, то все равно получается, что для победы этих идей понадобилось более ста лет. Напрашивается вывод, что и от первых подвижек капиталистической системы до установления нового миропорядка должно пройти если не сто лет, то весьма продолжительное время.

= Могут ли экономические зоны стать основой будущей мировой экономики? =

В той картине внутреннего, международного и общемирового брожения, которую я нарисовал, особое беспокойство вызывает нынешнее состояние мировой торговли. Для ситуации, которая сложилась в этой области, также лучше всего подходит термин «Столетняя война».

Я уже упоминал о том, что если в будущем мире восторжествуют принципы плановой или регулируемой экономики, то их господство охватит не только отдельные страны, но и скажется на международной экономике в целом.

Пока на основе имеющихся у нас сейчас фрагментарных данных нельзя судить даже о том, как будут развиваться в условиях планового подхода экономики отдельных стран - и уж тем более неясно, как поведет себя в таких условиях мировая экономика в целом. После прошлой мировой войны в экономической области возникли такие новые явления, как международные конференции по экономическим вопросам или, скажем, международные кредитные банки, но, насколько можно судить, ни один из этих ростков не дал крепких побегов...

В последнее время много говорят и о так называемой блоковой или региональной экономике. Считается, что формирование экономических блоков в определенной мере отражает тот факт, что плановость выходит на международный уровень.

Мне кажется, что формирование экономических блоков, о котором сегодня так много говорят, на деле не принесет миру дополнительной стабильности и плановости. Насколько можно судить, блоки создаются вовсе не для этого. Первоочередная цель их создания – обеспечить безопасность и добиться снабжения своей экономической сферы необходимыми товарами после окончания войны.

С установлением мира первое время наблюдается избыток продукции, произведенной для нужд обороны, и дефицит товаров, необходимых людям для нормальной мирной жизни. Находящиеся в избытке товары можно попытаться экспортировать в другие страны с тем, чтобы получить взамен те товары, которые остро необходимы населению. Нередко можно слышать мнение, что создание экономических зон и является подготовкой для перехода от военной экономики к мирной.

Хочу, однако, обратить внимание на то, что ведущим мировым державам вряд ли удастся использовать для этих целей сложившиеся вокруг них экономические зоны. Рассмотрим для примера две экономические зоны, скажем, европейскую экономическую зону с центром в Германии и зону, состоящую из государств Северной и Южной Америки во главе

со США. Чем они будут торговать между собой в мирное время? Страны Европы захотят ввозить из Америки зерно, кофе и т.п. Но что они могут предложить взамен? Только то, что было произведено при чрезвычайных обстоятельствах, то, что было необходимо для нужд их армий: сталь, автомобили, самолеты, станки, продукцию химической промышленности. Но эта продукция странам американской экономической зоны не нужна, ибо во время войны они сами были вынуждены для нужд собственной обороны производить больше стали, больше выпускать тех же автомобилей, самолетов и станков. Иными словами, в мирное время они будут заинтересованы в экспорте в точности такой же продукции. В результате внешнеторговые операции между различными экономическими зонами будут затруднены, а страны, составляющие эти зоны, начнут испытывать сходные трудности и могут снова втянуться в конфликты (Подробнее эти вопросы рассмотрены в передовых статьях номеров «Тоё кэйдзай симпо» от 10 и 24 мая, к которым я и отсылаю читателя).

Таким образом, если после нынешней войны в мире сохранятся экономические сферы, то это, скорее всего, приведет к обострению конкурентной борьбы между ведущими мировыми державами и к применению более жестких протекционистских мер, чем те, которые применялись после прошлой мировой войны. Иными словами, мир, который наступит после окончания этой войны, не будет долгим и прочным. А если так, то остается только сделать вывод, что экономические сферы являются недостаточно надежными структурами для того, чтобы лечь в основу будущего миропорядка.

= Происхождение принципов свободной торговли =

Устойчивое развитие мировой экономики (вне зависимости от ее формы) немислимо без свободной торговли. Безусловно, справедливо утверждение, что свободная торговля в ее чистом виде никогда прежде в мировой истории не встречалась. Однако правда и то, что в XIX веке, в эпоху расцвета капитализма после промышленной революции, ведущие мировые державы, конкурируя между собой, в общем принципов свободной торговли придерживались. Почему? Ответ прост: потому, что это было выгодно Англии, которая тогда доминировала в мировой экономике.

Англия начала промышленную революцию еще в XVIII веке, раньше других стран, и потому опередила в своем экономическом развитии все другие государства мира. Английские товары быстро стали не только самыми лучшими, но и самыми дешевыми товарами на Земле. Как следствие, они были заведомыми победителями в любой конкурентной схватке, они всегда оказывались на высшей ступеньке пьедестала почета. Поэтому Англия не боялась наплыва иностранных товаров и всегда была готова открыть свои двери для торговли с любой страной. Кроме того, имея столь мощную промышленность, Англия могла позволить себе делать крупные инвестиции и внутри страны, и за рубежом.

Единственное, что в этих условиях продолжало дорожать, так это зерно местного производства, и в результате оно перестало конкурировать с дешевым импортным зерном. Но и этот процесс англичане обратили себе на пользу: они сняли все пошлины на импорт зерна, которое в результате буквально хлынуло в страну. Это еще более снизило себестоимость английских товаров и, следовательно, повысило их конкурентоспособность...

Так появилось на свет то, что потом назвали «свобода внешней торговли». Замечу, что корни этой свободы кроются вовсе не в какой-то филантропии, а в реальных выгодах, которые получала от такой торговли Англия. Расклад вполне естественный: если какая-то идея или какая-то система не приносит выгоды, то реализоваться они не смогут. И наоборот: когда Англии оказалась выгодна свобода торговли, она возвела эту свободу в принцип.

Таким образом, принципы свободной торговли распространились в мире далеко не сами по себе. И если сначала Англия, а вслед за ней и другие страны начали воспевать принципы свободной торговли, то делали они это только потому, что такая торговля оказывалась для них выгодной. Но были и другие страны, которые не пошли в этом вопросе

за Англией и не стали последовательно претворять в жизнь принципы свободной торговли. Причина этого также была проста: промышленность в этих странах находилась еще в младенческом возрасте и никакой свободной торговли просто не вынесла бы.

= Борьба за лидерство в мировой экономике =

В конечном итоге во всем мире прочно установилась система золотого стандарта, которая, по существу, является одной из ипостасей свободной торговли. Так, Германия перешла с серебряного на золотой стандарт при получении репараций от Франции после завершения франко-прусской войны 1870 года.¹²⁸ Япония обратилась к золотому стандарту в 1897 году, также при получении репараций после японо-китайской войны. Однако за этим шагом не крылось никакого желания следовать за Англией или как можно быстрее приобщиться к принципам свободы внешней торговли. Равным образом, не было здесь и желания завоевать какое-то благорасположение Англии. Этот шаг Японии диктовался исключительно удобствами, которые он нес экономике страны. Но, так или иначе, XIX век действительно был эпохой свободной торговли, когда все страны мира выступали единым хором под управлением Англии.

Итак, подведем итоги. Какие черты были характерны для мировой экономики в XIX веке? Во-первых, эта экономика представляла собой капиталистическую экономику, ибо во внутренней экономической жизни разных стран доминировали капиталисты и предприниматели. Во-вторых, в международной экономической жизни господствовала Англия.

Ну, а как будет выглядеть мировая экономика в будущем? Конечно, совершенно иначе – но как?

Я уже говорил, что при любой форме мировой экономики в ней должна сохраняться определенная свобода торговли. Но вместе с тем у мировой экономики должен быть и свой лидер. В прошлом роль такого лидера выполняла Англия, однако в настоящий момент она потеряла свою прежнюю силу и, с очевидностью, на роль мирового экономического лидера претендовать уже не может.

Потерпит ли Англия поражение в нынешней войне? Сейчас это со всей определенностью сказать нельзя, но, по-моему, уже сам факт начала этой войны означает поражение Англии. Ныне на мировую арену выдвигаются даже не одна-две, а сразу несколько стран с равными экономическими возможностями, причем выдвигаются, как мы знаем, далеко не в мирной обстановке. Так кто же из них станет лидером? Германия? США? СССР? Или, может быть, Япония? Для того, чтобы ответ на этот вопрос стал очевиден, должно пройти еще несколько лет борьбы. И это – еще один аргумент в пользу того, что нам нужно быть готовым к Столетней войне.

Мне представляется, что вспыхнувшая недавно война между Германией и СССР также является одним из сражений глобальной войны за мировое господство. Если Германия одержит в этой войне победу, то следующее столкновение ей предстоит, скорее всего, со США. Для того, чтобы США не вступили в войну, нужно как-то избежать противостояния между Германией и США. Но как это сделать? Ведь все, как говорится, в руках судьбы...

Существует, наверно, единственный способ уклониться от ударов судьбы – и состоит этот способ в том, что мировым державам следует договориться между собой и создать одну-единственную глобальную экономическую сферу. Но для этого в мире должна произойти еще одна великая революция – революция в умах.

Хороших идей в мире – изобилие. Чего недостает – так это желания их осуществить. Не знаю, настанет ли когда-нибудь время, когда мы сможем это сделать. Пока же в мире, как говорится, эпоха бедствий сменяет период трудностей. Как должна вести себя в этих условиях Япония? Это отдельный и очень большой вопрос. Надеюсь, что когда-нибудь нам представится возможность высказаться на эту тему.

= Мои пожелания новому кабинету министров =

Опубликовано в номере журнала «Тоё кэйдзай симпо» от 5 августа 1944 года под рубрикой «Мнение редакции»

В последнее время наконец-то начал понемногу проясняться характер кабинета Коисо и его персональный состав.¹²⁹

Не будет ошибкой сказать, что формирование нового правительства было встречено общественностью с большим удовлетворением. В последние годы критики действий правительства рисковали получить в ответ обвинения в клевете на власти, упреки в превратном толковании действий кабинета министров и тому подобные неприятные вещи. Поэтому общество заняло по отношению к власти позицию «чего изволите?» и обращалось к правительству лишь со словами наивозможнейшей приятности – по крайней мере, в общем такая тенденция просматривалась совершенно отчетливо.

Мои слова о том, что назначение членов кабинета Коисо-Ёнаи вызвало в нашем обществе глубокое удовлетворение, ни в коем случае нельзя воспринимать как комплимент. В лучшем случае – это мое личное заблуждение. Но, тем не менее, я остаюсь при своем мнении. Почему? Попробую объяснить.

Безусловно, говоря о новом кабинете, мне следовало бы действовать по пословице: «Сначала смотрины, а потом свадьба». Согласен. Но, высказывая свое мнение, я всего лишь хотел подчеркнуть, что пока у нашего народа пока нет причин для разочарований, пока он с нетерпением ожидает первых шагов нового правительства. Невеста оказалась не такой красавицей, как о ней говорили, но, на первый взгляд, весьма мила.

Теперь главное, чтобы правительство Коисо-Ёнаи не следовало в русле политики прежнего кабинета: в нынешних условиях это нанесет Японии непоправимый ущерб.

Лично я искренне надеюсь на то, что новый кабинет, заручившись прочной и долговременной поддержкой всего народа, примет на себя весь груз ответственности и начнет поиск выхода из того трудного положения, в котором оказалась Япония.

И именно поэтому я хочу сказать сегодня новому правительству несколько слов горькой правды.

= Говорить прямо и без прикрас =

Первое, что я хотел бы посоветовать новому кабинету – это всегда говорить правду, прямо и безо всяких прикрас. Предыдущее правительство постоянно упрекали в том, что оно не сообщает об истинном положении вещей. Причем оно не утаивало истину: напротив, обо всех происходивших событиях всегда сообщали со всеми подробностями. Но эта информация никогда не была прямой и открытой, а нередко сопровождалась совершенно бесполезной словесной мишурой. Например, в правительстве придавали большое значение совмещению постов, но официальные разъяснения на этот счет всегда были исключительно туманны, и в них даже не фигурировало слово «совместительство». Немудрено, что вся эта мишура вызывала глухое раздражение в обществе, которое, в конце концов, совершенно перестало доверять правительству. Словесное украшательство – вообще не самый красивый прием, а использовать его при каждом удобном случае – значит надолго подорвать всякое доверие к себе. Лучше честно назвать поражение поражением, а ошибку ошибкой. Ведь в сегодняшних трудных условиях правительство не может себе позволить потерять поддержку народа.

= Принимать критику =

Итак, правительство должно говорить народу правду. Но и народ должен иметь возможность называть вещи своими именами. Кэнко-хоси в своих знаменитых «Записках от скуки» писал, что не высказывать того, что думаешь, - это все равно, что ходить со вспученным животом.¹³⁰ Не будет преувеличением сказать, что в последние годы у нашего народа уже началось удушье от невысказанных слов. И это очень опасно.

Но еще более опасно для судеб страны такое положение, когда люди пытаются угадать, что думают «наверху», говорят правильные слова, льстят, одобряют и поддерживают. А такая тенденция видна невооруженным глазом. И почему-то никому не приходит в голову, что лицемерие очень заразно.

Нельзя мешать народу высказывать свое мнение! Подобное лицемерие заведомо не может принести никакой пользы правительству и лишь подтачивает основы государства.

Что же делать? Прежде всего, правительство должно как можно быстрее признать существующие недостатки и тем самым получить возможность для их критического анализа и исправления. Если власти слышат только сладкоголосые речи и видят лишь приятные глазу картины – это значит, что основы государственного устройства находятся в опасности. Примеров тому в истории - несть числа.

Во вторых, признав ошибки и промахи, правительство должно устранить препятствия, мешающие их анализу и исправлению. Сколько бы мудрецов не насчитывалось в нынешней исключительно большой и сложной структуре правительства и других органов государственного управления, все равно без поддержки со стороны общества правительство эффективно работать не сможет. Все абсолютистские режимы заканчиваются одинаково: «низшие подавляют высших». Но этого никогда не произойдет, если в стране существует свобода слова.

На этом я хочу оставить эту тему, ибо здесь не место для ее дальнейшего развития. Хочу только еще раз подчеркнуть, что если правительство действительно хочет наладить управление страной, то оно должно предоставить народу возможность открыто выразить свое мнение.

= Не злоупотреблять доверием народа =

Поистине замечательной чертой нашего народа, невиданной в других странах, является беззаветная преданность своей Отчизне. Мне кажется, что наше предыдущее правительство злоупотребляло народным доверием и некритично относилось к своим собственным действиям. Да, японцы – глубоко патриотичный народ, однако никто не может гарантировать, что когда-нибудь не наступит такой момент, что терпение этого народа лопнет, и он откажет в доверии безответственным государственным деятелям. Вольно или невольно прежние власти нередко пытались переложить на плечи японского народа ответственность за собственные промахи и ошибки. Новому кабинету следует всеми силами подобного избегать.

= В выходные – отдыхать! =

Сказанное выше можно рассматривать как общий ответ на вопрос о том, как должно себя поставить новое правительство. Теперь я хотел бы высказаться по этой проблеме более конкретно.

Уход прежнего кабинета в отставку в полном составе – свидетельство того, что общество жаждет полного обновления. А если это так, то задача нового кабинета состоит, прежде всего, в том, чтобы внести в настроения общества новую струю. Без перемен в настроениях общества правительство не сможет эффективно управлять государством, ибо все дальнейшие шаги будут так или иначе опираться на эти настроения.

А как новый кабинет может быстро изменить настроения в обществе к лучшему? Я

хочу предложить новому правительству простой способ изменить общественный климат и повести народ за собой: для этого нужно отменить работу по выходным!

Введенные правительством Тодзэ¹³¹ так называемые «чрезвычайные меры» по самой своей идее с самого начала были обречены на полную неудачу. И глупейшая из этих глупых мер как раз и состояла во введении обязательной работы по выходным. Эта мера, обязательная для всех государственных и частных предприятий, никак не способствовала повышению производительности труда и не дала ничего, кроме дополнительных тягот для рабочих. Призывы упразднить эту систему раздавались еще в правительстве Тодзэ – правда, эти нестройные и разрозненные призывы так и не были услышаны. Между тем простое решение отменить внеурочные работы дало бы колоссальный политический эффект...

Помнится, когда в 1918 году правительство Тэраути, стремясь остановить подорожание риса, приняло закон, направленный против спекуляции, то эффект оказался прямо противоположным ожидаемому: в стране вспыхнули рисовые бунты.¹³² В результате к власти пришло правительство Хара. Интересно, что тогда новый министр сельского хозяйства Ямамото Тацуо, вступая в должность, высказался о законе по борьбе со спекулянтами как о «драгоценном мече, который нужно передавать из поколения в поколение». Так он продемонстрировал стремление к обновлению...

Эта вспомнившаяся мне сейчас история может служить хорошей иллюстрацией к проблемам, с которыми мы сталкиваемся сегодня. Политика – это нечто живое. Для того, чтобы выжить, она должна быть активной. И пусть даже какой-то политический шаг на первый взгляд кажется совершенно пустячным – иногда нужно быстро и своевременно сделать этот простой шаг только для того, чтобы ясно показать, что политики думают о своем народе. Мне кажется, восстановление выходных подходит для этого как нельзя лучше.

= Выполнять свои решения =

Как уже говорилось в прошлом номере журнала, один из главных недостатков прошлого правительства в последние годы состоял в неопределенности его действий. Часто было совершенно невозможно понять, над чем именно работают члены кабинета министров и правительственные чиновники. Эта общая неопределенность сказывалась и на принятии решений, и на их выполнении.

Мне кажется, главный источник такого положения дел кроется в том, что можно назвать раздробленностью правительства (sectionalism). Причем многие высшие правительственные чины понимали эту проблему, но ничего не могли сделать для ее решения. Дело доходило даже до того, что некоторые начальники ради сохранения своего лица и положения загружали нижестоящих чиновников заведомо абсурдными распоряжениями.

Иногда человеку, по долгу службы связанному с правительственными учреждениями (а служб, не связанных с правительственными учреждениями, сейчас попросту не осталось) легче иметь дело не с правительственными или прочими высокопоставленными чиновниками. Проще в нарушение всех правил, как ныне иносказательно говорят, «пожелать здоровья» непосредственному исполнителю. Примеров тому – море. Допуская такое, правительство не только унижает свой народ, но и по существу стимулирует разложение государственных учреждений – а это вдвойне опасно!

В связи с этим мне хотелось бы привлечь внимание читателей к перераспределению власти в Германии, о котором недавно сообщил д-р Геббельс.¹³³ Из кратких сообщений телеграфных агентств трудно уяснить детали реформы, но суть ее, насколько можно понять, состоит в следующем: во-первых, объявляется тотальная мобилизация всех лиц для службы в армии и на флоте и для работы на военных производствах; во-вторых, предприятия выводятся из подчинения любых других правительственных органов, и никакое иное вмешательство в их деятельность не допускается. Таким образом, оказалось, что даже в

Германии, имеющей давнюю историю централизации, можно провести дальнейшую унификацию и централизацию органов государственного управления. Поэтому новому японскому правительству нужно основательно продумать эти вопросы. Необходимо принять все меры для того, чтобы решения правительства чиновничеством выполнялись. Те, кто не выполняет приказы вышестоящих лиц или допускает их произвольное толкование, должны отвечать за это головой.

= Военные должны сосредоточиться на выполнении воинского долга =

В дополнение к сказанному позволю себе дать еще один совет. Состоит он в том, что военные должны сосредоточиться на выполнении воинского долга. Об этом же недавно говорил и военный министр Ёнаи, который отмечал, что сегодня, когда идет война, военные не должны иметь никакого отношения к производству. Между тем сейчас многие из них как раз имеют к производству самое непосредственное отношение: несколько тысяч храбрых военных были отозваны с места службы и теперь вместе с гражданскими служащими компаний отдадут все свои силы производственной деятельности.

Эти факты не стоили бы внимания, если бы они не отражали недоверия к японскому народу. Привлечение на заводы военных размывает ответственность гражданских специалистов, подрывает их энтузиазм и, в конечном итоге, наносит вред производству. Военно-морской министр Ёнаи был абсолютно прав, когда говорил, что военные должны сражаться, а народ – обеспечивать их всем необходимым для победы. Очень надеюсь, что так оно и будет. Но пока что военные ни во что не ставят гражданских специалистов и продолжают вмешиваться в управление промышленностью и другими отраслями экономики. Пора раз и навсегда положить этому конец.

= Реорганизовать Ассоциацию помощи трону и Общество политического содействия трону¹³⁴
=

Ассоциация помощи трону изначально создавалась как политическая партия Коноэ.¹³⁵ Затем она нечаянным образом превратилась в полугосударственную организацию, но политического лица так и не обрела, и после ряда манипуляций стала тем, чем стала. Между тем с самого начала было ясно, что ребенок этот – мертворожденный, тем более, что предыдущий кабинет Тодзё сделал все для того, чтобы «задавить» эту организацию и лишить ее остатков влияния. Думаю, нынешнее правительство Коисо поступит правильно, если вообще эту организацию распустит.

Общество политического содействия трону – это своего рода дублер Ассоциации помощи трону, которого власти спешно усыновили вместо предыдущего дитяти. Мне кажется, его будет ждать та же судьба. Дело в том, что служащие базой для таких организаций иностранные идеи, воплощенные в лозунг «в одном государстве – одна партия», оказались совершенно неприменимы для нашего национального государственного строя.¹³⁶ Этим объясняется печальная судьба Ассоциации помощи трону, по той же причине не сможет долго просуществовать и Общество политического содействия трону. Сейчас, в момент реорганизации правительственных структур, в обеих организациях начались дискуссии об их дальнейшей судьбе.

Я бы предложил вообще распустить эти организации и создать вместо них новые политические партии, причем не одну партию, а именно несколько партий, каждая из которых стала бы подлинным объединением политических единомышленников – причем все эти партии должны ориентироваться на курс, проводимый правительством. Только так мы впервые сможем реализовать на практике идею национального единения.

= Быстрее создавать единую кадровую систему =

Я уже говорил о том, что в Германии министр пропаганды Геббельс объявил о мерах по улучшению использования людских ресурсов в интересах государства. Эти меры носят чрезвычайный характер и исходят из того, что все население страны до последнего человека должно отдавать все свои силы для упрочения военного потенциала Германии.

Между тем в нашей стране все еще имеют место многочисленные случаи неэффективного использования рабочей силы. Нам необходимо как можно быстрее последовать примеру Германии и коренным образом изменить положение дел в этой сфере. Я призываю объединить разрозненные людские ресурсы различных промышленных предприятий и общественных институтов в единую кадровую систему. И если мы хотим достичь поставленных в войне целей, то делать это нужно как можно быстрее. Причем этих людей нужно не просто привлекать для работы на военных объектах, но и согласия государственных кадровых органов призывать в армию.¹³⁷

= Использовать полицию для форсированного развития производства =

Для того, чтобы быстро создать в стране единую кадровую сеть и тем самым форсировать производство, можно использовать полицейскую систему. Существование этой системы дает Японии уникальную возможность преодолеть нынешние трудности, связанные с падением производства, недостатком рабочей силы, неукомплектованностью армии. Детали предлагаемого плана я уже излагал в нашем журнале. Надеюсь, что новое правительство обратит внимание на эти предложения, и у нас будет проведена реформа полицейской системы.

= Активизировать создание малых предприятий на базе тонаригуми¹³⁸ =

Япония впала в промышленный гигантизм: все существующие у нас военные заводы (и, в частности, авиационные заводы) являются колоссальными промышленными предприятиями. С очевидностью, это обстоятельство стало тормозом для роста промышленного производства. Создание в стране единой кадровой системы позволит высвободить значительные трудовые ресурсы. Было бы крайне неразумно (и, скорее всего, просто невозможно) использовать эти ресурсы только на крупных предприятиях. Я уже предлагал смелее использовать семейные предприятия, а в ходе разъяснения моей позиции выяснилось, что у нас существует еще один класс предприятий, который, может быть, даже лучше подходит для этих целей, чем семейные предприятия. Я имею в виду предприятия, созданные товариществами соседей (*тонаригуми*). Здесь нет возможности разъяснить эти предложения во всех подробностях, но я уверен в том, что если правительство их примет, то это позволит ему достаточно легко создать в стране новые, хорошо работающие предприятия. Оснадив подобные производства простыми станками, можно будет эффективно использовать труд всех категорий работников – старых и молодых, мужчин и женщин. Таким образом, создание малых предприятий реально послужит делу полного перевода японской промышленности на военные рельсы. По-моему, это совсем неплохая идея...

= Государство должно решительно брать в управление и в аренду частные предприятия =

В Японии продолжается дискуссия о том, какими должны быть формы собственности промышленных предприятий, чтобы они лучше соответствовали законам военного времени. По моему мнению, лучше всего отвечала бы условиям военного времени реализация одного моего предложения, о котором я уже неоднократно говорил: передать частные предприятия в управление или в аренду государству.

Мне кажется, что пока члены нового кабинета министров склоняются в этом вопросе в пользу сохранения нынешнего положения вещей. Однако при таком подходе трудно ожидать тотального увеличения производительности труда. Если мы действительно хотим сформировать новую систему распределения трудовых ресурсов, то нам необходимо убрать все препятствия на пути к созданию такой системы. Но вправе ли мы сохранять существующую ныне структуру управления предприятиями, если в этой структуре ключевые решения принимаются частными лицами? Необходимо, чтобы правительство как можно быстрее вынесло свое окончательное решение по этой проблеме.

= Окончательно решить продовольственную проблему может только свободный рынок =

Прошлым летом я имел беседу с одним известным иностранным дипломатом. В ходе этой беседы дипломат задал мне вопрос о том, какая из отраслей японской экономики в ходе длительной войны первой начнет испытывать трудности (моего собеседника тогда очень волновала проблема снабжения нашей страны продовольствием).

- Япония, - ответил я ему, - и поныне остается «страной тростниковых равнин и спелых колосьев риса»,¹³⁹ и потому нехватка продовольствия нам не грозит. Если у нас и будут трудности, то разве что с оружием...

Я не ошибся. Все эти разговоры о дефиците продовольствия, распространившиеся сейчас в обществе, есть одно сплошное недоразумение. Безусловно, нельзя сказать, что у нас всего в избытке, но и острых проблем с продовольствием в Японии на самом деле нет, ибо, как известно, никто еще у нас пока голодной смертью не умер.

Продовольственная проблема состоит в другом. В количественном плане дефицита действительно нет. Но не все ладно с распределением имеющегося продовольствия, ибо за время войны был разрушен механизм, который обеспечивал баланс спроса и предложения. Думаю, не будет большим преувеличением сказать, что ключ к окончательному решению продовольственной проблемы лежит именно здесь: если восстановить механизм, регулирующий баланс спроса и предложения, то все шероховатости в распределении продовольствия исчезнут сами собой.

Замечу, что сложившееся сейчас положение есть следствие недостаточного внимания, а иногда и прямо ошибочной политики в вопросах снабжения населения продовольствием. Проще говоря, эта проблема досталась новому правительству в наследство от старого, и долг нового кабинета состоит в том, чтобы как можно быстрее эту проблему решить. Впрочем, если рассматривать эту задачу под тем углом зрения, о котором шла речь выше, то решить ее будет довольно просто.

Как же восстановить нарушенный баланс между спросом и предложением и, таким образом, решить продовольственную проблему? Я об этом уже много раз говорил: правительство не должно делать ничего иного, как только принять определенные меры, направленные на формирование свободного рынка. Что это могут быть за меры? У меня есть на этот счет несколько предложений, которые я собираюсь изложить в следующих номерах журнала. Надеюсь, что новый кабинет немедленно примет эти предложения к рассмотрению и внимательно их изучит.

= Меры по борьбе с инфляцией =

Все антиинфляционные меры, предлагавшиеся в последнее время, по своему существу представляют не более чем призывы приложить все силы для поощрения накопления. Но такая политика заведомо обречена на провал. Корни проблемы в другом: для того, чтобы остановить инфляцию, правительство должно прекратить выпуск бумажных денег, приостановить разбухание денежной массы (часть этих денег, естественно идет на военные расходы).

Я не предлагаю перейти к дефляционной политике – сейчас это не получится, да и особой необходимости в этом нет. Но принять радикальные меры против разбухания денежной массы правительство может и должно.

Выше я предлагал объединить рабочие места в единую систему трудовых ресурсов. Между прочим, создание такой системы могло бы положить конец нынешнему взрывному росту заработной платы. Безусловно, зарплату не удастся удержать на ее нынешнем уровне – этому помешает огромный объем уже напечатанных бумажных денег. Но поднимется зарплата только до уровня, определяемого равновесием спроса и предложения. Таким образом, в стране автоматически установится баланс спроса и предложения рабочей силы.

Остается еще проблема роста цен. Но если, как я предлагал ранее, государство арендует необходимые ему производства, то и о проблемах ценообразования тоже можно будет забыть. При этом проблема роста заработной платы, решается, как только что было сказано, путем перехода к единой системе трудовых ресурсов.

Таким образом, предлагаемый комплекс мер позволяет быстро остановить разбухание денежной массы и остановить инфляцию.

Безусловно, подобный план имеет массу деталей, которые нужно обговаривать, но я льщу себя надеждой, что и в таком сыром виде мои предложения по борьбе с инфляцией привлекут внимание нового правительства.

= Правительство должно видеть свои недостатки =

Выше я попытался в самом сжатом виде изложить свою точку зрения на стоящие перед страной экономические проблемы. Безусловно, у меня есть в запасе и иные советы, но, думаю, будет правильно приберечь их до другого раза. Однако не могу удержаться от того, чтобы не высказать свое беспокойство еще по одному вопросу, на который должен обратить внимание будущий кабинет министров.

Нынешнее правительство, как и все наши правительства последнего времени, представляет собой очень большое и пестрое образование. Мне кажется очень важным, чтобы те достойные люди, которые вошли в состав нового кабинета, трезво оценивали свою деятельность и прилагали все силы к искоренению недостатков в своей работе.

Безусловно, очень важной остается и согласованность действий, и способность к компромиссам, но, как прекрасно сказал недавно военно-морской министр Ёнаи, к согласию нельзя идти вслепую. Подлинное же согласие и согласованность действий правительства наступят только тогда, когда народу будет предоставлена возможность называть вещи своими именами, а министры смогут открыто выражать свое мнение на заседаниях правительства.

И последнее. Хочу подчеркнуть, что, публикуя данные заметки, я руководствовался исключительно своими мыслями о будущем нашей страны. Допускаю, что какие-то из сформулированных положений можно трактовать как проявления невежливости или как нарушение приличий. На этот случай хочу заранее принести свои самые искренние извинения.

= Берлин: финал =

= Чуда не произошло =

Редакционная статья номера журнала «Тоё кэйдзай симпо» от 23 июня 1945 года

Не знаю, насколько точно можно судить о последних днях Берлина по заметкам, появившимся в наших газетах, но, тем не менее, определенную картину происшедшего по

опубликованным материалам составить можно. Так, из сообщений видно, что для того, чтобы быстрее закончить войну, при штурме была задействована колоссальная огневая мощь, которую никаким чудом уже нельзя было остановить. Ясно также, что последний штурм сопровождался хаосом внутри страны и массовой гибелью мирных жителей.

Но столь же ясно, что жители германской столицы, видимо, очень надеялись на скорейшее окончание войны и потому встретили падение Берлина 1 мая скорее с облегчением, чем с чувством скорби за горькое поражение.

Мое внимание привлекла заметка специального корреспондента газеты "Йомиури" Накаяма Тисато, помещенная в номере от 6 июня. В ней отмечалось, что над многими домами в Берлине были вывешены самодельные красные флаги, а в городе кое-где встречались люди с красными нарукавными повязками...

Собственно говоря, ничего удивительно в этом нет. Еще в Древнем Китае было принято встречать победителей "коробами со снедью и бочками с вином". А в начале японо-китайского инцидента (война 1937-1945 гг. – прим. пер.) во многих китайских городах наши войска тоже встречали японскими флагами...

Другое дело, что это явление, столь характерное для китайской истории, никто не ожидал увидеть в Германии, народ которой, как учили нас нацисты, обладает исключительно высоким национальным самосознанием. Тем неожиданнее оказался такой финал...

Нацистские вожди до последних дней войны не уставали повторять, что немецкий народ будет биться до последнего человека. Действительность оказалась иной. Несмотря на заявления Гимmlера о том, что все жители Берлина как один человек выйдут на его защиту, этого не произошло: подавляющая часть трехмиллионного населения Берлина осталась в городских бомбоубежищах.

Я не собираюсь упрекать народ союзной нам Германии за то, что произошло в последние дни. Мы верили в высокий моральный дух немецкого народа, как верили в искренность заявлений его вождей о том, что немцы будут биться до последнего человека. Но немецкий народ - это не только солдаты, но и женщины, дети, старики - те, в ком, может быть, высок моральный дух, но нет сил сражаться.

Возможно, все они были готовы взять в руки оружие, возможно, весь немецкий народ был готов умереть в борьбе - но, видимо, далеко не просто было реализовать эту решимость... Мне горько и стыдно представлять себе, как немцы приветствуют самодельными флагами Красную Армию. Но, с другой стороны, когда я думаю о тех бедствиях, которые им пришлось претерпеть, я тоже не могу сдержать слез...

Почему же немецкий народ пришел к такому трагическому финалу?

Нет необходимости говорить, что главная ответственность за такое развитие событий должна быть возложена на его вождей, которых нужно назвать поименно. Как я уже писал в статье по случаю кончины фюрера Гитлера, я отдаю дань глубокого уважения политическим заслугам вождей германского нацизма. Многие из них погибли в боях, а иные покончили с собой ради блага своей Родины. Однако нельзя утверждать, что вожди Германии потратили все свои силы исключительно на добрые дела. Ведь именно они - при всей их высокой принципиальности и всех их прошлых заслугах - привели Германию и немецкий народ к нынешнему позору и унижению. Сегодня они своими жизнями расплачиваются за эти деяния.

Но сказанное не снимает ответственности и со всего немецкого народа. У немцев была Конституция, был парламент. Но они своими руками отдали судьбу своей страны, своего народа нацистской диктатуре...

У немецкого народа есть много замечательных качеств, хорошо известных во всем мире. Но нужно с сожалением признать, что у него выработалась и такая черта, как бессилие перед властью. Да, нацистские вожди совершили великое множество ошибок. Однако не будет преувеличением сказать, что главную свою беду немецкий народ навлек на себя сам.

Выводы? Они просты: в бедствиях, обрушившихся сегодня на Германию, виноваты только руководители этой страны и сам немецкий народ. А отсюда - такое же простое

следствие: народ не должен всегда подстраиваться под планы вождей, а вождям не стоит верить в то, что люди будут биться за них до последнего вздоха. Нельзя полагаться друг на друга и ждать чуда. Чудес в нынешней войне не бывает. Надеяться нужно только на свои собственные силы. Пора, наконец, всем нам это осознать.

V. НА ПУТЯХ ПОСЛЕВОЕННОЙ ЯПОНИИ (1945-1968)

= Курс – на возрождение Японии =

= Япония начинает возрождаться =

= Ее ждет действительно прекрасное будущее =

Опубликовано в номере журнала «Тоё кэйдзай симпо» от 25 августа 1945 года под рубрикой «Мнение редакции»

Когда я 9 августа прочитал опубликованный в Токио полный текст заявления Советского Союза о вступлении в войну, то сразу понял, что война близится к концу. Если бы правительство решило войну продолжать, то оно никогда бы не пошло на публикацию этого заявления.

Но, вместе с тем, меня не покидало чувство тревоги: ведь среди руководства вполне могли найтись люди, которые в порыве эмоций или в приступе честолюбия захотели бы помешать правительству реализовать его решение о прекращении войны.

Безусловно, Япония уже не могла продолжать войну даже только против Англии и США. Призывая дать решающее сражение врагу на Японских островах, никто из высшего руководства страны на самом деле не верил, что это позволит исправить положение. Еще 26 июля правительство попыталось через посредничество СССР предложить мир США и Англии.¹⁴⁰ Еще более активные поиски мира начались после того, как СССР прибавился к числу наших противников, а Япония подверглась ужасающим атомным бомбардировкам. Если бы война не прекратилась, то на Японию обрушились бы такие же бедствия, как на нацистскую Германию, территория которой была совершенно опустошена, а политическая система – полностью уничтожена. При таком развитии событий неминуемо обратились бы в прах сами опоры национального государственного устройства Японии, на которых наша страна покоилась все три тысячи лет своей блестящей истории. Поэтому руководство страны было вынуждено ради будущего Японии претерпеть сиюминутное унижение и пойти на прекращение войны.

Однако простой решимости прекратить войну могло оказаться недостаточно. Почему? Военные власти привели страну к полному разорению. Смерть и страдания, обрушившиеся на людей, стали невыносимы. К подобному же трагическому финалу привел немецкий народ Гитлер. Но если бы, паче чаяния, мы и дальше бы пошли за Германией по этому порочному пути, то наш народ ждали бы еще большие страдания, а трехтысячелетняя история Японии в единый миг превратилась бы в полный прах.

Поэтому первые же строки опубликованного в Японии заявления о вступлении в войну СССР (полный текст данного заявления опубликован на первой странице этого номера журнала) стали для правительства и народа Японии сигналом к тому, что нужно принимать решительные меры для сохранения нашего национального государственного строя.

К счастью, мои опасения оказались напрасными. Дело в том, что государственное устройство Японии коренным образом отличается от государственного строя Германии, и потому в данном случае война была прекращена безо всяких дебатов, а по велению свыше – волей Императора.

В результате наступил исключительно благоприятный момент, когда весь наш народ в едином порыве может устремиться к возрождению страны. Японский народ должен навсегда сохранить память об этом дне, 14 августа 1945 года, как о дне, когда начала свой путь новая Япония.

В речи Его Величества было сказано: «Мы ожидаем, что передавая из поколения в

поколение идею единства всей нации и веря в несокрушимость нашей священной земли, мы направим все усилия на созидание будущего, памятуя о том, что на нас лежат серьезные обязанности и нам предстоит идти по трудному пути. Поднимем моральный уровень, укрепимся в наших принципах и таким образом умножим славу нашего национального государственного строя и не отстанем от мирового прогресса».¹⁴¹

Эти слова указывают курс возрождения Японии, и каждый японец должен навсегда сохранить их в своей памяти.

Многие в нашем обществе не ожидали такого развития событий, не были готовы к столь быстрым переменам – и потому сейчас пребывают в глубокой апатии. Наверное, есть и те, кто негодует и возмущается, и те, кто смотрит в будущее с нескрываемым пессимизмом. Но сейчас не то время, чтобы сидеть сложа руки, предаваться глубокому унынию или пылать патриотическим негодованием. Да и с пессимизмом смотреть на будущее нашей Японии – это значит считать наш народ необразованным и бесталанным. Тем, кто демонстрирует столь дремучее невежество, остается только посочувствовать.

Безусловно, в новых условиях Япония потеряет часть своей прежней территории, на ее военное производство будет наложен ряд ограничений. Но разве сможет это помешать движению вперед извечно деятельного японского народа?

Каким путем должно идти возрождение Японии, начавшееся 14 августа 1945 года? Я постараюсь изложить свое видение этих проблем в следующих номерах журнала. Пока же хочу отметить, что, как показывает анализ, условия, которые поставили нашей стране США, Великобритания и Китай,¹⁴² не станут препятствиями на пути возрождения Японии.

Теперь о том, о чем нельзя не сказать: о бомбардировках Хиросимы и Нагасаки атомными бомбами, которые недавно удалось изготовить в США и Англии.¹⁴³ Безусловно, эти бомбардировки стали одной из главных причин, побудивших Японию прекратить войну. Одной из главных – но не единственной.

Сегодня атомная бомба – это самое разрушительное в мире оружие. В годы второй мировой войны в мире было произведено огромное количество самолетов, но изобретение атомной бомбы делает бесполезной большую часть этой авиационной техники: для того, чтобы доставить к цели атомную бомбу, достаточно одного самолета, а другие после этого не понадобятся.

А еще? А еще атомная бомба – это научный продукт, дитя разума. Размышляя об этом, я хочу вернуться к требованиям, которые были выдвинуты в отношении Японии США, Англией и Китаем. Наверное, такие ограничения могут оказаться достаточно сильными для того, чтобы остановить или даже разрушить существующие производства. Но можно ли создать средство, которое остановит развитие человеческой мысли, ограничит технический прогресс? Такого средства нет и не будет. Военная промышленность всегда производит средства ведения сегодняшней войны – но не войны завтрашней. Попытки ограничить военные приготовления Германии после первой мировой войны не смогли остановить укрепление военного потенциала Германии и предотвратить вторую мировую войну – сегодня это ясно как никогда.

Нет необходимости говорить, что японский народ не хочет новых войн. Значит, нам всем нужно приложить все усилия для того, чтобы в будущем вся Япония стала воином, который сражается только ради одной цели – ради мира во всем мире. Именно в этом, как мне представляется, и состоит ее будущая миссия; только имея перед собой такую задачу, мы сможем построить величественное здание возрожденной Японии.

Сейчас все будут говорить о Японии как о стране атомной бомбардировки. Но я хотел бы напомнить о другой, нематериальной черте характера Японии, которая привлекала внимание еще тогда, когда самым грозным нашим оружием были бамбуковые пики. Речь идет о высоком моральном духе, присущем японскому народу.

Высокий моральный дух помог нам пережить бедствия войны, поможет он нам и в мирное время. Сегодня важно не гнаться за материальными выгодами, а развиваться

духовно. Тогда при любых условиях и при любых ограничениях мы сможем возродить Японию и обеспечить ей великую будущность.

Этими словами я и хочу закончить свою приветственную речь по случаю начала возрождения Японии...

= Стенограмма выступления в пресс-клубе¹⁴⁴ =

25 января 1957 года

Уважаемый господин Председатель! Господа!

Я очень рад, что мне представился благоприятный случай обратиться к собравшемуся здесь авангарду мировых средств массовой информации.

Мне тоже довелось некоторое время поработать в газетах и журналах. Горжусь тем, что до ухода в 1946 году в политику я в течение почти 40 лет вел жизнь профессионального журналиста.

Приглашение принять участие во встрече со старыми друзьями пробудило во мне сильные ностальгические чувства, и я с большим удовольствием пришел сегодня в этот зал.

Правда, я почти не говорю по-английски – несмотря на то, что даже выпускал журнал на английском языке. То есть я читаю, но не говорю.

Поэтому сегодня мы с вами сможем вести дискуссию только через переводчика, что, конечно, не очень удобно.

Хочу начать с того, что после 1945 года жизнь в Токио как-то неожиданно быстро вернулась в привычную колею. Правда, иностранные коллеги, проживающие в Токио, по-прежнему испытывают большие трудности. Скажем, дороги у нас все так же очень плохи. Но я надеюсь, что если вы пробудете в Токио еще некоторое время, то они станут лучше. В любом случае мне хочется, чтобы вы оставались у нас подольше...

Когда я сегодня вспоминаю, каким был Токио в годы Тихоокеанской войны, то у меня буквально волосы становятся дыбом. Но, вместе с тем я вспоминаю и о том, что даже в самые трагические дни я жил здесь под властью одного желания: мне хотелось, чтобы война как можно быстрее закончилась, чтобы во всем мире установился долгий и прочный мир. Это мое желание исполнилось: сейчас благодаря Организации Объединенных Наций мы живем в мире.

Однако, к сожалению, даже ООН в полной мере мое желание исполнить не смогла. Да, Тихоокеанская война закончилась, но вслед за ней между Востоком и Западом началась холодная война. Часто мир нарушали (или угрожали таким нарушением) международные конфликты – от Корейского до недавнего Ближневосточного. Иными словами, мир и сейчас далек от покоя и стабильности. Вопреки моим ожиданиям, ни Атлантическая хартия,¹⁴⁵ ни ООН такому развитию событий ничего противопоставить не смогли. И это очень печально.

Таким образом, всех наших великолепных планов и замечательных идей оказалось недостаточно для того, чтобы найти выход из тупика, в котором оказался мир. Где же он, этот выход?

Буддизм учит, что если открыть свою душу и глубоко взглянуть в нее, то там можно увидеть самого Будду. Думаю, подобные положения существуют и в других учениях.

По давней традиции, каждая из сторон, участвующих в международных конфликтах, априори (и совершенно искренне) считает агрессором и разрушителем своего противника, но не себя. Это глубоко ошибочная позиция. Только взаимно открыв сердца друг перед другом, «агрессоры» и «разрушители» смогут лицезреть Будду. Поступать иначе, заведомо относиться к партнеру с подозрением – значит самим закрывать себе глаза. В этом я глубоко убежден.

Убежден, что и для того, чтобы гармонизировать международные отношения в целом, нужно выполнить то же необходимое условие: выйти из состояния взаимной подозрительности.

Лично я, основываясь на этом убеждении, буду прилагать все силы для того, чтобы со всем японским народом внести свой вклад в дело мира и процветания во всем мире.

У меня нет никаких причин заранее отвергать любую из теорий, утверждающих, что они знают, как привести человечество к счастью и благополучию. Но если говорить о средствах реализации этих теорий, то здесь есть что отвергать: для нас должны быть абсолютно нетерпимы методы тирании, диктатуры, подавления народных свобод. Более того, если какие-то силы при поддержке из-за рубежа будут стремиться установить такой диктаторский режим у нас, то мы должны дать решительный отпор этим силам. Но до тех пор, пока подобной опасности нет, мы будем двигаться по пути, который гарантирует совместное существование и совместное процветание всех теорий – пусть даже некоторые из них собираются строить государство на коммунистических принципах.

Необходимым условием для развития экономики свободного мира является рост инвестиций и увеличение внешнеторгового оборота. На меня произвел большое впечатление тот факт, что президент Эйзенхауэр счел необходимым специально подчеркнуть этот тезис в своем ежегодном послании. Могу добавить, что свободное развитие мировой торговли и рост инвестиций в экономики других стран являются неперенными условиями не только для экономического развития, но и для обеспечения мира во всем мире.

В современном мире внешняя торговля стала важнейшей предпосылкой развития двусторонних (bilateral) и многосторонних (multilateral) отношений. Поэтому мы должны бросить все силы на устранение препятствий, мешающих свободной торговле между разными странами, мы должны всячески поддерживать эту торговлю, снимать барьеры на пути инвестиций и т.п. Я искренне надеюсь, что ведущие мировые державы с помощью Международного валютного фонда и других подобных организаций найдут решение возникающих при этом проблем. Уверен, что и наша страна не пожалеет сил для поддержки этой тенденции...

Далее. Самое глубокое беспокойство вызывает тот факт, что после второй мировой войны ведущие мировые державы не только ни на йоту не сократили свои вооружения, но и, напротив, начали бурную гонку вооружений. Причем, как всегда, все это делается под лозунгами самообороны. Кстати, еще никогда в мировой истории ни одна страна не заявляла о том, что она готовится к агрессии; напротив, все и всегда говорят, что они вооружаются исключительно в интересах обороны – и, наверное, сами искренне верят в эти свои заявления...

Но дело даже не в этом. Дело в том, что и с точки зрения военной стратегии, и с точки зрения тактики агрессии невозможно отделить от самообороны. Мы помним, что и первая, и вторая мировые войны начались между странами, которые вели военные приготовления исключительно в целях самообороны. И кто может гарантировать, что при сохранении такого подхода на планете когда-нибудь не вспыхнет новая большая война?

Однако в сегодняшнем мире, где существует ядерное оружие, это будет означать только одно – гибель всего человечества. Более того, даже испытания ядерного оружия уже несут в себе угрозу человечества. И если мы хотим спасти человечество, то нам нужно немедленно прекратить гонку вооружений и отвести угрозу войны. В этом смысле предложения, касающиеся испытаний ядерного оружия, с которыми недавно выступил японский представитель в ООН, есть шаг к достижению этой цели – пусть даже этот шаг и очень мал.

За абстрактными идеалами нельзя забывать о действительности. Положение в мире сейчас таково, что для сохранения покоя и независимости нашей страны необходимо гарантировать ей минимальный уровень обороноспособности. А для достижения этой цели японский народ должен встроиться в существующую систему международных отношений.

Пожар, случайно возникший в одном доме, несет угрозу всем соседям. Самый лучший способ избежать этой угрозы – всем жильцам всех домов заранее принять противопожарные меры.

Япония с XIX века причисляла себя к странам свободного мира. Этот тезис лежал в основе всей нашей дипломатии, на его основе мы строили отношения с другими государствами. К несчастью, во время второй мировой войны такого рода отношения были прерваны, но после 1945 года они восстановились и сейчас становятся еще более дружественными и тесными, чем раньше. И, честно говоря, я не вижу причин, которые могли бы изменить эту позитивную тенденцию.

В прошлом году мы нормализовали межгосударственные отношения с СССР.¹⁴⁶ Надеюсь, что дружественные связи между нашими двумя странами будут углубляться. Мы со своей стороны очень надеемся на такое углубление. Вместе с тем нет никаких причин для того, чтобы наши последние действия привели к охлаждению или ослаблению отношений со странами свободного мира.

Я никак не могу согласиться с теми, кто утверждает, будто мы являемся не вполне самостоятельной страной, что мы, грубо говоря, следуем в фарватере политики Соединенных Штатов. В последние годы США вышли на лидирующие позиции среди стран свободного мира. После войны Соединенные Штаты установили самые тесные отношения с Японией, и я полон решимости продолжить это тесное сотрудничество. Но сегодня я хочу прямо и открыто обратиться к Соединенным Штатам с просьбой больше прислушиваться к Японии и учитывать ее интересы. Временами интересы двух стран не совпадают, и это не может не вызвать взаимного недовольства. Но я уверен в том, что и эти временные несовпадения мы можем и должны использовать для нашего дальнейшего сближения. Такой же курс мы хотели бы проводить в отношении других стран свободного мира, а также Советского Союза и всех иных государств.

Я хотел бы воспользоваться представившимся сегодня благоприятным случаем и с вашей помощью донести мое мнение по этому вопросу до народов ваших стран. Искренне признателен вам за помощь.

В Японии ежегодно получают путевку в жизнь несколько сот тысяч выпускников университетов и средних школ высшей ступени. Они распределяются по тем рабочим местам, где их способности, их квалификация, их рабочая сила используются максимально эффективно. Труд этих людей жизненно необходим для развития японской экономики. Постоянно растущее производство сейчас активно подпитывается спросом, причем спросом не только внутри страны, но и за рубежом. Взамен экспортируемых Япония ввозит из-за границы другие необходимые ей товары. Эта активная деятельность, в конечном счете, увеличивает благосостояние народов всех стран мира.

Основные усилия нашего нового кабинета министров направлены на увеличение числа рабочих мест и обеспечение роста производства. Впервые этот процесс идет в условиях сотрудничества ведущих мировых держав, которые сегодня предпринимают согласованные действия для движения по пути развития. Иными словами, эти страны идут в ногу, и Япония не должна сбиваться с этого общего шага.

В заключение своего выступления я хочу от всего сердца пожелать, чтобы та сильнейшая движущая сила, каковой являетесь вы, люди, несущие информацию и выражающие общественное мнение, - чтобы эта сила обеспечила движение к миру и процветанию во всем мире.

Пусть крепким будет ваше здоровье и сильными – ваши авторучки!

= Чего мы ждем от дипломатии Икэда?¹⁴⁷ =

Опубликовано в газете «Асахи симбун» 8 и 9 августа 1960 года

= *Общество «СССР-Япония» и я*¹⁴⁸ =

Недавно на меня были возложены обязанности президента Общества «Япония – СССР» (я сменил на этом посту господина Хатояма). Надо сказать, что фактически ко мне обратились с предложением занять этот пост гораздо раньше, но после этого я весьма долгое время выслушивал советы не давать своего согласия на это предложение. Подобные советы поступали ко мне под самыми различными предлогами и в самых разных формах. Среди них были опасения и предупреждения, которые высказывались из самых добрых побуждений. Но, проанализировав их все, я честно говоря, так и не нашел причин, по которым я должен был отказаться от этого предложения...

Этим летом в Москве проходила выставка образцов японских товаров, на которую была направлена японская делегация во главе с господином Нохара Масакацу. Уже в качестве президента Общества я передал господину Нохара большой пакет документов, которые, по моему мнению, могли бы способствовать развитию дружбы между Японией и СССР, в том числе проекты мирного договора и соглашения о сотрудничестве в области культуры. Господин Нохара вручил эти документы Председателю Совета Министров СССР Н.С. Хрущеву.

= *Диагноз: нежелание «вопрошать самих себя»*¹⁴⁹ =

Я глубоко признателен всем друзьям, которые проявили обо мне заботу и дали добрые советы. Вместе с тем хочу заметить, что, размышляя о том, занять ли пост президента Общества «Япония-СССР», я пришел к одному очень важному выводу. Вывод этот таков: несмотря на все и всяческие опасения, нам все равно необходимо развивать отношения с Советским Союзом.

В самом деле, почему мы так боимся развивать контакты с коммунистическими странами – СССР или тем же Китаем?..

Помню, накануне моего прошлогоднего визита в Китай какие-то люди, называвшие себя «патриотами», раздавали на аэродроме Ханэда листовки, в которых я был заклеен как изменник Родины. Тогда на аэродроме я испытал прилив очень сильных чувств, ибо невольно сопоставил поведение этих людей с поступком теперь уже бывшего президента Общества «Япония-СССР» господина Хатояма, который, несмотря на болезнь, нашел в себе силы совершить авиаперелет в далекую страну и восстановить межгосударственные отношения между Японией и СССР.

Меня не покидает такое чувство, что японцы все еще болеют и еще долгое время будут болеть отсутствием самокритики, нежеланием «вопрошать самих себя».

= *Желаю успеха кабинету Икэда!* =

Недавнее изменение настроений в обществе привело к отставке кабинета Киси.¹⁵⁰ На политической сцене вновь появился господин Икэда, с чем я его хочу искренне поздравить.¹⁵¹ Я хочу также выразить глубокую радость по случаю успешного формирования кабинета Икэда и уверенность в том, что его ждет блестящее будущее.

Господин Киси оставил в наследство новому кабинету два термина. Оба они связаны с событиями, имевшими место во время правления его кабинета, и как нельзя лучше характеризуют образ мыслей бывшего премьера. Эти термины – «меры по обеспечению общественного порядка» и «партия утихомирённых».¹⁵²

Безусловны, меры по обеспечению общественного порядка необходимы. Сколь бы ни была хороша власть, как бы хорошо ни жили люди, в обществе всегда имеется некоторое

число глупцов и безумцев, поэтому для того, чтобы управлять обществом, обязательно нужно иметь и полицию, и тюрьмы. Но довести ситуацию до массовых выступлений народных масс против правительства, а потом говорить о необходимости мер по обеспечению общественного порядка... Подобные проблемы не решаются увеличением числа полицейских и расширением тюрем. Вот почему я не устаю повторять, что правительство должно постоянно «вопросать самого себя» и более критично относиться к собственным действиям.

Теперь о «партии утихомиранных». Политики, критически оценивающие деятельность кабинета Киси, не только имели право на такую оценку - они были просто обязаны ее сделать. Форсированная, принудительная ратификация нового «договора безопасности» на рассвете 20 мая силами только сторонников нового договора, без учета мнения его многочисленных противников, попросту выдворенных из зала заседаний – все это, вне всякого сомнения, заслуживает самого сурового осуждения.

Лично я считаю, что подлинными патриотами Японии показали себя как раз те, кто усилиями Киси был превращен в «партию утихомиранных». Почему? Да потому, что именно они открыто и честно выражали свое мнение (что в сложившейся ситуации было нелегко и требовало немало мужества); потому, что они защищали свою страну и свой народ и ради этого поставили на карту всю свою политическую будущность. У этой партии нет вождей и нет вассалов, слепо им повинующихся. В этой партии – те, кто считает сложившееся положение отвратительным, те, кто не в силах терпеть творящийся произвол.

Господин Икэда пока не упоминал об этих двух терминах; возможно, они просто еще не привлекли его внимания. Но, вне зависимости от того, что новый премьер о них думает, можно сказать совершенно точно: марионеткой, как господин Киси, он никогда не будет.

= Дипломатические разочарования =

Впрочем, в целом мне пока трудно сказать, сможет ли правительство Икэда отойти от курса кабинета Киси, можно ли ему доверить судьбы страны или нет. По слухам, сейчас кабинет Икэда занят разработкой некой «новой политики». Естественно, не видя готовых документов, не стоит делать никаких выводов. Но когда я размышляю о том, что уже сделано кабинетом Икэда к сегодняшнему дню во внешнеполитической области, то меня охватывает глубокое разочарование. Пока внешнеполитический курс правительства Икэда расходится с нашими ожиданиями. Почему? Потому что ему присуща ярко выраженная негативная направленность, потому что изменения этого курса определяются воздействием внешних сил, а правительство склоняется перед этими силами. Словом, судя по основным параметрам этого курса, правительство пока не сделало ни шагу назад с фронта «холодной войны».

Со времен Кэмп-Дэвида в мире произошли большие изменения. К сожалению, из-за инцидента с самолетом U-2 пришлось на время отложить встречу глав государств Востока и Запада, но она, безусловно, через несколько месяцев состоится. Поток истории достаточно силен, и повернуть его вспять не удастся.¹⁵³

Сейчас человечество стоит на пороге совершенно новой эпохи, эпохи мирного сосуществования – и все разумные политики это уже поняли. Особое внимание привлекает тот факт, что движение к этой эпохе возглавил лично Хрущев, в результате чего проекты соответствующих документов, представленные в ООН, носят вполне конкретный характер. Однако часть людей по-прежнему смотрит на эти предложения с подозрением, видят в них лишь хитрости и уловки, характерные для «красного империализма», и призывают не терять бдительности.

Что можно им возразить? Безусловно, природа коммунизма осталась неизменной. Но мне кажется, что в изменившейся международной обстановке коммунистам уже нет смысла придерживаться своей доктрины столь же жестко, как они делали это раньше. На лежащей в руинах планете Земля придуманный Марксом «вечный рай» построить точно не удастся, и он навсегда останется не более, чем мечтой – это понимают даже коммунисты.

В документе под названием «Основы внешнеполитического курса кабинета Икэда», который недавно был передан послу Федоренко,¹⁵⁴ говорится: «Правительство Японии отмечает возможность существования отношений мира и дружбы между странами с различными политическими принципами и разными общественно-экономическими системами». Этот пассаж показывает, что господин Икэда, с очевидностью, признает необходимость мирного сосуществования.

Вместе с тем, нам пока рано бить в ладоши от радости по случаю того, что мы движемся в нужном направлении. Дело в том, что самого-то движения как раз и не наблюдается. Правда, в ближайшее время состоится поездка в СССР господина Исии, но с этим визитом также не связывают ожидания каких-то крупных дипломатических шагов. Иными словами, хотя на первый взгляд кажется, что кабинет Икэда занял весьма гибкую позицию, в действительности же эта позиция, к сожалению, не имеет никакого реального наполнения.

В точности такую же позицию занял в свое время Киси, когда о выдвинутых Китаем трех условиях восстановления отношений с Японией¹⁵⁵ сказал буквально следующее: «Я не настроен враждебно по отношению к Китаю. Выдвинутые требования основаны на заблуждениях китайской стороны. Нужно подождать, пока эти заблуждения рассеются». Если заблуждения действительно существуют, то нужно что-то делать для того, чтобы они рассеялись, а не сидеть сложа руки!

= Соревнование с социализмом =

Насколько можно судить, господин Икэда не собирается выводить Японию из числа государств свободного мира и делать ее страной нейтральной. А это означает ни что иное, как сохранение военного союза со США, и, в свою очередь, подразумевает, что во всех дебатах по вопросам разоружения мы должны будем учитывать мнение этой великой державы. Готов был бы согласиться, если бы не одно «но»: последовательно проводить такой внешнеполитический курс – значит вести дело к тому, что Япония утратит свое достоинство, превратится в подобие одного из штатов США и перестанет существовать как независимое государство.

Занимая такую позицию, я меньше всего хочу уподобляться той части японских социалистов, которые выдают себя за сторонников нейтралитета, а на деле придерживаются совершенно беспомощной теории «покраснения» Японии.

Я вообще уверен в преимуществе капитализма над социализмом и очень надеюсь на то, что, поддерживая и развивая капиталистические начала, мы сумеем обеспечить процветание нашего народа. Но именно поэтому я также хочу, чтобы наше соревнование с социализмом проходило в условиях мира.

= 2 =

= Новая Конституция и новый договор безопасности =

Сравнивая между собой капитализм и социализм, люди нередко исходят из устаревших представлений. Комично выглядит ситуация, когда современный капитализм, создавший разветвленную систему общественных гарантий, критикуют так, будто он совершенно не изменился со времен «Капитала» Карла Маркса, вышедшего еще в XIX веке. Равным образом, социализму часто по-прежнему приписывают опасные идеологические установки (что я ощущаю по своей работе в Обществе «Япония-СССР»).

Ленинская революция - вовсе не результат естественного «загнивания» капитализма. Она была вызвана деспотизмом Романовых. И уж совсем бессмысленно оперировать социалистическими штампами в применении к Японии – совершенно иной стране. Можно

только пожалеть прессу, которая сегодня пишет о руке международного коммунизма или некоем призраке, который будто бы бродит по Японии. Япония несовместна с советской идеологией, и не потому, что она накрепко связана с Соединенными Штатами, а потому, что Япония – это Япония, у нее – своя собственная судьба. А для того, чтобы понять исторические, географические, экономические, национальные и другие особенности Японии, нужно обратиться к ее Конституции, где все эти особенности очень четко сформулированы.

= Конституция Сидэхара – прекрасная Конституция =

В прежних консервативных правительствах считали, Конституция дарована нам Небом. Нынешние защитники Конституции считают ее чем-то вроде патента на монопольную торговлю, выданного Социалистической партии Японии. На самом деле наша Конституция появилась на свет благодаря усилиям старого консерватора, господина Сидэхара Кидзюро.¹⁵⁶

Все помнят, какие блестящие приказы отдавал Макартур во время Корейской войны и как они мало влияли на ход этой войны. Поначалу многим казалось, что и Конституция Сидэхара, которая также родилась из нескольких блестящих идей, вообще не имеет никакого отношения к действительности. На деле же все обстоит далеко не так просто.

Мне кажется, подлинное значение этой уникальной Конституции миру еще предстоит оценить. Сам Сидэхара говорил: «Сейчас надо мной смеются, считают мечтателем. Но через сто лет назовут пророком». Однако ста лет еще не прошло, а Конституция уже из мечты превратилась в реальное препятствие на пути тех, кто толкает нас в кошмарный мир войн и конфликтов.

С очевидностью, Конституция находится в противоречии с договором безопасности. Но для меня это значит только то, что нужно менять этот договор и всеми силами защищать действующую Конституцию. Менять же в угоду политической конъюнктуре Основной закон – значит заранее обрекать себя на значительные трудности.

= Нельзя отказываться от нового договора безопасности =

Вместе с тем, я не принадлежу к числу тех, кто, подобно членам Социалистической партии Японии, считает, что нам нужно вообще отказаться от нового договора безопасности. Напротив, я считаю, что этот договор должен положить начало новому историческому периоду. Но именно поэтому его надо было хорошо подготовить. Нам не следовало спешить с его подписанием: срочно зафиксировав в нем позицию Японии, мы тем самым потеряли возможность ее модифицировать. Однако господин Киси под давлением обстоятельств поступил так, как он поступил, и в результате мы имеем то, что имеем: массовые волнения. Вместе с тем – повторюсь – я уверен в том, что само по себе заключение нового договора безопасности как нельзя лучше отвечает принципам мирного сосуществования.

Несколько слов о процедуре принятия решения. На самом деле получилось так, что принятие полноценной резолюции по этому вопросу заняло бы очень много времени. Пришлось воспользоваться предложением одного из депутатов об оформлении решения так называемой дополнительной резолюцией парламента. Благодаря такому подходу удалось принять резолюцию еще на предыдущей сессии парламента, и в результате уже сейчас Япония получила все возможности для того, чтобы восстановить свой суверенитет.

В самом деле, новый договор безопасности предоставляет японскому правительству исключительно широкие права; в частности, на него полностью возлагается все административное управление. Прошло то время, когда правительство не могло сделать ни шагу без слов «уес» или «по».

Итак, японское правительство оказалось теперь в исключительно выгодной позиции. Какой же линии поведения оно должно придерживаться? Ответ на этот вопрос ясен и прост: оно должно неукоснительно следовать Конституции своей собственной страны. И не только

потому, что Конституция – это Конституция. Поступать подобным образом – значит заложить серьезные предпосылки для того, чтобы исключить вмешательство других стран, в том числе и США, во внутреннюю политику Японии. А это, в свою очередь, даст возможность нашей стране стать в авангарде движения за мир во всем мире.

Мир долгое время шел по пути применения силы. Но сейчас наступило такое время, когда у государств нет иного выхода, кроме как всеми силами поддерживать существующий баланс сил и тем самым сохранять мир. Если человечество хочет избежать самоуничтожения, то у него остается единственный путь: строить отношения на базе принципов мирного сосуществования. Предпосылки к этому есть. Более того, сейчас наступил исключительно благоприятный момент для Японии, которая может и должна выступить в авангарде всего человечества. Японцы не должны упустить этот шанс, должны поделиться со всем земным шаром той доброй волей, которая их сейчас переполняет.

А если этого не сделать, то мы снова придем к тому, что будем биться до последнего солдата где-нибудь в Корее или на Тайване, снова будем проливать кровь и нести неисчислимые жертвы, снова потерпим поражение в какой-нибудь Великой Восточноазиатской войне – словом, будем отброшены назад к повторению горьких уроков нашего прошлого.

К счастью, у нас есть нынешняя Конституция. Перечитывая ее, я снова и снова убеждаюсь в том, что она не даст нам свернуть на этот порочный путь.

= О японо-американской дружбе =

Нынешняя японская экономика через внешнеторговые отношения тесно связана с экономикой США. Для достижения такого же уровня взаимодействия между политическими системами наших стран очень важно всемерно укреплять дружбу между народами Японии и США, которая может и должна стать важным фактором наших отношений.

Это не значит, что мы должны изолировать себя от Азиатского материка. Напротив, если мы поступим таким образом, то только создадим препятствия на пути к подлинному улучшению японо-американских отношений. Это мое глубокое убеждение, которое не смогут поколебать никакие лозунги и выкрики демонстрантов «Нет – визиту Айка в Японию!»¹⁵⁷

Сейчас нам говорят о том, что Америка пусть ненадолго, но разочаровалась в Японии, что правительство Икэда не должно позволить себя одурачить коммунистическим странам и т.п. Хочу ясно сказать: лично я ожидаю от правительства Икэда, что оно будет проводить уважительную политику в отношении всех стран мира, но, прежде всего, Соединенных Штатов. Такую политику нужно проводить не только потому, что для ее осуществления заложен прочный фундамент в виде Конституции, но и потому, что альтернативы такой политике просто нет. В этом я тоже совершенно твердо убежден.

= Нужно как можно быстрее протянуть руку дружбы Китаю =

Японо-советский торговый договор уже начал приносить свои первые плоды.¹⁵⁸ Теперь важно как можно быстрее восстановить межгосударственные отношения с Китаем. Не нужно забывать о том, что пока Япония раздумывает, Великобритания и Западная Германия уже начали развивать с Китаем торгово-экономические контакты, причем во многих областях.

Великая соседняя страна, в которой проживает почти четверть населения земного шара, сейчас занята такой же бурной созидательной работой, как Япония после Реставрации Мэйдзи. Так может ли считаться здоровой наша политика, основанная на ожидании того, что эта огромная страна вдруг снова развалится на части или пойдет к кому-то на поклон?

Прошло уже 15 лет после окончания войны, начало которой было, как известно, положено в Китае. Разве не важно добиться того, чтобы там же, в Китае, эта война испустила бы, наконец, свой последний вздох?

Это тем более важно потому, что Китай, когда-то оказавшийся под гнетом Японии, в своей политике не только не вернулся к образу врага, не только не позволяет себя ни грана реваншизма, но и протягивает Японии руку дружбы. Да, изменить свою политику нам будет нелегко. Но тем не менее это, с очевидностью, нужно делать.

Однако пока что правительство Икэда протягивать руку дружбы Китаю не собирается. Это видно хотя бы из той прохладной атмосферы, которая сложилась вокруг давно ожидавшегося визита в Японию делегации во главе с Лю Нинъи...

Я глубоко сожалею о том, что по состоянию здоровья не смог сам реализовать свои обширные планы в области международных контактов. К сожалению, я очень переоценил свои физические возможности. Однако у меня еще остался некоторый запас душевных сил - конечно, их тоже израсходовано немало, но все же, надеюсь, хоть что-то осталось. И я твердо решил посвятить остаток отведенной мне жизни тому, чтобы наводить мосты между Японией и СССР.

= К вопросу об обороноспособности Японии =

Опубликовано в номере журнала «Тоё кэйдзай симпо» от 5 октября 1968 года под рубрикой «На злобу дня»

Вторжение советских войск в Чехословакию со всей остротой поставило вопрос об обеспечении независимости и безопасности нашей страны. В Японии начали раздаваться заявления такого рода, что нам уже недостаточно иметь только силы самообороны. Об этом, в частности, заявил и премьер-министр Сато.¹⁵⁹

С очевидностью, у чехов было мало сил для обороны своей страны, что и привело к столь печальным последствиям. Но значит ли это, что, как нам говорят, Япония должна укреплять свои силы самообороны, что ее военную мощь нужно довести до довоенного уровня? По-моему, такие рассуждения весьма опасны, и мы должны всеми силами им противостоять. Безусловно, всегда существует угроза того, что вражеская армия вторгнется в Японию и оккупирует часть ее территории. Но что будет происходить дальше?

Приведу только один пример. Мы не можем попасть на Северные территории, занятые Советским Союзом. Но, поскольку эта территории не находятся у нас перед глазами, то мы как-то эту ситуацию терпим. Но что бы мы стали делать, если бы Советский Союз сейчас задумал оккупировать весь остров Хоккайдо? Смирились бы мы с этим? А если нет, то что противопоставили? Можно ли сказать, что оккупация Хоккайдо станет следствием того, что у Японии мало войск?

Нам говорят, что если Япония будет сильнее в военном отношении, то это помешает иностранной военной интервенции. Правильно ли это? Наверное, правильно. Но только с одной маленькой оговоркой: для того, чтобы по-настоящему организовать подобного рода оборону, нам придется стянуть на Хоккайдо войска со всего мира по той простой причине, что и противостоять там придется самой большой армии мира. Реально ли это?

Пойдем дальше. Если советская армия вторгнется на нашу территорию, то ей не избежать столкновения с американской армией. Иными словами, на территории Японии развернется гигантское сражение между двумя самыми крупными армиями мира. Так можно ли военной силой обеспечить оборону Японии? Ответ: нет, нельзя.

Есть и другой аспект этой проблемы. Япония не может себе позволить содержать крупную армию – это для нее совершенно непосильное бремя, поднять которое просто не хватит сил.

Поэтому рассматривать вопрос об обороноспособности Японии только в одной, военной плоскости было бы ошибкой. Необходимо привлекать и другие подходы. Мне кажется, что на самом деле здесь остается немало место для дискуссий, и нашим политикам

стоит еще раз вернуться к этим вопросам...

Я же хотел бы затронуть вот какую проблему. Известно, что для сохранения независимости страны и обеспечения ее безопасности самое важное – это отсутствие внутренних раздоров и распрей. В случае Чехословакии таких раздоров, к счастью, не было. Страна оказалась единой перед лицом советской агрессии, что, кстати сказать, позволило до определенных пор сдерживать агрессора, а потом нанести ему заметные потери и сохранить хоть изуродованную, но независимость.

А что было бы, если бы в такой ситуации оказались, скажем, Либерально-Демократическая и Социалистическая партии Японии? Стали бы они как-то противостоять агрессии, прибегать к насильственным методам борьбы? Народ Чехословакии в час своей трагедии вел себя выше всяких похвал. У нас, как мне кажется, такой тяги к независимости сейчас нет...

В период Реставрации Мэйдзи Англия и Франция предлагали свою военную поддержку как правительству Токугава, так и княжествам Сацума и Тёсю. Но все они эту помощь отклонили. В то же время в правительстве Токугава рассматривалось предложение продать иностранному государству остров Хоккайдо, чтобы повысить собственную обороноспособность.

Трудно представить себе, что стало бы с Японией, удайся этот план. Воспользовавшись расколом внутри страны (или даже только попыткой проводить политику, направленную на раскол страны), иностранные государства могли бы напасть на Японию, и тогда Япония оказалась бы опасной близости от разделения, скажем, на Восток и Запад – разделения, которое в Европе существует и поныне. К счастью, этого не произошло: у тогдашних правителей хватило проницательности, а у народа – решимости сохранить единство страны и отвести нависшую над ней смертельную опасность.

Сейчас мне почему-то вспомнилось то предложение, с которым в разгар последней войны выступил генерал Араки.¹⁶⁰ Он сказал, что Японию могут спасти 30 миллионов бамбуковых пик, которые нужно раздать населению.

Что и говорить, господин Араки обладал нестандартным складом ума, раз смог додуматься до такого плана! Правда, хода этому предложению почему-то не дали... А что было бы, если бы дали?..

Когда-то в штабе оккупационных войск мне на глаза попались тактические карты, на которых войска противников были представлены чем-то вроде фигур японских шахмат *сёги*. Карты изображали англо-американские союзные войска, которые сломали сопротивление обороняющихся японских войск и высадились на Японских островах.

Я с трудом могу представить себе, что было бы с Японией, если бы это действительно случилось. Японский народ, вооружившись 30 миллионами пик, рассредоточился бы по территории островов и начал борьбу с армией противника? Или посчитал, что капитуляция – это ниже его достоинства и весь ушел в партизаны? В одном я уверен: все силы союзников вряд ли смогли бы остановить народ, пусть даже и вооруженный только пиками от Араки...

Справедливость подобного утверждения подтверждают иные примеры. Франция, применив, всю свою военную мощь, все же была вынуждена уйти из Вьетнама. Сейчас ее место заняли США. С приходом американцев война изменилась, стала по-настоящему «грязной», но победы так им и не принесла и уже не принесет – это и теперь ясно всему миру, а рано или поздно станет ясно и самим Соединенным Штатам. А ведь Вьетнам воюет против американских армии, флота и авиации чем-то вроде тех самых 30 миллионов бамбуковых пик, но, тем не менее, наносит врагу колоссальный урон.

На примере Вьетнамской войны хорошо видно, на что способен народ, защищающий свою Родину от иностранной агрессии. Но ясно и то, что для ведения такой борьбы в стране должно быть законное и дееспособное правительство, которое может сплотить народ в патриотическом порыве.

Точно также, если мы хотим реализовать провозглашенную мировым сообществом

идею сохранить мир путем укрепления Организации Объединенных Наций и создания международных полицейских сил, то нам всем нужно идти в ногу, нужно действовать согласованно.

Сегодня нередко можно слышать упреки в адрес ООН. Нередко ее называют немощной и недееспособной организацией. Я так не считаю. Безусловно, нельзя сказать, что ООН действует безупречно, что деятельность ее удовлетворяет всех и каждого. Но верно и то, что ООН внесла реальный вклад в урегулирование многих локальных конфликтов, вспыхивавших в мире после Второй мировой войны.

Не так давно возникла идея создать международные полицейские силы, которые можно было бы использовать для сохранения независимости и обеспечения безопасности той или иной страны мира. Многим эта идея кажется не более, чем пустой фантазией. Но кто может предложить иной способ решения подобных проблем? Я такого способа не вижу.

Поэтому наше правительство должно прилагать все силы для укрепления ООН, повышения ее авторитета.

Генерального секретаря ООН господина У Тана¹⁶¹ называют очень доброжелательным, знающим и ответственным человеком – и я такую характеристику полностью разделяю. Уверен, что он пользуется доверием самых разных людей в самых разных странах мира, и потому нашему правительству нужно более активно поддерживать усилия Генерального секретаря.

В заключение хочу еще раз подчеркнуть главную мысль: для того, чтобы обеспечить независимость и безопасность Японии, ни в коем случае нельзя наращивать вооружения. Такие меры только ослабят страну и подорвут ее обороноспособность. Более того, подобный подход может стать в буквальном смысле губительным для страны, и потому политиков, исповедующих подобные взгляды, нужно держать как можно дальше от реальной политики.

Чего вообще я хочу от политиков? Вот чего: хочу, чтобы интересы своей партии они ставили выше своих личных интересов, а интересы своей Родины и своего народа – неизмеримо выше интересов партии.

У любого человека есть свои личные интересы. Я покривил бы душой, если бы сказал, что их нет у меня. Но мне кажется, что личные интересы политика должны состоять не в том, чтобы гнаться за материальными благами и прелестями жизни. Главные личные интересы политика – в сохранении доброго имени и в признании народа. Именно к этим целям он должен стремиться прежде всего. Нет стремления к этим целям – и политик умирает как политик, от него остается только должность.

Если бы все наши политики придерживались такого образа мыслей, то, думаю, наш народ поверил бы в искренность политиков, а в обществе выросли бы патриотические настроения. Надеюсь, что наше общество будет прилагать все силы для того, чтобы воспитывать таких политиков и оказывать им всяческую моральную поддержку.

ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ИСИБАСИ ТАНДЗАН

Составила М.А. Щербакова

1884	25 сентября	Родился в Токио (район Адзабудай) в семье буддийского священника. Отца мальчика звали Сугита Тансэй, мать - Кин. «Детское» имя Исибаси Тандзан - Сэйдзо. Унаследовал фамилию матери - Исибаси.
1885	Март	Семья Исибаси переехала в местечко Инакадо города Кофу (ныне район Исэ).
1889	1 апреля	Поступил в начальную школу местечка Инакадо города Кофу.
1891	Октябрь	В связи с назначением отца настоятелем буддийского храма Сёфукудзи был переведен в начальную школу высшей ступени в деревне Масухо.
1894	Сентябрь	Отдан на воспитание Мотидзуки Нитикэн - настоятелю храма Дзёндзи в деревне Кагаминакадзё. Перешел в начальную школу высшей ступени деревни Кагаминакадзё.
1895	Апрель 15 ноября	Поступил в среднюю школу префектуры Яманаси. В Токио вышел первый номер экономического журнала «Тоё кэйдзай симпо» («Восточное экономическое обозрение»).
1902	март	Исибаси закончил среднюю школу. Получил «взрослое» имя Тандзан.
1903	сентябрь	Принят на высшее подготовительное отделение токийского университета Васэда.
1904	сентябрь	Поступил на философское отделение гуманитарного факультета университета Васэда.
1907	июль	Окончил университет Васэда (первый в выпуске гуманитарного факультета). Рекомендован в аспирантуру.
1908	декабрь	Окончил обучение в аспирантуре университета Васэда. По рекомендации профессора Васэда Симамура Хогэцу поступил на работу в газету «Токио майнити».
1909	август 1 декабря	Раскол в редакции газеты «Токио майнити». Исибаси уходит из газеты. Призван на военную службу в качестве вольноопределяющегося сроком на 1 год.
1910	10 марта 1 мая	Всеяпонским просветительским обществом издана книга «Религии мира», одним из соавторов которой был Исибаси Тандзан. Компания «Тоё кэйдзай симпо» начала выпуск ежемесячного журнала «Тоё дзирон» («Восточное обозрение»).
1911	1 января	Исибаси поступил на работу в журнал «Тоё дзирон», издаваемый компанией «Тоё кэйдзай симпо».
1912	октябрь 2 ноября	В связи с закрытием «Тоё дзирон» Исибаси Тандзан перешел на работу в журнал «Тоё кэйдзай симпо». Женился на Иваи Умэ. Посредниками при заключении брака выступили супруги Миура.
1914	май	Исибаси Тандзан участвовал в создании Общества по чтению публичных лекций о либеральных идеях (яп. <i>дзию сисо коэнкай</i>) и стал его ответственным секретарем. Общество просуществовало до 1921 г.
1915	май	Участвовал в организации Общества по изучению трудов Джона

		Стюарта Милля. В мае-июле 1915 года прошло десять заседаний Общества.
	13 ноября	Исибаси Тандзан стал одним из учредителей общества с солидарной ответственностью «Тоё кэйдзай симпо».
1917	июнь	Волнения в университете Васэда в связи со смещением Аmano Тамэюки с поста ректора. Как выпускник Васэда, Исибаси оказался активно вовлечен в эти события.
1919	февраль	Участвовал в разработке плана действий Общества борьбы за всеобщее избирательное право (яп. <i>фуцу сэнкё кисэй домэйкай</i>).
	1 марта	Выступил одним из организаторов первой в истории Японии демонстрации с требованиями введения всеобщего избирательного права.
1921	22 июля	Основано Общество по изучению тихоокеанских проблем (яп. <i>тайхэйё мондай кэнкюкай</i>). Исибаси Тандзан стал ответственным секретарем этой организации.
	22 ноября	Компания «Тоё кэйдзай симпо» из общества с солидарной ответственностью преобразована в акционерное общество. Исибаси занял пост директора компании.
1922	22 января	Совместно с сотрудниками редакции «Тоё кэйдзай симпо» основал Общество по изучению трудов Давида Рикардо (яп. <i>рикадо кэнкюкай</i>).
	апрель	Совместно с сотрудниками компании «Тоё кэйдзай симпо» основал Общество по изучению трудов Карла Маркса (яп. <i>марукусу кэнкюкай</i>).
	июль	Построил собственный дом в г. Камакура.
	8 ноября	Основано Общество по изучению финансовой системы (яп. <i>кинью сэйдо кэнкюкай</i>).
1923	1 сентября	Сильнейшее землетрясение в районе Токио-Иокогама. Поврежден дом Исибаси.
1924	январь	В г. Камакура был основан кредитно-закупочный кооператив «Клуб Сёнан». Исибаси занял пост его директора.
	10 сентября	Избран членом правления «Клуба Сёнан».
	декабрь	Стал четвертым по времени главным редактором журнала «Тоё кэйдзай симпо», сменив на этом посту Миура Тэцутаро.
1925	25 января	Взял на себя ведение рубрики «Представитель делового мира» в журнале «Тоё кэйдзай симпо».
1927	23 апреля	В приложении к журналу «Тоё кэйдзай симпо» помещена статья Исибаси Тандзан «Грядет крупный кризис».
	25 июля	«Тоё кэйдзай симпо» опубликовал статью Исибаси «За новый политический курс и реформу сельского хозяйства».
	2 декабря	Написал статью «История финансового кризиса 1927 года» (опубликована в номере «Банковского ежегодника» от 17 января 1928 года).
1928	30 января	Принимал участие в создании Союза сторонников государственной медицины.
	февраль	Общество по изучению финансовой системы переименовано в Общество по изучению экономической системы (яп. <i>кэйдзай сэйдо кэнкюкай</i>).
	20 апреля	Написал «Проект резолюции об отмене эмбарго на вывоз золота» для Общества по изучению экономической системы.
1929	12 июля	В журнале «Тоё кэйдзай симпо» опубликовал статью «Влияние

		отмены эмбарго на вывоз золота и контрмеры».
1930	2–5 января	Написал статью «О системе золотого стандарта».
1931	8 июня	Редакция журнала «Тоё кэйдзай симпо» из квартала Тэндзинтё района Усигомэ переехала в новое здание (район Нихонбаси, квартал Хонсэкитё).
	10 июня	На Учредительном собрании Экономического клуба Исибаси Тандзан был избран его постоянным членом.
1932	7 января	На лекции Экономического клуба сделал доклад о кейнсианской теории денег (яп. <i>кэйдзу кахэйрон</i>).
	17 июня	Общество по изучению экономической системы возобновило свою деятельность под новым названием - Общество по изучению валютной системы (яп. <i>цукай сэйдо кэнкюкай</i>).
	4-13 июля	Исибаси совершил поездки с лекциями по городам Токио, Иокогама, Нагоя, Осака, Вакаяма.
	8 июля	Опубликована статья Исибаси «Теория инфляции и действительность».
1933	6 марта	Большим успехом среди японских слушателей пользуются лекции Исибаси о кризисе в экономике США.
1934	5 мая	Вышел первый номер ежемесячного журнала на английском языке «Oriental Economist».
	10 ноября	Исибаси Тандзан оказал содействие в организации Женского экономического общества.
1935	18 сентября	Стал членом Комиссии по изучению деятельности кабинета министров (яп. <i>найкакү тэса кёку</i>).
1936	15 сентября	Опубликована работа Исибаси Тандзан «История финансов Японии».
1937	12 ноября	В журнале «Тоё кэйдзай симпо» опубликована статья «Период резких перемен в японской экономике».
1938	осень	В компании «Тоё кэйдзай симпо» основано Общество по изучению трудов Дж. Кейнса (яп. <i>кэндзу кэнкюкай</i>).
1939	8 сентября	Прошло первое собрание кружка, объединившего читателей японского издания книги Дж. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег».
1940	апрель-июнь	Вместе с Исияма Кэнкити и др. совершил поездку в Маньчжурию и Корею.
	30 ноября	Основал и возглавил Восточный экономический научно-исследовательский институт (лабораторию).
1941	15 февраля	Исибаси Тандзан избран президентом компании «Тоё кэйдзай симпо».
	26 февраля	Вышла статья Исибаси «Впечатления от промышленности Маньчжурии и Кореи».
	1 апреля	В рамках Восточного экономического научно-исследовательского института (лаборатории) воссоздано Общество по изучению валютной системы.
	15 ноября	Вышел в свет 2000-й номер журнала «Тоё кэйдзай симпо».
1942	10 июля	Опубликована работа «Жизнь и экономика».
1943	14 апреля	Исибаси Тандзан стал членом попечительского совета университета Васэда.
	17 июня	Распущено Общество по изучению валютной системы. Исибаси Тандзан создал и возглавил Научное общество по изучению финансовой системы (яп. <i>кинью гакукай</i>).

- 1944** 6 февраля В бою за остров Кваджелейн погиб лейтенант интендантской службы ВМС Японии Исибаси Кадзухико – младший сын Исибаси Тандзан.
- октябрь По предложению Исибаси Тандзан в Министерстве финансов Японии создано Бюро по исследованию экономики военного времени. Бюро начало изучение мер, необходимых для послевоенного восстановления экономики.
- 1945** 10 марта Дом Исибаси в токийском районе Сиба сгорел во время авианалета.
- 28 апреля Часть редакции «Тоё кэйдзай симпо» и типографский цех эвакуированы в городок Ёкотэ (преф. Акита).
- 28 августа Исибаси Тандзан стал членом Комитета по послевоенному валютному регулированию (яп. *сэнго цука тайсаку иинкай*).
- 9 ноября Стал консультантом Либеральной партии (председатель партии – Хатояма Итиро)
- 1 декабря Стал членом Комитета по изучению финансовой системы.
- 1946** март В соответствии с новым законом о выборах принял решение участвовать в выборах в палату представителей парламента Японии 22-го созыва в качестве кандидата от Либеральной партии по 2-му избирательному округу города Токио. На выборах, состоявшихся 10 апреля, потерпел поражение.
- 22 мая Сформирован первый кабинет министров Ёсида Сигэру. Исибаси Тандзан занял в нем пост министра финансов.
- 23 мая Оставил журналистскую работу в компании «Тоё кэйдзай симпо».
- 1947** 31 января В результате реорганизации кабинета министров занял должности начальника департамента цен и главы центрального управления по экономической стабилизации (по совместительству).
- февраль Подготовил проект политического соглашения с Прогрессивной и Социалистической партиями с целью создания коалиционного правительства. Попытки создать коалицию потерпели неудачу.
- 31 марта На всеобщих выборах в палату представителей парламента Японии 23-го созыва был выдвинут в качестве кандидата от Либеральной партии по 2-му избирательному округу префектуры Сидзуока (избран 15 апреля).
- 20 мая Ушел с поста министра финансов в связи с отставкой первого кабинета Ёсида.
- 11 ноября Основал Общество либеральных идей (яп. *дзю сисо кёкай*).
- 1951** 6 февраля Совместно с Исии Коцуро и Хатояма Итиро вел переговоры с Аленом Даллесом по вопросу о заключении мирного договора.
- 20 июня С Исибаси снят запрет на занятие официальных должностей.
- 25 октября В издательстве газеты «Майнити» опубликованы «Воспоминания Тандзана».
- 27 ноября Стал консультантом компании «Тоё кэйдзай симпо».
- 1952** 28 августа Распущена палата представителей японского парламента.
- 1 октября На всеобщих выборах был избран в палату представителей японского парламента 25-го созыва по 2-му избирательному округу префектуры Сидзуока.
- 29 сентября Исключен из Либеральной партии за «антипартийную деятельность».

	1 декабря	Стал ректором университета Риссэй.
	16 декабря	Восстановлен в Либеральной партии.
1953	14 марта	От Либеральной партии отделилась фракция Хатояма, к которой примкнул Исибаси.
	17 марта	Стал главой Общества по обсуждению политического курса при группе Хатояма (яп. <i>сэйсаку сингикай</i>).
	1 апреля	В связи с преобразованием журнала «Oriental Economist» в акционерное общество Исибаси занял пост президента компании.
	19 апреля	На всеобщих выборах был избран в палату представителей японского парламента 26-го созыва по 2-му избирательному округу префектуры Сидзуока.
	29 ноября	Произошло объединение группы Хатояма и Либеральной партии в единую Либеральную партию.
1954	3 июля	Явился одним из организаторов Подготовительного комитета по созданию новой политической партии (яп. <i>синто кэссэй дзюмбикай</i>).
	24 ноября	Образована Демократическая партия Японии (председатель—Хатояма Итиро). Исибаси вошел в состав руководства новой партии.
	7 декабря	Пятый кабинет министров Ёсида подал в отставку в полном составе.
	10 декабря	Сформирован первый кабинет Хатояма Итиро. Исибаси занял в нем пост министра торговли и промышленности.
1955	27 февраля	На всеобщих выборах был избран в палату представителей японского парламента 27-го созыва по 2-му избирательному округу префектуры Сидзуока.
	19 марта	Сформирован второй кабинет Хатояма Итиро. Исибаси занял пост министра торговли и промышленности.
	15 ноября	Либеральная и Демократическая партии Японии объединились в единую Либерально-Демократическую партию (ЛДП).
	22 ноября	Сформирован третий кабинет Хатояма Итиро. Исибаси занял пост министра торговли и промышленности.
1956	20 сентября	Написал работу «Рассуждения о служащих и руководстве».
	14 декабря	На третьем съезде ЛДП Председателем партии избран Киси Нобусукэ.
	20 декабря	Ушел в отставку третий кабинет Хатояма. Исибаси сложил с себя полномочия министра торговли и промышленности.
	23 декабря	Исибаси Тандзан сформировал кабинет министров и стал новым премьер-министром Японии.
1957	25 января	В результате острого воспаления легких был вынужден придерживаться постельного режима.
	31 января	Из-за тяжелой болезни приостановил свои полномочия и назначил исполняющим обязанности премьер-министра министра иностранных дел Киси Нобусукэ.
	23 февраля	Подав в отставку с поста премьер-министра Японии.
	25 февраля	Стал консультантом ЛДП.
	20 октября	Исибаси Тандзан присвоена учёная степень почетного доктора университета Васэда.
1958	22 мая	На всеобщих выборах был избран в палату представителей японского парламента 28-го созыва по 2-му избирательному

- округу префектуры Сидзуока.
- 1959** 15 марта В журнале «Тоё кэйдай симпо» опубликована работа «Направление развития японской экономики».
- 28 августа Получил приглашение премьер-министра Государственного совета КНР Чжоу Эньлая посетить Китай.
- 7–26 сентября Совершил первую поездку в Китай. 20 сентября опубликовано совместное заявление Исибаси Тандзан и Чжоу Эньлая.
- 1960** 6 июня В результате консультаций Исибаси Тандзан с Катаяма Тэцу и другими политическими лидерами сформулированы рекомендации относительно нового японо-американского договора безопасности, которые переданы премьер-министру Киси.
- 21 сентября Избран президентом Общества «Япония-СССР» (*ниссо кёкай*).
- 20 ноября На всеобщих выборах был избран в палату представителей японского парламента 29-го созыва по 2-му избирательному округу префектуры Сидзуока.
- 1961** 15 июня Предложил проект договора о мире и сотрудничестве между Японией, Китаем, США и СССР.
- 1963** 24 сентября – 13 октября Совершил второй визит в Китай в качестве главы делегации на японской промышленной выставке.
- 21 ноября Потерпел поражение на всеобщих выборах в палату представителей японского парламента 30-го созыва по 2-му избирательному округу префектуры Сидзуока.
- 1964** 19 мая Возглавил Общество содействия развитию внешней торговли Японии (яп. *нихон кокусай боэки сокусин кёкай*).
- 22 сентября – 13 октября По приглашению Общества «СССР-Япония» посетил Советский Союз.
- 1968** 31 марта Ушел с поста ректора университета «Риссэй», был утвержден почетным ректором университета.
- 1970** 25 сентября Началась публикация полного собрания сочинений Исибаси Тандзан.
- 1971** 9 августа Скончалась супруга Исибаси Тандзан - Умэ.
- 1972** 10 сентября Завершено издание полного 15-томного собрания сочинений Исибаси Тандзан.
- 1973** 25 апреля В возрасте 88 лет Исибаси Тандзан скончался.

= ПРИМЕЧАНИЯ =

- ¹ Либкнехт Вильгельм (1826-1900) и Бебель Август (1840-1913) – основатели и первые руководители Социал-демократической партии Германии и II Интернационала. – Здесь и далее примечания переводчика.
- ² Ибсен Генрик (1828-1906) – норвежский драматург, один из создателей национального норвежского театра. Драма «Кукольный дом» носит также другое название – «Нора».
- ³ Руссо Жан Жак (1712-1778) – французский писатель и философ. Идеализировал «естественное состояние» всеобщего равенства и свободы людей. Государство, по Руссо, может возникнуть только в результате договора свободных людей.
- ⁴ Движение за свободу и народные права (яп. *дзю мункэн ундо*) – движение либеральной оппозиции, пик которого пришелся на 1880-е гг. Его главными требованиями были учреждение представительской власти в центре и на местах, а также расширение политических прав всех слоев населения. (Здесь и далее при составлении примечаний использовано издание «История Японии» в 2 томах. М.: ИВРАН, 1999).
- ⁵ Вопрос об индивидууме как о социальном явлении впервые был поднят в Японии под воздействием Реставрации Мэйдзи. До этого основой общественной жизни было коллективное начало. Достаточно сказать, что термин «*кодзин*» (индивидуальный, частный, личный) появился в японских толковых словарях лишь в 1890 г.
- ⁶ «*Тайё*» («Солнце») - первый японский журнал универсального содержания. Основан в 1895 г., наибольшего влияния достиг в конце 1910-х гг., в 1928 г. прекратил свое существование.
- ⁷ В переводе японские имена и фамилии даются в соответствии с японскими правилами: сначала фамилия, потом имя. Во избежание искажений имена и фамилии не склоняются.
- ⁸ 25 февраля 1912 г. по предложению министерства внутренних дел состоялась встреча представителей трех конфессий – синтоизма, буддизма и христианства. На следующий день был опубликован правительственный документ под названием «Об укреплении общественной морали» (яп. *кокумин дотокуно синкё*). 17 мая 1912 г. было обнародовано решение о создании так называемого Комитета по делам литературы и искусства (яп. *бунгэй шинкай*), в состав которого вошли 16 человек во главе с министром просвещения.
- ⁹ Хэмпден Джон (1594-1643) – влиятельный политический деятель времен начала движения пуритан в Англии.
- ¹⁰ Мэйдзи - период истории Японии с 1868 по 1912 гг.
- ¹¹ Политический курс новой власти был изложен в клятве императора от 6 апреля 1868 г. (яп. *гокадзё госэймон*), состоявшей из пяти статей.
- ¹² Как писал позднее в своих воспоминаниях сам Исибаси Тандзан, под «суевой дворцовых и правительственных чиновников» в этой статье имелось в виду назначение князя Кацура на пост главы кабинета министров.
- ¹³ Фукудзава Юкити (1834-1901) - выдающийся японский просветитель, много сделавший для знакомства японцев с достижениями научной и общественно-политической мысли Запада, основатель университета Кэйо.
- ¹⁴ Танака Фудзимаро (1846-1909) – государственный деятель периода Мэйдзи. Занимал должности заместителя министра образования, затем министра юстиции, работал советником посольств Японии в Италии и Франции.
- ¹⁵ Книга Дои Кока «Женские университеты» (более точное название – «Очерк цивилизации: женские университеты», яп. *буммэйрон дзёдайгаку*) вышла в 1876 г.
- ¹⁶ Милль Джон Стюарт (1806-1873) – английский философ и экономист, идеолог либерализма.
- ¹⁷ Мори Аринори (1847-1879) – государственный деятель, первый министр просвещения в японском правительстве после Реставрации Мэйдзи. Заложил основы новой японской системы образования. Убит в результате покушения.
- ¹⁸ Ито Хиробуми (1841-1909) – крупный политический и государственный деятель. Принимал активное участие в Реставрации Мэйдзи, затем занимал ряд постов в правительстве, был первым премьер-министром Японии, председателем тайного совета. В 1909 г. убит в Харбине корейским националистом.
- ¹⁹ Главным требованием либеральной оппозиции было учреждение представительской власти не только в центре, но и на местах, а также расширение политических прав всех слоев общества. В конце 1879 г. правительство поручило всем своим советникам подать письменные соображения о введении конституционного строя, однако выработать единую позицию тогда не удалось. Вспыхнула полемика, точку в которой поставил императорский указ от 12 октября 1881 г., в котором указывалось, что парламент будет образован в 23-й год Мэйдзи (1890).
- ²⁰ Иноуэ Каору (1835-1915) – государственный и политический деятель, выходец из клана Тёсю. После Реставрации Мэйдзи занимал в правительстве ряд министерских постов.

²¹ Переговоры о пересмотре неравноправных договоров, заключенных Японией с западными державами в 1850-е гг., начались в 1875 г. Международная конференция по вопросам пересмотра договоров начала свою работу в 1886 г. 22 апреля 1887 г. министр иностранных дел Японии Иноуэ Каору согласился на проект договора, согласно которому, в частности, японское правительство обязалось принять законы, соответствующие европейским стандартам. В ответ на это в Японии вспыхнуло движение протеста против пересмотра договоров на этих условиях; Иноуэ обвинили в нанесении ущерба национальному суверенитету. В результате переговоры были прерваны, а Иноуэ ушел в отставку. Тогда же, в 1887 г., ушел с поста премьер-министра Ито Хиробуми; вскоре он возглавил тайный совет – высший совещательный орган при императоре.

²² Конституция Японии была провозглашена на торжественной церемонии в императорском дворце 11 февраля 1889 г.

²³ Новогодние традиции предписывают ставить перед входом в японский дом парные композиции из веток сосны, символизирующей долголетие. День девочек отмечается в Японии 3 марта. В этот день в японских домах выставляют полки с дорогими куклами, изображающими императора и императрицу, придворных, колесницы и музыкальные инструменты. По прошествии праздника дорогие куклы убирают до следующего года; играть им не принято. Праздник мальчиков, отмечаемый 5 мая, сопровождается демонстрацией традиционных игрушек «мужского» характера. 7 июля в Японии отмечается *танабата*, праздник встречи звезд. Он восходит к древней легенде о пастухе и ткачихе, которые с первого взгляда полюбили друг друга, чем вызвали гнев отца девушки. Озлобленный родитель превратил влюбленных в звезды Альтаир и Вега, забросил их на небо и разделил Небесной Рекой – Млечным Путем, позволив беднякам встречаться только раз в году — 7 числа 7-го месяца. В праздник *танабата* принято украшать деревья цветными полосками с пожеланиями.

²⁴ *Бункин такасимада*, букв. «высокая *симада* [в подражание] *бункин*». *Симада* – традиционная женская прическа, которую в старой Японии носили, как правило, незамужние женщины. Волосы подбирались четырьмя широкими прядями с затылка, со лба и висков, а концы их сводились в единый узел, который закреплялся заколками и гребнем. Впервые волосы на такой манер стали носить обитательницы «веселых домов» станции Симада (ныне город в префектуре Сидзуока), стоявшей на тракте, связывавшем города Киото и Эдо (ныне Токио). Возникла *симада* в подражание самурайской прическе «*бункин*», в которой волосы также собирались на затылке в пучок. «Высокая *симада*» отличалась тем, что пучок волос располагался выше, чем в обычной прическе такого рода.

²⁵ Семь причин и три подчинения (яп. *ситикё сандзю*) – идеалы поведения женщины в старой Японии, восходящие к идеологии конфуцианства. Под ними имеются в виду семь причин, по которым муж может развестись с женой (ее бездетность, болтливость, вороватость, распущенность, ревность, неизлечимая болезнь, неподчинение родителям мужа), и три стадии подчинения женщины в семье (до замужества – отцу, в замужестве – мужу, в случае его смерти – сыну).

²⁶ Для названия этого придуманного им «изма» Исибаси взял традиционный принцип подчинения женщины в семье, где она, в идеале, должна была быть хорошей женой мужу и мудрой наставницей детям – этим ее роль в обществе и ограничивалась.

²⁷ Инукаи Цуёси (1855-1932) – политический и государственный деятель. Родился в префектуре Окаяма. Начиная с 1882 г. играл заметную роль в создании в Японии партийной системы. Был избран в палату представителей японского парламента в 1890 г., после чего переизбирался 17 раз. В 1910 г. организовал и возглавил партию Риккэн кокуминто. Был одним из организаторов влиятельнейшей партии Сэйюкай. В 1929 г. стал ее руководителем, в 1931 г. – занял пост премьер-министра Японии. 15 мая 1932 г., когда группой молодых экстремистски настроенных офицеров армии и флота была совершена попытка путча, Инукаи Цуёси был смертельно ранен при нападении мятежников на резиденцию премьера.

²⁸ Одзаки Юкио (1859-1954) – политический и государственный деятель, один из основателей созданной в 1896 г. Прогрессивной партии (Симпото). За время своей карьеры занимал множество руководящих постов в различных кабинетах, участвовал в первых парламентских выборах в Японии в 1890 г., а затем еще в 25 избирательных кампаниях. В то время, к которому относится статья Исибаси, Одзаки вместе с Инукай занимал отрицательную позицию по вопросу о введении в Японии всеобщего избирательного права.

²⁹ В 1912 г. на страницы японской печати вышли требования защитить конституционные основы государства, ввести всеобщее избирательное право, перейти к практике партийных кабинетов и покончить с засильем клановых группировок во власти (на протяжении всего периода Мэйдзи все значимые посты в правительственных и государственных структурах Японии занимали почти исключительно выходцы из бывших феодальных княжеств Сацума и Тёсю).

³⁰ Эти вопросы затрагивались в написанных Исибаси Тандзан передовых статьях журнала «Тоё кэйдай симпо» от 5, 15 и 25 февраля 1913 г.

³¹ Кацура Таро (1847-1913) – военный и государственный деятель, выходец из княжества Тёсю. В 1870-е гг. получил военное образование в Германии. В 1898-1890 гг. был военным министром. В последние годы периода Мэйдзи в Японии сложилась своего рода двухпартийная система, когда на лидирующие посты в правительстве по очереди выходили Кацура Таро, который игнорировал парламентские партии и подавлял общественные движения и организации, и Сайондзи Киммоти (1849-1940), пользовавшийся славой «либерала». Несмотря на протесты, формирование своего последнего, третьего правительства в конце 1912 г. Кацура также провел без участия представителей парламентских партий. В результате в феврале 1913 г. по инициативе политических партий в различных городах Японии начались митинги протеста против политики Кацура, а 10 февраля произошли кровавые столкновения у стен парламента в Токио. 20 февраля правительство Кацура ушло в отставку. Вскоре он скоропостижно скончался. Новый кабинет возглавил также представитель военной бюрократии, адмирал Ямамото Гоннохёэ (1852-1933).

³² Синсэйто, полностью Синсэйто риккэн досикай – Партия новой политики – Общество друзей конституции. Создана Кацура Таро, позднее действовала под названием Кэнсэйкай (Общество конституционной политики). Послужила основой Минсэйто – Демократической партии Японии.

³³ Сэйюкай, полное название – Риккэн сэйюкай (Общество друзей конституции) – влиятельная политическая партия, основанная Ито Хиробуми и его сторонниками в 1900 г. Распущена в 1940 г.

³⁴ Кокуминто (Национальная партия) – так с 1910 г. стала называться Прогрессивная партия (Симпто).

³⁵ Тайсё – период в истории Японии с 1912 по 1926 гг.

³⁶ Вэйхайвэй, Вэйхай – военно-морская база и прилегающая территория на крайнем северо-востоке Шаньдунского полуострова, «арендованная» Великобританией у Китая в 1898 г. Возвращена в 1930 г.

³⁷ Имеется в виду ввод войск восьми стран в Китай во время «боксерского» восстания (восстания ихэтуаней) в 1900 г.

³⁸ Речь идет о так называемом «21 требовании», выдвинутыми Японией Китаю 18 января 1915 г. Документ, содержавший ультимативные требования относительно Шаньдуна, Южной Маньчжурии, портов и участков побережья континентального Китая, представлял собой программу политического, экономического и военного подчинения Китая Японии. 7 мая, через два дня после появления в печати этой статьи Исибаси Тандзан, Япония предъявила Китаю ультиматум с требованием удовлетворить эти притязания. 25 мая большинство их было принято.

³⁹ Вильсон Томас Вудро (1856-1924) – 28-й президент США. Еще до вступления США в первую мировую войну (апрель 1917 г.) выдвинул идею создания послевоенного союза государств, получившую позднее свое воплощение в Лиге Наций.

⁴⁰ Юань Шикай (1859-1916) – президент Китая после свержения монархии в 1911 г., лидер одной из военных группировок, которая получила название «бэйянские (букв. – северные) милитаристы».

⁴¹ По-видимому, речь идет о так называемой пятой группе пунктов, входивших в «21 требование». Они предусматривали приглашение японцев в качестве советников по политическим, финансовым и военным вопросам при центральном правительстве Китая, предоставление Японии права на постройку железных дорог на китайской территории, предоставление японцам права религиозной пропаганды в Китае. Эта группа пунктов вызвала открытое возмущение западных держав и так и не была принята.

⁴² Япония требовала продления срока аренды Порт-Артура, Дайрэна (Даляня), Южно-Маньчжурской и Аньдун-Мукденской железных дорог.

⁴³ Порт-Артура.

⁴⁴ Гуаньдунский (Квантунский) полуостров – юго-западная часть Ляодунского полуострова в Северо-Восточном Китае.

⁴⁵ Речь идет о промышленном комбинате, получившем в исторической литературе название Ханьепинского. Реально комбинат представлял собой объединение рудников и железодельных заводов, расположенных в городах Ханьян (позднее был включен в г. Ухань), Дае и Пинсян (Название комбината было образовано из иероглифов, входивших в названия этих городов). Третья группа требований, выдвигавшихся Японией, предусматривала превращение Ханьепина в совместное японо-китайское предприятие.

⁴⁶ Като Такааки (1860-1926) – дипломат, политический деятель. Родился в префектуре Айти, закончил Токийский университет. Занимал пост министра иностранных дел в четырех японских правительствах.

⁴⁷ Цитата из работы Джона Сьюарта Милля «Представительное правительство» (Representative Government, Chapter 5, Of the Proper Functions of Representative Bodies).

⁴⁸ Цит. по изд.: Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты. Пер. с фр. А.Д. Хаютина и В.С. Алексеева-Попова. М.: «Кучково поле», 1998., с. 110. Приведенный отрывок содержится в главе IV «О Демократии».

⁴⁹ Там же, с. 153. Приведенный отрывок содержится в главе XV «О Депутатах или Представителях».

⁵⁰ Там же, с. 154.

⁵¹ Видный политический и государственный деятель Окума Сигэнобу (1838-1922) родился в княжестве Хидзэн (ныне префектура Сага). С 1868 г. – на государственной службе, в 1873 г. стал министром финансов. В 1882 г. основал Партию конституционных реформ (Риккэн кайсинто). В 1898 г. сформировал первое в Японии партийное правительство. Вторично занял пост премьеря в марте 1914 г. Поначалу Окума приобрел большую популярность, которая основывалась на его славе либерала, поборника конституционных начал, приверженца идеи создания кабинета на партийной основе. Но на весенней сессии парламента в мае 1915 г. парламентская оппозиция внесла вотум недоверия правительству Окума в связи с его внешней политикой, прежде всего, политикой в отношении Китая. В июле 1915 г. разразился скандал, связанный с арестом нескольких депутатов, обвиненных в получении взяток. Кабинет Окума оказался на грани скандального ухода, избежать которого удалось, лишь отправив в отставку трех министров. Окума ушел в отставку только осенью 1916 г., причем представил в качестве кандидата в премьеры Като Такааки. Однако императорские советники, и, прежде всего, Ямагата Аритомо, пренебрегли этой рекомендацией, в результате чего новым премьером стал Тэраути Масатакэ.

⁵² *Гэнро* – пожизненные советники императора, игравшие значительную роль в управлении японским государством.

⁵³ Цит. по изд.: Конституции буржуазных стран, т. I, М.-Л.: Соцэкгиз, 1935, с. 193.

⁵⁴ 18 февраля 1918 г. верховный совет Антанты принял решение об оккупации японскими войсками Владивостока и Харбина, а также Китайской Восточной железной дороги. 4 июня во Владивостоке произошло убийство двух японских служащих коммерческих компаний. На

следующий день японцы высадили в городе десант под предлогом защиты японских подданных. Официально декларация о направлении войск была обнародована 2 июля 1918 г.

⁵⁵ Как уже говорилось, это произошло в 1916 г. К отставке кабинета Окума приложили руку и торгово-промышленные круги, которые понесли большой урон от бойкота в Китае японских товаров.

⁵⁶ *Бакуфу* – букв. «полевая ставка» - военное правительство Японии. В период правления сёгунов династии Токугава располагалось в Эдо (ныне Токио).

⁵⁷ В 1917 г. в Японии случился неурожай риса. Предвидя резкое повышение цен, спекулянты начали скупать рис. Положение усугубилось тем, что одновременно правительство Тэраути ввело пошлины на его импорт. В результате цены на рис взлетели вверх, что послужило толчком к социальному взрыву среди городской и сельской бедноты: в августе 1918 г. в Японии вспыхнули «рисовые бунты».

⁵⁸ *Коку* – японская мера объема сыпучих веществ, 1 *коку* = 180 л. 1 *коку* риса имеет массу около 150 кг.

⁵⁹ *Сё* – мера объема сыпучих веществ; 1 *сё* = 0,18 л

⁶⁰ *Сэн* – японская денежная единица; 1 *сэн* = 0,01 иены.

⁶¹ Речь идет о так называемом «Движении за независимость 1 марта», которое началось 1 марта 1919 г. как невооруженные выступления в Сеуле, Пхеньяне и других городах и вскоре распространилось на всю оккупированную Японией территорию Кореи.

⁶² После аннексии Японией Кореи в 1910 г. страна была превращена в колонию и получила статус Генерал-губернаторства Тёсэн.

⁶³ Статья посвящена подготовке к Вашингтонской конференции по ограничению морских вооружений, предложения о созыве которой США направили Великобритании, Франции, Италии и Японии 8 июля 1921 г. Япония ответила согласием 26 июля, открытие Вашингтонской конференции состоялось 12 ноября 1921 г.

⁶⁴ Имеется в виду первая мировая война.

⁶⁵ «Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую». Евангелие от Матфея, Мф. 5.39.

⁶⁶ В июле 1918 г. США предложили Японии, Великобритании и Франции создать совместный консорциум четырех стран для предоставления займов Китаю (так называемый Новый консорциум четырех стран). После нескольких лет трудных переговоров Япония 15 мая 1920 г. все-таки вошла в этот консорциум.

⁶⁷ «Итак не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться?.. Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и это все приложится вам». Евангелие от Матфея, Мф. 6.31,33.

⁶⁸ См. предыдущую статью «Готовность пожертвовать всем».

⁶⁹ *Кин* – мера массы; 1 *кин* равен примерно 600 г.

⁷⁰ Для того, чтобы обосновать продолжение оккупации дальневосточных районов России, Япония использовала кровавые события в Николаевске-на-Амуре. В начале 1920 г. в город вошел партизанский отряд под командованием некоего Тряпицына. С японским гарнизоном, находившимся в городе, было заключено соглашение «О мире и дружбе японцев и русских», однако ночью 12 марта между японскими войсками и партизанами вспыхнули столкновения. Часть японцев попала в плен к партизанам. В мае 1920 г. в Николаевск был направлен крупный японский контингент. Вынужденный отступить Тряпицын приказал расстрелять японских пленных. В ответ Япония оккупировала Северный Сахалин и заявила, что ее войска останутся там вплоть до образования «общепризнанного правительства в России».

⁷¹ Имеется в виду действовавшее в 1921-1934 гг. движение за создание местного парламента как совещательного органа, который, в частности, мог бы обсуждать бюджет оккупированного Японией Тайваня.

⁷² «Просите, и дано будет вам; ищите и найдете; стучите, и отворят вам; Ибо всякий просящий получает; и ищущий находит, и стучащему отворят». Евангелие от Матфея. Мф. 7.7,8.

⁷³ См. начало данной статьи.

⁷⁴ Конференция, открывшаяся в январе 1919 г., официально называлась Парижской; Версальскими обычно называют подписанные на ней договоры. Главное требование японской делегации состояло в передаче Японии всех германских прав в Шаньдуне и всех германских владений в Тихом океане. Для достижения этих целей был предпринят ряд дипломатических маневров, один из которых выполнил японский делегат Макино Нобуаки, предложивший включить в проект Устава Лиги Наций дополнение о равноправии иностранцев в странах – членах Лиги Наций. С одной стороны, это было попыткой добиться отмены ограничений на иммиграцию в США и английские доминионы, с другой – выступить принципиальным защитником «желтой расы». По замыслу японских дипломатов, участники конференции должны были потратить основные силы на бесконечные дискуссии по этому вопросу, на фоне которых шаньдунский вопрос мог бы пройти достаточно гладко.

⁷⁵ Имеется в виду первая мировая война.

⁷⁶ В буддийском учении белый лотос является символом чистоты и непорочности.

⁷⁷ «Тут книжники и фарисеи привели к Нему женщину, взятую в прелюбодеянии, и, поставив ее посреди, сказали Ему: Учитель! эта женщина взята в прелюбодеянии. А Моисей в законе заповедал нам побивать таких камнями: Ты что скажешь? Говорили же это, искушая

Его, чтобы найти что-нибудь к обвинению Его. Но Иисус, наклонившись низко, писал перстом на земле, не обращая на них внимания. Когда же продолжали спрашивать Его, Он, восклонившись сказал им: кто из вас без греха, первый брось на нее камень». Евангелие от Иоанна, 8, 4-7.

⁷⁸ «А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем». Евангелие от Матфея, Мф. 5.28.

⁷⁹ Омото – религиозное учение синтоистского толка, основано в 1892 г. крестьянкой Дэгути Нао. Широко распространилось в Японии в 1910-е гг. В 1921 г. власти начали репрессии против сторонников Омото. В частности, лидер школы и еще двое верующих были обвинены в неуважении к властям и нарушении закона о печати. Вторая волна преследований началась в 1930-е гг. В 1935 г. эта организация была распущена и возобновила свою деятельность только после второй мировой войны.

⁸⁰ Ямагата Аритомо (1838-1922) – видный военный, политический и государственный деятель. Родился в г. Хаги княжества Тёсю (сейчас – префектура Ямагути). Активно участвовал в Реставрации Мэйдзи. С 1873 по 1878 гг. – министр обороны, в 1878 г. – начальник Генерального штаба, с 1883 по 1889 гг. – министр внутренних дел Японии, в 1889-1891 гг. – премьер-министр Японии. В 1892 г. стал *гэнро* – пожизненным советником императора. Вторично занимал должность премьер-министра в 1898-1900 гг. Во время русско-японской войны был начальником Генерального штаба. В последние годы своей жизни не занимал официальных должностей, но, будучи *гэнро*, оказывал большое влияние на внутреннюю и внешнюю политику Японии.

⁸¹ В январе 1918 г. выяснилось, что госпожа Куниномия, которая готовилась сочетаться браком с наследным принцем, страдает дальтонизмом. Как советник императора, Ямагата выступил против заключения этого брака, но его позиция не нашла поддержки при дворе. В феврале 1921 г. бракосочетание наследного принца состоялось.

⁸² Имеется в виду Като Такааки (Комэй) (1860-1926).

⁸³ Речь идет о сильнейшем землетрясении, произошедшем 1 сентября 1923 г. в районе Токио – Икогама.

⁸⁴ Адмирал Ямамото Гоннохёэ (1852-1933) возглавлял японское правительство дважды: в первый раз – в 1913-1914 гг., во второй – с августа по декабрь 1923 г.

⁸⁵ Сразу после разрушительного землетрясения 1 сентября 1923 г. в стране распространились слухи о том, что проживающие в Японии корейцы специально организуют беспорядки и поджоги. Через два дня после ударов стихии правительство фактически признало обоснованность подобных обвинений и издало распоряжение об арестах нескольких корейцев. В результате по стране прокатилась волна корейских погромов, в которых, только по официальным данным, погибло несколько тысяч человек.

⁸⁶ Члены некоторых отрядов самообороны (яп. *дзикэйдан*) приняли активное участие в корейских погромах после землетрясения 1 сентября 1923 г.

⁸⁷ Сэйю хонто (Истинная партия друзей политики) – японская политическая партия. Образована в 1924 г. группой политиков, вышедших из партии Риккэн сэйюкай. В 1927 г. соединилась с партией Кэнсэйкай и образовала партию Риккэн минсэйто.

⁸⁸ Речь идет о политических партиях Сэйюкай, Кэнсэйкай и Какусин курабу. Коалиция этих партий победила на выборах, состоявшихся в июне 1924 г., и сформировала кабинет во главе с председателем Кэнсэйкай Като Такааки.

⁸⁹ Хара Кэй (Сатоси, Такаси) (1856-1921) – видный государственный и политический деятель, лидер партии Сэйюкай, премьер-министр Японии в 1918-1921 гг. В 1919 г. кабинет Хара предложил закон о более чем трехкратном снижении имущественного ценза для участия в выборах, в результате чего общее число избирателей увеличилось с 1,5 до 2,8 млн. человек. 4 ноября 1921 г. Хара был заколот у южного выхода Токийского вокзала террористом, недовольным «сдачей позиций Японии» на Вашингтонской конференции по ограничению вооружений.

⁹⁰ «Не вливают также вина молодого в мехи ветхие...» Евангелие от Матфея, Мф. 9.17.

⁹¹ Еще в средние века в Японии сложилась своеобразная социальная каста париев *эта*, стоявшая вне сословного деления японского общества (дворяне, крестьяне, самураи, ремесленники и торговцы). *Эта* занимались деятельностью, которая в традиционном обществе считалась «грязной» (например, выделкой кож). В 1871 г. *эта* были формально включены наряду с крестьянами и самураями низших рангов в сословие «простого народа» (яп. *хэймин*), но и после этого негласная дискриминация в их отношении сохранялась. Они, в частности, не должны были покидать свои специальные, или особые, поселения (яп. *токусю бураку*, *хисабэцу бураку*), поэтому их называли еще *буракумин* – «жители специальных поселений».

⁹² Призванный на военную службу активист анархистского «Движения за ликвидацию спецпоселений» Китахара Тайсаку бросился к восседавшему на коне императору и попытался подать ему письменную петицию с просьбой обратить внимание на дискриминацию *буракумин* в армии. Китахара был задержан и приговорен к одному году каторжных работ.

⁹³ Период правления сёгунов династии Токугава продолжался с 1603 по 1867 гг.

⁹⁴ На протяжении нескольких лет, начиная с 1858 г. (5-го года периода Ансэй по тогдашнему японскому летоисчислению) военное правительство сёгуната Токугава во главе с Ии Наосукэ применяло разнообразные репрессивные меры в отношении сторонников передачи власти императору. Результатами этой политики явились, в частности, рост поляризации в обществе и убийство Ии Наосукэ в 1860 г.

⁹⁵ Эпиграмма английского поэта Джона Харрингтона (John Harrington, 1561–1612). В первоисточнике звучит так: «Treason doth never prosper: what 's the reason?/ Why, if it prosper, none dare call it treason». Здесь цитируется в переводе С.Я. Маршака по изд.: С.Я. Маршак. Стихотворения и поэмы. «Советский писатель», Л., 1973, с. 632.

⁹⁶ Ансэй – период с 1854 по 1860 гг. Периоду Бункю соответствуют 1861-1864 гг.

⁹⁷ До 1868 г. в Киото находился императорский двор.

⁹⁸ Речь идет о полицейской операции, получившей название «буря 15 марта». На рассвете 15 марта 1928 г. власти одновременно провели аресты политических противников в Токио, Осака, Киото и 21 префектуре Японии. Официально репрессии были направлены против Коммунистической партии Японии (КПЯ), но в действительности среди нескольких тысяч арестованных наряду с членами КПЯ (1600 человек) было немало сочувствующих, профсоюзных активистов и т.п.

⁹⁹ Танака Гиити (1863-1929) – военный и государственный деятель, генерал, барон. Родился в княжестве Тёсю (ныне префектура Ямагути). Участвовал в японо-китайской войне 1894-1895 гг. В 1918-1921 и 1923-1924 гг. входил в правительство в качестве военного министра. Был одним из организаторов интервенции на советском Дальнем Востоке в 1918-1922 гг. В 1927 г. стал премьер-министром. В период пребывания Танака у власти были проведены первые в Японии парламентские выборы на основе всеобщего избирательного права (для мужчин). Вместе с тем проводились массовые аресты коммунистов и «сочувствующих», были распущены профсоюзные и другие организации левого направления. Внешняя политика кабинета Танака характеризовалась усилением японского вмешательства в Китай (вторжения в провинцию Шаньдун в 1927 и 1928 гг.).

¹⁰⁰ Весной 1928 г. с высадки японских войск в провинции Шаньдун началась открытая вооруженная агрессия Японии против Китая. Под предлогом противодействия войскам нанкинскому правительству, продвигавшимся на север, кабинет Танака Гиити осуществил так называемую вторую экспедицию в Шаньдун. 19 апреля 1928 г. в этой китайской провинции высадились первые 5 тысяч японских солдат.

¹⁰¹ Ноги Марэсукэ (1849-1912) – генерал, граф. Активный участник японо-китайской войны 1894-1895 гг., прославился удачными действиями на Ляодунском полуострове. С 1896 по 1898 гг. служил генерал-губернатором Тайваня. Во время Русско-японской войны 1904-1905 гг. руководил осадой Порт-Артура, командовал японской армией в боях под Мукденом. После смерти императора Мэйдзи в 1912 г., как верный вассал, покончил жизнь ритуальным «самоубийством вслед».

¹⁰² Чжан Цзолинь (1876-1928) – маршал, военный правитель Северного Китая. Через две недели после публикации этой статьи Исисабаси, 4 июня 1928 г., специальный поезд, в котором ехал Чжан Цзолинь, был взорван японскими армейскими офицерами, которые решили таким образом «наказать» маршала за попытку сближения с гоминьдановским правительством Китая.

¹⁰³ Премьер-министр Японии Хамагути Осати (Юко) (1870-1931) был тяжело ранен выстрелом из пистолета утром 14 ноября 1930 г. на платформе Токийского вокзала. Поводом для покушения, организованного ультраправой организацией «Айкокуся» («Общество патриотов»), стала «недостаточно патриотичная» позиция делегации Японии на Лондонской конференции об ограничении морских вооружений. Хамагути так и не смог оправиться от полученных ранений: 13 апреля 1931 г. он подал в отставку с поста премьер-министра, 14 апреля в Японии было сформировано новое правительство во главе с Вакацуки Рэйдзи. 26 августа 1931 г. Хамагути Осати скончался.

¹⁰⁴ В 1927 г. правительство Японии возглавил генерал Танака Гиити, ушедший ради этого в отставку с действительной военной службы и ставший председателем партии Сэйюкай. В феврале 1928 г., в ходе подготовки к первым в истории Японии всеобщим парламентским выборам, Судзуки Кисабуро, министр внутренних дел в правительстве Танака, заявил, что примат парламентаризма, проповедуемый Демократической партией (Минсэйто), является угрозой для традиционного государственного устройства Японии. Это высказывание было расценено в Минсэйто как вмешательство в ход выборов. Минсэйто, получившая в результате выборов 217 мест в парламенте против 219 у Сэйюкай, в конце концов добилась отставки Судзуки.

¹⁰⁵ Речь идет о министре культуры Кохаси Кадзута, который в бытность свою генеральным секретарем партии Сэйю хонто получил взятку от руководства железнодорожной компании «Этиго тэцудо». В ноябре 1929 г. Кохаси ушел в отставку, а в декабре 1930 г. был отдан под суд.

¹⁰⁶ Летом 1931 г. офицер Генерального штаба японской армии капитан Накамура Синтаро, переодевшись местным жителем, предпринял поездку в закрытый для посещения японцами район Маньчжурии (северо-восток Китая) с целью сбора разведывательной информации, необходимой «на случай начала военных действий с СССР». В ходе поездки Накамура и его спутники были убиты в столкновении с отрядом местных китайских войск. Воспользовавшись этим случаем, а также произошедшим 18 сентября взрывом на железной дороге севернее Мукдена (ныне Шэньян), японская армия, расположенная в Маньчжурии, напала на казармы китайских войск. В течение недели японские войска заняли важнейшие населенные пункты провинций Мукден и Гири. 21 сентября японские войска, дислоцированные в Корею, перешли китайскую границу и также вступили в Маньчжурию.

¹⁰⁷ См. в данном сборнике статью Исисабаси Тандзан «Корни зла в нашей внешней политике».

¹⁰⁸ Цин – императорская маньчжурская династия в Китае, правила с 1644 по 1911 гг. Свергнута Синьхайской революцией.

¹⁰⁹ Цитата из старинного китайского трактата о воинском искусстве, автором которого традиция считает знаменитого полководца Сунь Цзы (VI в. до н.э.), современника Конфуция. В девятом параграфе главы «Стратегическое нападение» говорится: «Знаешь противника и знаешь себя – победа будет за тобой; знаешь себя, а его не знаешь – один раз победишь, на другой потерпишь поражение; не знаешь ни себя, ни его – каждый раз будешь терпеть поражение» (Пер. Н.И. Конрада, цит. по: Из книг мудрецов. Проза Древнего Китая. М., 1984, с. 219).

¹¹⁰ Термин «укрепление служебной дисциплины» (яп. *коки сюкусэй*) в это время широко использовался в японской печати как эвфемизм понятия «борьба с коррупцией».

¹¹¹ В февральском номере журнала «Гэндай» за 1934 г. министр финансов Накадзима Кумакичи опубликовал написанное задолго до этого историческое эссе «Асикага Такаудзи». Это произведение было воспринято в японских политических кругах как панегирик «мятежному воину Асикага, изменившему трону» и вызвало резкие нападки депутатов парламента от правых партий. 9 февраля 1934 г. Накадзима был вынужден уйти в отставку.

Асикага Такаудзи (1305-1358) – военный и политический деятель, одна из самых противоречивых фигур японской истории. В 1332 г. свергнутый император Годайго, представлявший так называемую Северную ветвь расколовшейся надвое императорской династии, предпринял попытку избавиться от тогдашних военных правителей и вернуть власть императорскому дому. Для подавления выступления Годайго в 1333 г. по приказу военного правительства военачальник Асикага Такаудзи вошел со своими войсками в столицу страны Киото, однако вместо того, чтобы биться с мятежниками, перешел на сторону Годайго. Благодаря этому в том же году Годайго сбросил с трона представителя Южной ветви императорской династии и сам занял его место. Однако уже в 1336 г. Асикага, воспользовавшись провалами экономической политики Годайго, изменил последнему, снова занял Киото и посадил на императорский престол другого представителя той же Северной ветви династии. В 1336 г. Асикага объявил о возобновлении военного управления страной, а в 1338 г. объявил себя верховным военным правителем страны – сёгуном, основав, таким образом, наследственный сёгунат Муромати, который просуществовал до 1573 г.

¹¹² Хатояма Итиро (1883-1959) – видный политический и государственный деятель, премьер-министр Японии. С 1915 по 1940 гг. 15 раз избирался депутатом парламента от партии Сэйюкай, в 1931-1934 гг. был министром просвещения. Один из организаторов Либеральной партии Японии и ее председатель (1954). Возглавлял правительство Японии в 1954-1956 гг. Скрепил своей подписью Совместную декларацию СССР и Японии 1956 г. Упоминаемый в статье эпизод связан с делом 1934 г., когда Хатояма оказался вовлеченным в коррупционный скандал, связанный с деятельностью японских предприятий на Сахалине. 3 марта 1934 г., то есть в день выхода из печати номера «Тоё кэйдзай симпо» с этой статьей Исибаси, Хатояма был вынужден уйти в отставку.

¹¹³ Сайто Макото (1858-1936) – военный и государственный деятель, адмирал, премьер-министр Японии. С 1898 г. – заместитель военно-морского министра, с 1906 по 1914 гг. – военно-морской министр. В 1919-1927 гг. был генерал-губернатором Кореи. Кабинет адмирала Сайто был образован после путча и убийства премьер-министра Инукаи Цуёси 15 мая 1932 г. и представлял собой сложный конгломерат соперничающих политических сил – высших сановников, представителей политических партий, бюрократии и военных. 3 июля 1934 г. Сайто действительно ушел в отставку из-за обвинений в коррупции, а в феврале 1936 г. был убит во время путча.

¹¹⁴ Термин «политика открытых дверей» впервые появился в тексте договора девяти держав о политике в Китае, подписанного участниками Вашингтонской конференции 6 февраля 1922 г. Формально договор обязывал уважать суверенитет, независимость и территориальную целостность Китая и соблюдать «принцип открытых дверей», т.е. «равенство открывающихся в Китае возможностей для торговли и промышленности всех наций».

¹¹⁵ О создании марионеточного государства Маньчжоуго на базе оккупированных Японией областей Северо-Восточного Китая было объявлено 1 марта 1932 г., в июне 1932 г. Япония признала независимость Маньчжоуго.

¹¹⁶ См. выше статью Исибаси «Основные пути решения проблем Маньчжурии и Монголии».

¹¹⁷ 26 ноября 1936 г. в результате переговоров между Германией и Японией был заключен «антикоминтерновский пакт» сроком на 5 лет. Его содержание сводилось к двум основным пунктам: 1) стороны обязались информировать друг друга о деятельности Коммунистического Интернационала и вести борьбу против него и 2) принимать необходимые меры против тех, кто прямо или косвенно действует в пользу Коминтерна. 6 ноября 1937 г. к этому пакту присоединилась Италия. У пакта имелось секретное приложение, в котором говорилось, что «Высокие Договаривающиеся стороны не будут заключать без взаимного соглашения никаких политических договоров с Союзом Советских Социалистических Республик, которые не соответствуют духу настоящего Соглашения». Поэтому заключение пакта о ненападении между Германией и СССР 23 августа 1939 г. стало неожиданностью для Японии. Премьер-министр ХираNUMA заявил, что берет на себя ответственность за заключение «вероятным противником договора с Германией» и 28 августа 1939 г. подал прошение об отставке. Это был уникальный случай, когда правительство Японии ушло в отставку по причине международных событий, в которых страна напрямую не участвовала.

¹¹⁸ Данцигский (или Польский) коридор – в литературе название полосы, полученной Польшей по Версальскому мирному договору 1919 г. и давшей ей доступ к Балтийскому морю. Собственно Данциг (ныне Гданьск) по этому договору объявлялся «Вольным городом Данцигом» и находился под управлением Лиги Наций.

¹¹⁹ 1 сентября 1939 г., накануне выхода из печати очередного номера журнала «Тоё кэйдзай симпо» с данной статьей Исибаси, нападением Германии на Польшу началась вторая мировая война.

¹²⁰ В 1939 г. японские войска продолжали расширять сферу военных действий в Китае. В мае они фактически установили блокаду английской концессии в Тяньцзине и потребовали прекращения на ее территории «антияпонской деятельности». Конфликт составил предмет переговоров, в результате которых в конце июля в Токио было заключено англо-японское соглашение.

¹²¹ «Китайским инцидентом» в японской прессе, а затем и в историографии традиционно называется война в Китае, которую Япония вела с 1937 по 1945 гг. Название отражает первоначальное представление японских генералов о предполагаемом характере военных действий в Китае, который не считался сильным противником.

¹²² 2 февраля 1940 г. депутат парламента от Демократической партии (Минсэйто) Сайто Рокуо в ходе пленарного заседания палаты представителей подал в правительство запрос о ходе так называемого «Китайского инцидента». Под давлением военных было начато расследование «неподобающего поведения» депутата, его дело было передано в дисциплинарную комиссию парламента. Несмотря на протесты, 7 марта 1940 г. под давлением промилитаристски настроенных депутатов было принято решение об исключении Сайто из числа депутатов парламента.

¹²³ Имеется в виду война, которую Япония вела в Китае с 1937 г.

¹²⁴ В то время в японской экономической литературе было принято деление мировой экономики на германскую, американскую, британскую и японо-маньчжуро-китайскую экономические зоны.

¹²⁵ Период Гэнроку (1688-1704) характеризовался бурным ростом сельскохозяйственного производства, развитием торговли и городской культуры.

¹²⁶ Речь идет о Джеймсе Харгривсе (James Hargreaves, 1720-1778). В 1768 г. он изобрел прядильную машину Spinning Jenny, которая одновременно скручивала восемь нитей. В 1770 г. Харгривс запатентовал машину с 16 веретенами.

¹²⁷ Имеется в виду опубликованный в 1776 г. труд шотландского экономиста и философа Адама Смита (Adam Smith, 1723-1790) «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations» («Исследование о природе и причинах богатства народов»).

¹²⁸ Речь идет о войне 1870-1871 гг. между Францией и Пруссией, выступавшей совместно с рядом других германских государств. В ходе войны завершилось объединение Германии под главенством Пруссии. Война закончилась подписанием Франкфуртского мирного договора 1871 г.

¹²⁹ 20 июля 1944 г. император поручил формирование нового правительства Коисо Куниаки (1880-1950) и Ёнаи Мицумаса (1880-1948). Бывший генерал-губернатор Кореи, Коисо неожиданно для себя стал премьером, а Ёнаи – его заместителем и военно-морским министром. Несмотря на чрезвычайный характер проводившихся мер (именно при Коисо было развернуто движение смертников-камикадзе), новый премьер так и не смог стать авторитетным лидером и ушел в отставку в апреле 1945 г.

¹³⁰ Цитируется отрывок из XIX дана произведения Кэнко-хоси (ок. 1283 – ок. 1352) «Записки от скуки»: «Поскольку не высказывать того, что думаешь, - это все равно, что ходить со вспученным животом, - нужно, повинувшись кисти, предаться этой пустой забаве, затем все порвать и выбросить, и тогда люди ничего не смогут увидеть...» Цит. по: Кэнко-хоси. Записки от скуки (Цурэдзурэгуса). Пер. с японского, вступит. статья, коммент. и указатель В.Н. Горегляда. Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы, М., 1970. Согласно комментарию В.Н. Горегляда, выражение «Не высказывать того, что думаешь, - это всё равно, что ходить со вспученным животом» заимствовано Кэнко-хоси из предисловия к сборнику исторических повествований «Окагами» («Великое зеркало»), написанному в XII в. Фудзивара Тамэнари.

¹³¹ Тодзё Хидэки (1884-1948) – генерал, политический и государственный деятель, премьер-министр Японии и по совместительству военный министр в 1941-1944 гг. В 1945 г. принял на себя ответственность за поражение Японии в войне. На Токийском процессе был признан виновным по всем пунктам обвинения, приговорен к смертной казни и повешен.

¹³² См. в данном сборнике статью Исибаси Тандзан «Политическое значение рисовых бунтов».

¹³³ Речь идет о выступлении Йозефа Геббельса, который вскоре после провала покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. был назначен главным уполномоченным по «тотальной мобилизации» населения Германии.

¹³⁴ В 1940 г. в Японии началось формирование так называемой «новой политической структуры», призванной обеспечить «сотрудничество и единство действий власти и народа». Политические партии одна за другой стали заявлять о своем самороспуске. В рамках реализации плана создания «новой политической структуры» 12 октября 1940 г. была создана Ассоциация помощи трону (яп. *тайсэй ёкусан кай*). В 1941 г. Ассоциация была реорганизована и превратилась во вспомогательный орган государственно-бюрократической системы, финансируемый из бюджета. Общество политического содействия трону (яп. *ёкусан сэйдзи кай*) было создано 20 мая 1942 г. с одобрения тогдашнего премьер-министра Тодзё Хидэки. Программа общества предусматривала сплочение всех политических сил страны для победы в войне, создание «сферы совместного процветания» в Восточной Азии и построение «нового порядка» во всем мире. После его создания объявили о своем самороспуске все сохранившиеся к тому моменту политические партии страны.

¹³⁵ Коноэ Фумимаро (1891-1945) – политический и государственный деятель, принц, премьер-министр Японии (трижды возглавлял кабинет в 1937-1939 и 1940-1941 гг.).

¹³⁶ Выступая 28 августа 1940 г., премьер-министр Коноэ заявил, что движение помощи трону не должно быть политическим движением: «Нельзя допустить, чтобы это движение приняло форму движения по так называемому принципу «в одном государстве – одна партия». Нужно прямо заявить, что как бы то ни было хороши результаты такого положения в других государствах, немедленное перенесение этого принципа в Японию нарушило бы характер нашего национального государственного строя, при котором император и народ едины».

¹³⁷ Закон о чрезвычайных мерах военного времени и добровольной военной службе населения был принят японским парламентом только в июне 1945 г. Правительству были предоставлены права призывать в армию мужчин в возрасте от 15 до 60 лет и женщин в возрасте от 17 до 40 лет.

¹³⁸ *Тонаригуми* – товарищество соседей, объединяющее жителей близлежащих домов.

¹³⁹ «Страна тростниковых равнин и спелых колосьев риса» (яп. *тоё асихара-но мидзухо-но куни*) – поэтическое название Японии, упоминаемое еще в сводах VIII в. «Кодзики» и «Нихонги».

¹⁴⁰ 13 июля 1945 г. посол Японии в СССР Като Наотакэ посетил заместителя министра иностранных дел С.А. Лозовского и передал ему послание японского императора, в котором указывалось, что он хочет «положить конец войне». 26 июля 1945 г. была опубликована Потсдамская декларация США, Великобритании и Китая, требовавшая от Японии немедленной безоговорочной капитуляции.

¹⁴¹ Императорский эдикт об окончании войны от 14 августа 1945 года. Цит. по: История войны на Тихом океане в 5 томах. Пер с яп. «Иностранная литература», М., 1958, т. IV, с. 275-277.

¹⁴² Имеются в виду положения Потсдамской декларации.

¹⁴³ Так в оригинале.

¹⁴⁴ Выступление в Токийском пресс-клубе относится к периоду пребывания Исибаси Тандзан на посту премьер-министра Японии. Исибаси стал премьером 23 декабря 1956 г., но уже 31 января 1957 г. из-за тяжелой болезни приостановил свои полномочия, а 23 февраля подал в отставку.

¹⁴⁵ Атлантическая хартия – декларация глав правительств США и Великобритании, подписанная 14 августа 1941 г. В декларации в общей форме говорилось о целях войны против фашистской Германии и ее союзников, о послевоенном устройстве мира, в частности, об отказе от территориальных захватов, и о праве народов избирать себе форму правления. 29 сентября 1941 г. СССР объявил о своем присоединении к основным положениям Хартии, что создало предпосылки для формирования антигитлеровской коалиции.

¹⁴⁶ 19 октября 1956 г. в Москве была подписана Совместная советско-японская декларация, согласно которой между СССР и Японией прекращалось состояние войны и восстанавливались дипломатические и консульские отношения.

¹⁴⁷ Икэда Хаято (1899-1965) – политический и государственный деятель, премьер-министр Японии в 1960-1964 гг. С приходом к власти кабинета Икэда государственная политика была переключена в русло решения задачи форсированного экономического роста. Икэда был инициатором «Плана удвоения национального дохода» («План Икэда»), обеспечившего высокие темпы развития японской экономики.

¹⁴⁸ Общество «СССР-Япония» (основано в 1957 г., в 1992 г. переименовано в Общество «Япония – страны Евразии») – старейшая и самая крупная японская общественная организация, выступающая за дружбу, добрососедство и сотрудничество между Японией и странами бывшего СССР. Первым президентом Общества был бывший премьер-министр Японии Хатояма Итиро, вторым (по времени) президентом – Исибаси Тандзан.

¹⁴⁹ Намек на пассаж из «Суждений и бесед» Конфуция: «Я трижды в день вопрошаю самого себя. Не было ли так, что, давая кому-либо совет, я был не вполне откровенен? Не был ли я в общении с другом неискренен? Достаточно ли я упражнял себя в том, что мне преподано?» Пер. с кит. В.М. Алексеева. Цит. по: В.М. Алексеев. Китайская литература. Избранные труды. М., 1978, с. 433.

¹⁵⁰ Киси Нобусукэ (1896-1987) – политический и государственный деятель, премьер-министр Японии, сменивший на этом посту в феврале 1956 г. Исибаси. Имя Киси вошло в историю Японии в связи с бурными событиями, которые сопровождали заключение 19 января 1960 г. нового «договора безопасности» со США, предоставившего право размещать американские войска на территории Японии. Многочисленные демонстрации протеста не остановили ратификацию договора, который вступил в силу 23 июня 1960 г. В тот же день кабинет Киси ушел в отставку.

¹⁵¹ Исибаси и Икэда поддерживали дружеские отношения. Исибаси немало сделал для становления политической карьеры Икэда, и последний никогда этого не забывал.

¹⁵² Под «мерами по обеспечению общественного порядка» имеются в виду разгоны массовых демонстраций противников нового японо-американского «договора безопасности». Происхождение термина, который можно перевести как «партия утихомирных», или «тихая партия» (яп. *сюкуто*) связано с событиями, имевшими место в парламенте Японии накануне ратификации этого договора. 19 мая 1960 г. руководство Либерально-Демократической партии (ЛДП), обладавшей парламентским большинством, предложило продлить сессию парламента с тем, чтобы ратифицировать договор. Оппозиция попыталась помешать председателю нижней палаты провести голосование по этому вопросу. Тогда в здание парламента была введена полиция, которая силой удалила оппозиционных депутатов из зала заседаний. После этого сессия была продлена, и новый японо-американский «договор безопасности» был ратифицирован голосами только депутатов от ЛДП.

¹⁵³ Речь идет о переговорах председателя совета министров СССР Н.С. Хрущева и президента США Д. Эйзенхауэра, состоявшихся 27 сентября 1959 г. в резиденции Кэмп-Дэвид. В результате переговоров было принято решение созвать в Париже в мае 1960 г. конференцию глав четырех государств (СССР, США, Великобритании и Франции). Из-за инцидента с американским разведывательным самолетом U-2, который вторгся в воздушное пространство СССР и был сбит 1 мая 1960 г., эта встреча, как и намечавшийся визит Дуайта Эйзенхауэра в СССР, так и не состоялась.

¹⁵⁴ Федоренко Николай Трофимович (1912-2000) – филолог-востоковед. В 1939-1968 гг. был на дипломатической работе, в 1955-1958 гг. – заместитель министра иностранных дел СССР.

¹⁵⁵ 2 мая 1958 г. на международной филателистической выставке, проходившей в японском городе Нагасаки, был сорван государственный флаг Китайской Народной Республики. В ответ КНР разорвала все контакты с Японией. В августе того же года Китай поставил кабинету Киси три условия восстановления разорванных связей: 1) не совершать враждебных Китаю заявлений и действий; 2) прекратить интриги, направленные на создание «двух Китаев»; 3) не чинить препятствий на пути нормализации китайско-японских отношений.

¹⁵⁶ Сидэхара Кидзиро (1972-1951) – политический и государственный деятель, премьер-министр Японии. Занимая во второй половине 1920-х гг. пост министра иностранных дел в ряде правительств, Сидэхара считал желательным достижение соглашений со США и

Великобританией (выражение «дипломатия Сидэхара» в смысле «примирительная, прозападная дипломатия» было нарицательным в конце 1920-х – начале 1930-х гг.). 9 октября 1945 г. при неофициальном одобрении главнокомандующего оккупационными войсками генерала Д. Макартура Сидэхара стал премьер-министром. Его правительство опубликовало в апреле 1946 г. проект ныне действующей Конституции Японии, созданный на базе материалов, подготовленных в штабе верховного главнокомандующего оккупационными войсками. Считается, что именно по предложению Сидэхара в Конституцию было включено положение об отказе «японского народа на вечные времена от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров».

¹⁵⁷ «Айк» - это президент США Дуайт Эйзенхауэр. 16 июня 1960 г. премьер-министр Киси, который ранее не раз заявлял о том, что визит американского президента пройдет без инцидентов, из-за массовых протестов и демонстраций был вынужден отменить приглашение Эйзенхауэру посетить Японию.

¹⁵⁸ Советско-японский торговый договор был подписан 6 декабря 1957 г. в Токио.

¹⁵⁹ Сато Эйсаку (1901-1975) – политический и государственный деятель, премьер-министр Японии с 1964 по 1972 гг.

¹⁶⁰ Араки Садао (1877-1966) – политик, генерал, влиятельный идеолог национализма.

¹⁶¹ У Тан (1909-1974) – бирманский дипломат, Генеральный секретарь ООН в 1962-1971 гг.